

Визажка

Лодови

АЛКИНА УРАДИШВИЛИ

Любите ли вы сказки? Я вот тоже любила, пока не попала в одну из них. И все здесь, вроде, по законам жанра: и влюбленный герцог имеется, и злая ведьма. Только вот сказка оказалась настоящим ужасником, вместо красавца-герцога ночное чудовище, а моя жизнь не более, чем средство достижения цели для одной предприимчивой дамы.

И вообще, попав в сказку — постарайся выжить!

Часть 1

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Всегда знала, что каждое доброе дело строго наказуемо, но такой уж у меня характер — не могу пройти мимо тех, кто нуждается в моей помощи. Вот и сейчас, идя по главной улице нашего городка, я увидела пожилую женщину, которая с трудом передвигалась на костылях. Ее болезненно распухшее рыхлое тело обтягивало платье кричащей расцветки, короткие, помужски остриженные седые волосы торчали во все стороны, а по толстому некрасивому лицу стекал пот. Отдуваясь и кряхтя, она практически волочила за собой отекавшие ноги, помогая себе костылями.

В тот момент, когда мы с ней поравнялись, она как раз замерла у высокого крыльца продуктового магазина, раздумывая, как бы поудобнее на него взобраться.

— Вам помочь? — участливо спросила я, беря ее под руку.

Но женщина вдруг рванулась в сторону, с невиданной для больного человека прытью. Из-под кустистых бровей меня обожгло такой ненавистью, что я невольно отшатнулась. Мимо проходили люди. Кто спешил по делам, кто празднично прогуливался, желая насладиться последним теплом уходящего лета. Никто из них не смотрел в нашу сторону, будто нас и не существовало.

— Добренькая какая! — ядовито процедила она, буравя меня злобным взглядом. — Тебе что, больше всех надо?

— Простите, — растерялась я от такого напора, — я ведь только хотела...

— Помочь хотела? — голос странной незнакомки стал вдруг неприятно-приторным, вкрадчивым. — И часто ты так людям помогаешь?

— Н-ну... если надо...

Я отступила на шаг, собираясь оставить эту женщину с ее костылями и идти дальше. Оставалось десять минут до закрытия банка, а мне срочно надо было заплатить за кредит. Но незнакомка вдруг вцепилась в мою руку с такой силой, что я невольно вскрикнула.

— Любишь помогать, значит, — прошипела она, едва не брызгая слюной. — Что ж, ты мне подходишь!

Не успела я и рта раскрыть, как она толкнула меня, заставляя подняться на ступеньку выше. Я уперлась спиной в стеклянную дверь магазина и теперь думала только об одном, как отвязаться от этой сумасшедшей. Мимо магазина проходила толпа, но ни один человек даже не глянул в нашу сторону, никто не заинтересовался, не скользнул взглядом даже случайно.

Я скосила глаза вбок, размышляя, а не зайти ли мне за хлебом, раз уж меня так прижимают к двери гастронома. За витриной расхаживал народ, абсолютно равнодушный к тому, что происходило вокруг.

— Ну! — женщина нетерпеливо ткнула меня костылем в грудь. — Заходи! А то там

заждались.

Я оглянулась. Действительно, с той стороны двери две женщины уже спешили от кассы к выходу. Толкнула дверь, открывавшуюся вовнутрь, хотела развернуться, но споткнулась о высокий порожек. Неловко взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но тут эта ненормальная второй раз ударила меня костылем, и я полетела навзничь, крича и судорожно хватая ртом воздух.

Встреча с бетонным полом магазина почему-то не состоялась. Я упала в какой-то странный туман, тут же окутавший меня — молочно-белый и густой, как кисель. Я тонула в нем, погружаясь все глубже и глубже. Закружилась голова, желудок ткнулся в горло, желая выскочить наружу. Исчезло чувство гравитации, я уже не могла определить, где верх, где низ. Наверное, именно так чувствовала себя Алиса, падая в кроличью нору...

Полет окончился внезапно и довольно болезненно. Вот только что я летела, распростершись пятиконечной звездой, сквозь непонятный туман, а в следующий миг уже врзалась затылком в рыхлую землю. И затылок, и отбитая поясница дружно застонали. Точнее, стонала я.

Закрыв глаза и расслабив мышцы, я лежала неизвестно где и неизвестно на чем. Встать и оглядеться мне не давал страх. Самое ужасное было в том, что я все прекрасно осознавала. Это в книжках попаданки думают, что спят. А тут, какой сон?! Я ведь ни на мгновение не потеряла сознания и четко осознавала все свои действия. Мозг лихорадочно щелкал заржавевшими шестеренками, пытаюсь составить логический отчет о происходящем.

Наконец, когда боль немного утихла, я рискнула открыть глаза. М-да-а, ничего оригинального. Ночное небо над головой, яркие незнакомые звезды. И луна — огромная, закрывающая четверть неба и, к тому же, кроваво-красная.

Я моргнула, пытаюсь осмыслить действительность. Так-с, и куда меня занесло? Приподнялась, повертела головой. Вокруг, насколько хватало глаз, простирался дремучий лес с вековыми деревьями в два обхвата толщиной. Что ж, Катерина, могу тебя поздравить. Ты явно не на Земле. Теперь бы ещё понять, в какой стороне искать принцев, эльфов и драконов. Желательно красивых, мужественных и без памяти в меня влюбленных. Или здесь водятся продвинутые инопланетяне с мускулистым телом и нежной душой?

Как бы там ни было, а ночная прохлада заставила меня встать на ноги. Я с сомнением оглядела себя. Собираясь сегодня в город, я вовсе не учитывала, что придется совершать променады по ночному лесу. Короткий топ, открывавший плоский живот с блестящим камушком в пупке, узкая мини-юбочка спортивного кроя с яркой надписью на лампасе "Adidas". Золотистые босоножки на шпильке, состоявшие из тоненьких полосок, обхватывавших стопу поперек пальцев и крест-на-крест на лодыжке завершали ансамбль. А как еще одеваться в сорокаградусную жару молодой, свободной девушке? Уж точно не в паранджу!

Одно огорчало. Моя маленькая стильная сумочка в виде белого лакированного рюкзака без вести пропала. Хотя, я точно помню, что она крепко сидела у меня на спине. Может, поискать? Вдруг отлетела при падении. Да нет... как я ее найду в этой темноте?

Ночной холод был довольно ощутим, и я уже через пару минут покрылась мурашками. Обняла себя покрепче, пытаюсь сохранить тепло, и побрела наугад. Все равно не знаю, куда идти.

Вы пробовали ходить по ночному лесу на шпильках? Вот и не пробуйте! Каблуки проваливались в мягкую землю и гнилую листву, а не пройдя и десяти шагов, я зацепилась

ремешком за какой-то сучок. Раздраженно дернула ногой — и тоненькая полоска искусственной кожи приказала долго жить. Теперь левая босоножка болталась на ноге держась за лодыжку. Это было уже слишком!

Внутри клокотали ярость и обида. Ну вот кому я что плохого сделала?! Жила себе, никого не трогала — и на тебе! Дернул же меня черт подойти к той сумасшедшей! А вдруг это была ведьма? Не сама же я сюда попала... Кто-то явно поспособствовал. Но представить, что по нашему городку посреди дня бродит настоящая ведьма, да еще в таком неприглядном виде... просто в голове не укладывается!

Закусив губу от досады, я сняла испорченную обувь и, не глядя, через плечо, кинула в темноту. А потом осторожно двинулась дальше.

Шла я очень медленно, маленькими шажками, вытянув вперед руки. Очки мои остались в сумке, а без них я в сумерках почти ничего не видела. Что поделаться, "минус три" вносит свои коррективы. Это днем я прекрасно себя чувствую, и в знакомой обстановке. А ночью, да еще в чужом лесу... боюсь, тут и очки не помогут. В общем, попала так попала.

Где-то через полчаса бесцельных блужданий, я, наконец, не выдержала и обреченно опустилась в мокрую от росы траву. В голове мелькнула умная мысль дождаться рассвета. Все тело колотила крупная дрожь, руки и ноги заледенели, зубы весело отплясывали кастаньету. В довершении ко всему в горле пересохло и страшно хотелось пить.

Неожиданно, в полной тишине, где-то метрах в ста от меня, взлетела и заполошно застрекотала сорока, оглашая лес своим криком. Я вскочила, настороженно вглядываясь в темноту. Сороки ночью спят! Это я знаю точно! Что-то (или кто-то) спугнуло ее, и это что-то движется сейчас в мою сторону, утробно рыча и ломая подлесок, будто медведь-шатун!

Бежать!!! Бежать... Куда бежать?!

Я заметалась меж трех дубов (или это были вязы? Кто в потемках разберет!) не зная, куда бежать. Кинулась в одну сторону, спотыкаясь и падая, в другую, потом замерла в ужасе на одном месте. В ночи раздался громогласный рев, от которого у меня затряслись колени, и я прямо попой почувствовала, как неизвестное животное прибавило скорость, рассчитывая поскорее поужинать мною.

Первой мыслью было рвануть в сторону, противоположную приближению зверя. Но потом я вспомнила, что от медведей не стоит бегать. В какой-то книжке я читала, что к этим хищникам нельзя поворачиваться спиной, это провоцирует их на нападение. А вот мертвечину они не едят! Это шанс!

В темноте я практически на четвереньках влезла в густой кустарник, росший вокруг толстых стволов. Закопалась в ворох прелой листвы, стараясь поменьше шуметь, и прикинулась трупом: глаза закатила, дыхание выровняла и приготовилась вообще не дышать, если этот медведь меня найдет и захочет обнюхать. Было очень мокро, холодно и страшно, но уж лучше так, чем оказаться разорванной диким зверем.

Когда неизвестное существо раздвинуло ветки над моей головой, я от страха вообще дышать перестала. Сердце екнуло и благополучно провалилось в желудок, тело моментально покрылось холодным потом. Зверь был на расстоянии вытянутой руки, но уже не рычал. Наоборот, я услышала недовольное ворчание и горячее, зловонное дыхание опалило мое лицо.

Я не удержалась и сморщила нос, сдерживая подступившую к горлу тошноту. Фу-у-у-у! Какой тухлятины он наелся?!

Несколько секунд меня обнюхивали, причем так тщательно, что я уже практически

попрошались с жизнью. Медведь (или кто он там) поворчал, посопел, а потом я вдруг почувствовала, как что-то шершавое и мокрое прошлось по моей щеке. Это было уже слишком!

Я распахнула глаза и заорала во все горло, срываясь на ультразвук.

Прямо надо мной нависала громадная косматая морда с оскаленной пастью, с оголенных клыков падали клочья пены, а из-под косматых бровей светились два ярко-красных глаза. В один момент я поняла, что это никакой не медведь. Это монстр! Чудовище! Исчадие ада! Мой визг на секунду дезориентировал его, заставив недовольно взрыкнуть, а в следующий миг оно с утробным рычанием начало сосредоточенно выковыривать меня из ненадежного схрона.

В темноте я не могла разобрать, что это за зверь, поняла лишь одно: оно было громадным, страшным и явно плотоядным! А еще вонючим и неухоженным, и, по всей видимости, далеко не ручным!

Перспектива оказаться у него в желудке придавала мне сил. Наверное, лучше всего для меня было бы в сейчас брякнуться в обморок, но такого счастья мой организм мне не предоставил.

Продолжая визжать, как противоугонная сигнализация, я рефлексивно вскинула руки и уперлась в широкую грудь чудовища. Оно взревело, разевая громадную пасть, откинуло назад голову, будто волк, воющий на луну, а потом вдруг кинулось на меня!

Вот в тот момент я действительно чуть не описалась! Вся жизнь пролетела перед глазами! Все несбывшиеся мечты. Но чудовище всего лишь схватило меня в свои лапы и похозяйски перекинуло через мощное плечо попой кверху. Затем, довольно урча, монстр хлопал меня по пятой точке громадной лапой с длиннющими когтями, встал на ноги и спокойно зашагал в обратную сторону.

Вися вниз головой и болтаясь, как тряпка, я с изумлением поняла: это чудовище передвигалось на двух ногах! Вот, какие еще нужны доказательства? Я в другом мире!

От удара животом о его плечо у меня вышибло весь воздух из легких, и я просто захлебнулась криком. Закашлялась, пытаюсь отдышаться, заколотила кулачками в мощную спину, покрытую густой шерстью, но меня еще раз хорошенько встряхнули, с недовольным ворчанием, и весьма ощутимо шлепнули по попе.

Я сразу притихла, не желая дразнить зверя. Если он не съел меня сразу, есть шанс, что не съест и потом. И вообще, вдруг он ручной? Я с сомнением потыкала его в свалывшуюся шерсть. Нашел несчастную попаданку и несет своему хозяину, как верный пес. А хозяин — какой-нибудь местный аристократ, желателно принц или король, любящий ночную охоту. И, конечно же, красивый и благородный. В книжках же все именно так!

От зверя жутко воняло псиной. Свалывшаяся шерсть торчала клоками, в ней застряли жухлые листья и щепки, и, наверняка, (я была в этом просто уверена!) обитали блохи. Вися вниз головой на твёрдом плече я имела честь лицезреть подтянутый мохнатый зад монстра, но в потемках не могла разобрать цвет его шерсти.

Придерживая меня за колени, чудовище двигалось большими скачками, покрывая за один прыжок несколько метров. Я устала болтаться из стороны в сторону, а потому, не долго думая, уперлась локтями в спину монстра и подставила под подбородок ладони. Зверь не обратил на это никакого внимания. Немного осмелев, я расслабилась, отдавая себя в руки судьбы. Нет, я, конечно, могла еще подрыгать ногами и повизжать, но вряд ли это чудовище было бы столь любезно, чтобы отпустить меня. Лучше дожидаться конца нашего забега и уже

тогда ориентироваться, по обстановке. В конце концов никогда не поздно стать главным блюдом в меню иномирного монстра!

Бег с препятствиями продолжался где-то с полчаса. Зверь несся с такой скоростью, что у меня захватывало дух, а сердце периодически то прыгало в горло, то падало на дно желудка, причем, вместе с залежавшимися там остатками обеда. Монстр не разбирал дороги, ломился напрямик через густой подлесок, перепрыгивая рвы и буераки, точно олимпиец на забеге с препятствиями! Оставалось только позавидовать такой ловкости и прыти.

Наконец, зверь выскочил на открытое пространство и остановился, шумно втягивая воздух. Я рискнула открыть глаза и немного осмотреться. Надо же, я и не заметила, когда зажмурилась. А посмотреть было на что!

Мы стояли посреди залитой красным светом поляны. Половину горизонта закрывала кровавая луна, а на ее фоне темной громадой высился силуэт средневекового замка, стоявшего на холме. Каменные стены, окруженные глубоким рвом, острые зубцы вздымающихся вверх башен, на тонких шпилях — темные флаги. И ни одного огонька. Я невольно сглотнула.

Коротко рыкнув, монстр перебросил меня на другое плечо, будто мешок с картошкой, и направился в сторону замка.

На открытом пространстве огромная луна давала достаточно света, и я увидела, как лесная тропинка под ногами чудовища превратилась в широкую дорогу, выложенную булыжником. Затем булыжник сменился толстым деревянным настилом, а по обе стороны от него зияли черные провалы рва. Я поняла, что мы ступили на мост. Еще несколько шагов — и вот мы уже проходим поднятую решетку, чьи острые пики замерли в трех метрах над землей.

Едва монстр переступил этот символический порог замка, как раздался металлический скрежет и громыхание цепей. Подняв голову, я с открытым ртом наблюдала, как сразу за нами упала решетка и начал подниматься огромный мост, только что лежавший через ров. Это была ловушка!

Я застонала от бессилия. Как известно из истории, уйти из замка с поднятым мостом можно только устроив подкоп или имея крылья. Ни землероек, ни птиц в моем роду не наблюдалось, лопату я за всю жизнь ни разу в руки не брала, а на высоте больше двух метров у меня вообще голова кружится!

Между тем, странности продолжались. Стоило нам оказаться за воротами замка, как из разных углов в нашу сторону хлынул поток зверья. Кого здесь только не было! Лисы, волки, рыси бросились к ногам монстра будто приветствуя его, стаи воробьёв и голубей сорвались с крыш, затмевая небо. Это был не замок, а настоящий звериный ковчег! И все эти животные, увидев (или унюхав) меня, вдруг замерли на секунду, а потом разразились громкими криками. Вой и тявканье смешались с птичьим щебетом, и вся эта лесная братия заскакала вокруг меня, скаля зубы и недвусмысленно облизываясь!

Я уже и сама готова была завывать, но монстр продолжал шагать по замковому двору. Он лишь коротко рыкнул, отгоняя особо назойливых, а затем вошел под высокие своды одной из башен.

В замке было темно, хоть глаз выколи! Но мой похититель передвигался на удивление свободно. Либо видел в темноте, либо уже привык обходиться без света. Впрочем, это не мешало ему довольно ворчать и время от времени похлопывать меня по попе. От этих небрежных прикосновений у меня каждый раз душа в пятки уходила. Думалось, а вдруг он

мою филейную часть на мягкость проверяет? Занесет сейчас на замковую кухню и навертят там котлет из меня...

А тут еще и звери эти! Птицы остались снаружи, но с десяток лис и парочка рысей продолжали идти вслед за нами. В темноте я видела, как плотоядно светятся их глаза, буквально не отрываясь от меня! Одно успокаивало: после того, как монстр рыкнул на них, они не смели приближаться ближе, чем на несколько шагов. Подозреваю, если бы он их не отогнал, то за время пути по темным коридорам я могла бы стать основательно обглоданной.

Наконец, скрипнула какая-то дверь и меня довольно осторожно скинули на что-то мягкое. Судя по ощущениям — кровать, хотя могу и ошибаться. Но было мягко и какое-то подобие покрывала присутствовало. В помещении находились только мы с монстром, остальная братия осталась за дверями.

Едва меня спустили с плеча, как я тут же сгруппировалась, зажимаясь в комок, и сделала это очень вовремя. Зверь нагнулся надо мной, шумно фыркая, и начал обнюхивать с такой тщательностью, что у меня внутри все похолодело. Его холодный мокрый нос ткнулся мне за ухо, со свистом втягивая в себя исходящий от моей кожи запах, а потом двинулся вниз по шее, оставляя неприятную влажную дорожку. Одной лапой зверь придерживал меня за плечо, а другой нажал на поднятые к подбородку колени. Делал он это неожиданно деликатно, но сила его была такова, что я не смогла сопротивляться и развернулась, подставляя незащищенный живот. Его нос скользнул по ключице и уткнулся в ложбинку между грудей. Чудовище удовлетворенно заворчало, а я едва сдержалась, чтобы не передернуться от омерзения. Фу-у-у-у!

Но это было только начало! Удерживая меня своими мохнатыми ручищами, это озабоченное чудовище начало обнюхивать меня с такой тщательностью, что я невольно вспомнила всех известных богов. Каждый сантиметр моей кожи, каждая впадинка и выпуклость моего тела были им досконально обследованы. Особенно поразило, когда он всунул нос мне под юбку, ткнулся между ног и тихонько заскулил. Мне показалось, или я его интересую не только как возможный обед?! Хорошо, что он хоть одежду снять с меня не пытался!

Наконец, завершив "осмотр", он прошелся своим шершавым языком от моей ключицы через шею и щеку до самых волос. Раз... другой... затем, шумно дыша, улегся рядом, подгреб меня себе под бок, обхватил своими лапами, как ребенок любимую игрушку, и довольно засопел мне в макушку.

Через несколько минут его дыхание выровнялось, а я с удивлением заметила, что в одной из стен комнаты есть узкое окно, больше похожее на бойницу, и сейчас ночное небо за ним начинает понемногу розоветь.

Усталость взяла свое, меня постепенно клонило в сон, и даже близость храпящего монстра не могла заставить меня держать глаза открытыми. Я держалась, сколько могла, а потом начала клевать носом. В то время, как за окном разгорался рассвет, я перестала бороться с собой и погрузилась в тревожный и нервный сон.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Пробуждение было не очень.

Прямо над моим ухом прозвучал возмущенный мужской голос.

— Эй! — кто-то с обидной грубостью затряс меня за плечо так, что моя несчастная

голова замоталась в разные стороны.

Все еще находясь во власти сна, я открыла глаза и недоуменно уставилась в нависающее надо мной лицо. Гладко выбритое, с насупленными бровями и недовольно горящим взором.

— Откуда здесь взялась, ведьма?! — мужчина впился в меня таким взглядом, что мне захотелось немедленно провалиться сквозь землю.

— Я... мне... — заблелась я, пытаясь сообразить, а и вправду, откуда я здесь взялась? И здесь — это где?

Приподнявшись на локте, я обвела помещение недоуменным взглядом. Каменные стены, толстые гобелены со сценами охоты и лесными пейзажами, узкое окно-бойница с цветным витражом, изображающим нападение коршуна на лебедя, пушистая шкура неизвестного происхождения на полу у нерастопленного камина, вычурная мебель, поражающая обилием украшений и несколько увесистых канделябров, стоявших на широком подоконнике. И везде обилие бахромы, завитушек и позолоты. Словно я каким-то образом перенеслась в спальню графа де Пейрака из известного фильма.

Эмм, и как я сюда попала?!

Воспоминания нахлынули ледяной волной, вырывая из приятной дремы. Распахнув глаза, я испуганно дернулась в кровати, но тут же была придавлена жесткой рукой.

Мужская ладонь легла прямо на мой обнаженный живот. Незнакомец нахмурился, глядя на свою руку, легонько пошевелил пальцами, будто поглаживая нежную кожу, и вдруг отпрянул, как от огня.

— Я еще раз спрашиваю, — повторил он странно севшим голосом. — Откуда ты здесь взялась, ведьма? Я же предупредил тебя в прошлый раз, чтобы ты здесь больше не появлялась!

Икнув от неожиданности, я скосила глаза на своего обидчика и только сейчас поняла, что его одежда больше напоминает маскарадный костюм: черные кожаные бриджи плотно обтягивают мускулистые ноги и многозначительную выпуклость в паху, белоснежная рубашка, с широкими рукавами, перехваченными лентами на крепких запястьях, распахнута на гладкой груди, а довершает ансамбль широкий кушак ярко-алого цвета, завязанный на талии кокетливым узлом. Мужчина был растрепан и бос, видимо, как проснулся с утра так на меня и накиннулся, даже не обулся!

На меня напало такое косноязычие, что я сама себе удивилась! Блея, точно глупая овца, заикаясь и сбиваясь под его пристальным взглядом, я попыталась связно передать историю ночного забега. Но вот объяснить, как я оказалась в этом лесу, у меня так и не вышло. Просто потому, что я сама этого не понимала.

— Так ты утверждаешь, что это какое-то огромное злобное существо поймало тебя в лесу возле замка и притащило сюда? — незнакомец приподнял одну бровь. — Тогда почему же оно не разорвало тебя и не сожрало, а оставило в моей спальне, да еще в моей постели? Странное какое-то чудовище, ты не находишь? И где же оно сейчас?

Я растерянно пожала плечами.

— Кто знает... может, оно ночное и забилось в свою берлогу? Там еще и сумка моя валяется. Если найдете, я смогу доказать, что оказалась здесь случайно...

Мужчина резко подался в мою сторону, нависая надо мной всем корпусом. Его руки уперлись в подушку по обе стороны от моей головы, заставляя меня сжаться, и он язвительно процедил:

— Что-то не сходится, ведьма! В этом лесу нет ни одного животного крупнее волка, а

уж они точно не ходят на двух ногах! Ты никак не хочешь оставить меня в покое? Сколько раз я изгонял тебя из своих владений, но каждый раз ты возвращаешься в новой личине. Что ты придумала на этот раз? Думаешь, соблазнить меня своим телом, которое ты так бесстыдно выставила напоказ? Или своим смазливый личиком? Не стоит, я выучил все твои уловки.

Мужчина встал, продолжая испепелять меня взглядом, от которого по моему телу пробежала волна дрожи, заставив приподняться волоски на коже и напрячься соски. Он уперся взглядом в мою грудь, и я тоже невольно скосила глаза, с опозданием понимая, как лоханулась. Под эластичной тканью топа у меня не было никакого белья: летом и так жарко — зачем натягивать на себя лишние вещи? — тем более, что моя грудь достаточно упруга и до сего момента не нуждалась в дополнительных средствах. А сейчас тонкая синтетика ядовито-розового цвета не скрывала, какое действие оказывает на меня жгучий взгляд этого наглеца.

Тихо охнув, я прикрылась руками и густо покраснела. Мужчина скривил рот в циничной усмешке.

— Думаешь, подкупить меня своей напускной скромностью и стыдливым румянцем? В прошлый раз ты была более раскована, но и тогда у тебя ничего не вышло. Никак тактику сменить решила? Новый образ, минимум одежды и такая святая невинность... не выйдет. В прошлый раз я тебя предупредил. Ты оставила мои слова без внимания. Что ж, тебе хуже!

С этими словами он жёстко ухватил меня за руку и, не церемонясь, стащил на пол.

— Жако! — прогремел он так, что я едва не оглохла.

Один из гобеленов шевельнулся, и на сцене этого дурдома образовалось новое действующее лицо. Мужчина скромной наружности и средних лет, облаченный в ливрею бледно-зеленого цвета и напудренный парик.

— Слушаю вас, господин герцог, — он низко склонил голову, не забыв скользнуть по мне задумчивым взглядом.

Я невольно напряглась. Кто это тут у нас герцог? Этот? С голой грудью? Так он, вроде, по канону, должен быть в меня влюблен! Что-то мне происходящее нравится все меньше и меньше...

— Приказываю отправить эту ведьму в темницу и хорошенько заковать! — произнес герцог таким убийственным тоном, что я чуть не свалилась в обморок. Это он что, серьезно?! — И скажи моему палачу, что после завтрака ему предстоит работа.

— Один момент, мой сеньор!

Ливрейный хлыщ Жако исчез за гобеленом, видимо, побежал звать подручных, а я в ужасе уставилась на хозяина замка.

— К-какой п-палач? — заикаясь, проблеяла я.

— Я тебя предупреждал, ведьма, — мрачно процедил мужчина сжимая мое запястье с такой силой, что я испугалась за его целостность. — Ты так стремишься окрутить меня, что забыла о собственной безопасности. Теперь можешь начинать молиться своим черным богам.

Через минуту в комнате стало тесно от желающих собственноручно проводить меня к палачу. Это вернулся уже известный Жако, а с ним два мужика амбалоподобной наружности в тяжелых доспехах и с внушительными мечами на поясе. Я глянула на эти мечи, в голове резко прояснилось и на меня накатил такой ужас, что я, сама не замечая, начала тихонько подвывать.

— Я ни в чем не виновата! — попыталась я воззвать к голосу разума и надавить на герцогскую совесть. — Вы не имеете права так поступать со мной! Дайте мне возможность все объяснить!

Два амбала подхватили меня под белые руки, ловко застегнули на запястьях и лодыжках ржавые кандалы, не меньше пяти килограмм весом, и дружно потащили вон из комнаты, ничуть не заботясь о сохранности моих конечностей. В дверном проеме, прикрытом гобеленом, я умудрилась зацепиться руками за косяк и заорала благим матом. Герцог брезгливо сморщился, а амбалы с видимым удовольствием оторвали меня от двери, выкручивая мне пальцы.

Вот так меня и волокли через весь замок, такой пустынный ночью, а теперь буквально кипевший жизнью: растрепанную, орущую, со слезами, текущими в три ручья вместе со вчерашним макияжем. В какой-то момент я уперлась ногами, не желая идти, но меня грубо дернули за руки, и я упала, больно ударившись копчиком. Юбка задралась чуть ли не на пояс, открывая красненькие стринги, и мои оголенные ягодицы проехали по каменным плитам пола, сдирая кожу.

— Смотрите! Смотрите! — злорадно тыкали в меня пальцами попадавшие на пути люди в средневековых одеждах. — Ведьма плачет черными слезами! Настал твой конец, дочь дьявола! Убьем тебя — и заклятье падет!

— Идиоты! — заорала я во всю мощь своих легких. — Кретины! Это тушь!!!

Меня подтащили к большой двери, окованной железом и закрытой на гигантский засов. Один из этих, в доспехах, снял со стены и зажег факел, другой открыл замок ржавым ключом и толкнул дверь. Мне в лицо пахло плесенью и сыростью, я едва сдержала тошноту. За дверью вырисовывались каменные ступени, поросшие мхом, а дальше — все тонуло в абсолютной темноте. Вот по этой лестнице меня и стащили вниз, причем я упиралась на каждой ступеньке, а потому пересчитала их все своей многострадальной попой.

Мы спустились в бесконечный коридор, теряющийся в во мраке. Здесь было холодно до дрожи и слышался звук капающей воды. По обе стороны тянулись ржавые решетки за которыми, как я подозревала, находились камеры для узников. В одну из них зашвырнули меня.

Поняв, что слезы не помогут, я грубо выругалась, поразив средневековых мужиков колоритом и эмоциональностью родного языка.

— Гляди-ка, — рассмеялся один из них, — она еще и заклятья свои бесовские бормочет! Недолго тебе здравствовать осталось. Скоро ты заплатишь за все, дьявольское отродье!

Они быстро и ловко подтянули меня к стене, противоположной решётке, задрали вверх мои руки и замкнули на наручниках толстую цепь, крепившуюся меж грубо отесанных плит на такой высоте, что я смогла сесть на колени с вытянутыми руками, но лечь уже не получалось.

— Жди, скоро тобой займутся! — сказали амбалы, брезгливо сплюнув в мою сторону, и спокойно вышли, не забыв закрыть решетку на большой навесной замок.

Я исподлобья проследила за чадящим факелом, который эти гады унесли с собой. Оставшись в темноте, передернулась всем телом от сырости и холода и подергала за цепь.

Ну да, а чего я ожидала? Влюбленных принцев? благородных эльфов? Наивная дурочка, так только в сказках бывает. И почти всегда с легкой руки какой-нибудь доброй феи. А у меня вместо феи злобная старуха, отправившая меня своим костылем в суший ад! Сижу

теперь здесь, как собака на цепи, и жду, когда по мою душу палач явится. Вот он хоть позавтракает, сволочь, а у меня со вчерашнего обеда капли воды во рту не было!

Когда глаза привыкли к темноте, я обнаружила, что она не такая уж непроницаемая. Прямо над моей головой зияло крошечное окошко, пропускавшее несколько слабых лучей. А еще по стенам стекали капли воды, но я не могла вывернуть шею настолько, чтобы слизать их, и не могла опереться спиной об эту холодную, мокрую, склизкую стену! В животе уныло заурчало. Чувствует, мой хороший, что сегодня его вряд ли покормят...

***

Не помню, чем занялся узник замка Иф, впервые оказавшись в своей камере, а вот я начала петь "Интернационал" для поднятия боевого духа. Только не подумайте, что я настолько старая, что помню подобное. Просто был у меня парень, помешанный на старых советских фильмах. Ему было все равно, что смотреть: про революцию, про Великую Отечественную, лишь бы стреляли и бежали в атаку с криком "ура!". А у меня музыкальное образование и память на редкость цепкая. Как услышу новый мотив, так и мучаюсь, не могу от него избавиться, а забывшись, еще и напевать начинаю. Пока мы с этим кадром полгода встречались, я не только "Интернационал", я все революционные гимны выучила, а песня из кинофильма "Семнадцать мгновений весны" отскакивала от зубов, как гимн родной державы!

И вот теперь, оказавшись один на один со своими страхами и неизвестностью, я начала перепевать все старые песни, лишь бы не скатиться в банальную истерику. Почему пела именно это? Ну как-то глупо звучала под сводами темницы песня про любовь. А вот что-то типа "Это есть наш последний и решительный бой!" как раз в тему. Тем более, что это неплохо отвлекало от урчания в животе, жажды и холода. Поначалу. А потом, когда пересохшее горло уже не было способно ни на что, кроме шепота, я на одном упрямстве продолжала свой концерт едва слышно.

Когда я по третьему кругу завела "А значит нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим", в коридоре что-то скрипнуло, с грохотом отворились двери и через несколько минут предо мною предстал сеньор герцог собственной персоной.

***

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль

Он стоял напротив железной решетки, за которой кривилась от боли проклятая ведьма, но почему-то не ощущал ни малейшего удовлетворения от этого зрелища. В этот раз Конкордина вновь сменила обличье и, надо признать, сумела вызвать секундный отклик в очерствевшем мужском сердце.

Язон вспомнил свое пробуждение сегодня утром, и пальцы обеих рук рефлекторно сжались в кулаки.

Эту ночь, как и множество предыдущих, он провел без сновидений, и был уверен, что остальные обитатели замка тоже никогда не видят снов. А вот утро, впервые за все время с момента проклятия, встретило его сюрпризом.

Это было как наваждение. Когда-то очень давно (так давно, что он и сам забыл, когда

это было) он посмел отвергнуть одну из самых знаменитых куртизанок своего времени. Сказал во всеуслышание, что на такой, как она, можно жениться лишь по большой любви или по большой глупости, а он, мол, не считает себя ни влюбленным, ни глупцом. И свидетелями этого разговора оказалась большая часть придворных, ибо дело было на королевском балу, приуроченному к очередному юбилею. Кто ж знал, что колдовство существует на самом деле, а проклятие оскорбленной женщины может иметь такую силу?!

При дворе Людовика давно ходили слухи про ведьм и тайные черные мессы, но Язон искренне считал, что все это не более, чем бабские сказки, призванные пугать младенцев. Что ж, теперь он на собственной шкуре узнал, что значит быть проклятым ведьмой. Чертова колдунья прокляла его вместе с замком и тремя близлежащими деревнями, заявив напоследок, что однажды он признается ей в любви и будет умолять стать его женой, а до той поры быть ему и его людям раздвоенными: делить одну душу на два тела, не жить и не умирать в вечном ожидании на границе миров.

Что это значит, герцог так и не понял, но с тех пор его замок будто перенесся в какой-то другой мир, где на многие мили не существовало ничего, кроме этого леса, реки и замка. И все люди, перенесенные вместе с ним, перестали стареть. Дети оставались детьми, старики — стариками. Никто не рождался и не умирал. Но самое странное заключалось в том, что каждый раз, начиная с захода солнца и до самого рассвета, ни один из них не мог вспомнить, что же он делал ночью. И что бы не происходило в замке днем или ночью, на рассвете все чудесным образом возвращалось на свои места и замок выглядел точно так же, как и в первое утро после проклятья. Все обитатели просыпались на своих местах, в одной и той же одежде, все вещи оказывались нетронутыми, даже те, что накануне пытались сжечь или сломать, а вчерашние объедки вновь превращались в продукты, которые еще только предстояло использовать.

Сначала люди пытались уйти из заколдованного замка, но где бы их не застала ночь, просыпались они всегда в своих постелях. Это было и странно, и страшно, но Язон не привык сдаваться.

Правда, у каждого проклятия всегда бывает тайное условие, выполнив которое, можно все вернуть на круги своя. Вот и у этого оно было. Но звучало слишком уж невыполнимо. Ведьма пообещала, что если на пути Язона встретится женщина, которая полюбит его таким, как он есть, и любовь эта будет взаимна, то проклятие падет. Но тут же добавила, что будет тщательно следить за тем, чтобы этого не произошло. Да и в кого Язон мог влюбиться в заколдованном замке? В горничную? В кухарку? За все время пребывания здесь он ни разу не испытал даже физического влечения и уже начинал думать, что этот аспект жизни больше ему неподвластен.

Раз в год Конкордия навещала его, преодолевая грань между мирами, и предлагала себя, но каждый раз слышала из его уст лишь насмешку. Он не собирался уступать ей: ни брать в свою постель, ни делать своей женой. Ведьма меняла обличия, меняла характер и манеры, но каждый раз он испытывал лишь холод и раздражение от ее близости. В конце концов ему надоели ее посягательства. В последний визит он буквально вытолкнул ее за стены замка, предупредив, что если она появится еще раз, то познакомится с его палачом.

И она явилась вновь! Правда, на этот раз ее новая личина была выше всяких похвал. Язон едва сдержался, когда, проснувшись сегодня утром, ощутил практически под собой это мягкое податливое тело. А как она скромно покраснела?! Можно подумать, ее и в самом деле мучал стыд! Никогда в жизни герцог д'Арвентиль не поднимал руку на женщину, даже

такую, как Конкордина, но сегодня все изменилось. Впервые за все это время он ощутил приступ настолько острого желания, что едва удержался от ошибки. Видимо, это отродье сатаны нашла новый способ надавить на его слабости, и в следующий раз вожеление может оказаться сильнее голоса разума. Тогда ведьма сможет праздновать свою победу, а этого нельзя допустить, ведь на кону не только его будущее, но и жизни ни в чем не повинных людей! Он должен уничтожить это исчадие ада, но сначала... сначала он будет мучить ее до тех пор, пока она не начнет молить его о пощаде. И пусть это не снимет проклятия, зато отвадит ведьму на ближайшую сотню лет.

Явился мэтр Амбруз — герцогский палач со своим подручным Шико. Громадного роста, с мощной грудью и руками, похожими на столбы, он уже сам по себе вызывал страх, а его алая маска-капюшон, закрывавшая лицо, не позволяла усомниться в его профессии. Язон молча наблюдал, как они вошли в камеру, установили небольшой столик и с пугающим спокойствием начали раскладывать на нем пыточные инструменты. Кудрявый блондин Шико растопил переносную жаровню и выложил на угли несколько щипцов разного размера.

Ведьма, затаив дыхание, следила за их манипуляциями. Язону на секунду показалось, что в ее глазах мелькнул животный ужас, но он тут же откинул эту возможность. Наверняка она притворяется. По прежним визитам Конкордины он знал, что эта бестия в любой момент может улизнуть и не ждать, пока ею займется палач. Она умела просачиваться сквозь пространство, создавать вокруг себя черный вихрь, который переносил ее с одного места на другое. Так почему же она сейчас медлит?

Он шагнул ближе, недовольно хмуря брови. Что она задумала на этот раз? Состроила невинное личико и думает, что ей поверят? А в глазах столько страха, будто она и вправду невинное дитя, которое пытаться собираются!

Пока палач подготавливал свои инструменты, Язон успел хорошенько рассмотреть новую личину ведьмы. Худенькая, с маленькой грудью и узкими бедрами. Почему она выбрала именно это тело? Герцога никогда не привлекали худышки, в его времена котировались дородные дамы с приятной пышностью форм. Из одежды — две крошечные тряпки вульгарной расцветки. Даже распутные девки и то скромнее одеваются. А что с ее волосами?! Мало того, что острижены коротко, как у пажа, так еще и такого яркого цвета, будто это не волосы, а самый настоящий пожар. Нет в ней ничего привлекательного... но почему же тогда так ноет в паху, когда он на нее смотрит? Не может быть, чтоб он ее хотел!

— Ваша Светлость, что прикажете? — мэтр Амбруз сложил мощные руки на широкой груди и выжидающе глянул в прорези своей алой маски.

Язон колебался. Ведьма вела себя совсем не так, как он ожидал. Она не кричала, не плевалась и не сыпала проклятиями. Она сидела, подтянув ноги к подбородку и тихонько хихикала. Сошла с ума? Да быть того не может! Наверняка, это новая уловка.

— Разговори ее для начала, — махнул он рукой, — только сильно не калечь.

***

Вот теперь самое время спросить: любите ли вы сказки?

Особенно — страшные.

Особенно — с собой любимой в главной роли.

Я — нет!

Но сказка-то вот она, со всех сторон окружает. И прекрасный принц имеется, все как положено. Смотрит на меня, как на врага народа, с той стороны решетки, бровки хмурит, ручки в кулаки сжимает и что-то там себе думает. Так бы и вцепилась своим французским маникюром в его мерзопакостную физиономию!

Я уперлась в него взглядом и пропустила тот момент, когда рядом с герцогом нарисовались еще два кадра. Один — тощий блондинчик с кудрявой шапкой волос и в заштанной одежке, а другой настолько колоритный, что я даже рот раскрыла от удивления.

Когда я увидела этого амбала в красном колпаке, то не выдержала и глупо захихикала. Слишком уж он напоминал средневекового палача. А потом меня будто толкнуло: это же и есть палач! Обшаривая меня изучающим взглядом, он продолжал что-то жевать, шлепая блестящими от жира губами, и от него так умопомрачительно тянуло копченостями и чесночком! Мой животик радостно взвыл, уловив божественный аромат, руки затряслись, звеня цепями, точно Кентервилльское привидение, а рот наполнился тягучей слюной.

Это что же получается, люди добрые! Герцог заботится о своем персонале? Палач сначала позавтракал, а потом уже и на работу — меня пытаться? А я как же? Дайте и мне поесть! Может, тогда и пытки ваши покажутся не такими страшными...

Я застыла, глядя расширившимися глазами на кошмарного вида орудия, которые кудрявый блондинчик любовно протирает ветошью, перед тем, как разложить в одному ему известном порядке.

Мамочка моя, да меня же сейчас взаправду пытать будут! И что делать? Кричать, как я поняла, бесполезно, умолять тоже. Эти психи средневековые на другую волну настроены. У них пытки в порядке вещей, вместо десерта на завтрак подаются, а милосердие выглядит весьма специфично для человека XXI столетия.

Поэтому я и молчала, пока эти два герцогских приспешника раскладывали свой инвентарь.

— Ваша Светлость, — произнес палач трубным голосом, — что прикажете?

Его Светлость облил меня холодным взглядом и, уже добивая, ответил:

— Разговори ее, только сильно не калечь.

И вот это "не калечь" билось в моей голове набатом, пока я следила, как этот гад разворачивается и уходит, оставляя меня в обществе двух ухмыляющихся маньяков!

Палач достал из кармана бублик и с хрустом раскусил. Я громко сглотнула и проводила ароматную сушку голодным взглядом. Сволочь, еще пытать не начал, а уже издевается!

Он вытер о штаны мясистые ладони и вздернул меня на ноги. Моя макушка оказалась на уровне его груди. Палач окинул меня критическим взглядом и хмыкнул.

— Его Светлость требует невыполнимого, — проворчал он с досадой, — как ее пытать? Она же и так на ладан дышит. Глянь, как трясется! Ну прям как заячий хвост! — и он гулко захохотал.

А мне было уже настолько плохо, что я едва осознавала, что происходит вокруг. От голода и жажды у меня болел желудок и саднило горло, кружилась голова, подгибались ноги. Во всем теле не было ни одной косточки, ни одной мышцы, которая бы не взывала о пощаде. Когда к моему лицу приблизилось что-то пышущее жаром, я едва смогла приоткрыть глаза. Глянула равнодушно на раскаленные щипцы, которые держал палач, и потеряла сознание.

Что было дальше — помню плохо. В основном, меня поливали холодной водой.

Видимо, надеялись таким образом привести в чувство. Но мое сознание упорно не желало возвращаться. Я будто впала в какое-то оцепенение: все слышу и понимаю, но как-то отстраненно, а сама даже глаза открыть не могу.

Услышала, как вернулся герцог, как о чем-то переговаривался с палачом. Потом меня подняли и, судя по ощущениям, перекинули через плечо. Кажется, я уже начинаю привыкать к такой транспортировке. Куда-то долго несли. Я слышала голоса людей, чувствовала, когда темнота подземелий сменилась на солнечный свет. Тот, кто нес меня, бросил мое тело через лошадиный круп и крепко привязал.

— Я отпускаю тебя в последний раз, ведьма, — раздался у меня над ухом охрипший голос герцога. — Помни мою доброту. И больше не испытывай ее.

Последнее, что я помню, это как меня вывозят за стены замка.

Я пришла в себя только когда почувствовала, как меня стаскивают с лошади и кидают на землю. Под моей спиной спружинил слой прелой листвы, смягчив удар. Открыв глаза, я поняла, что снова оказалась в лесу. Мокрая, голодная и, похоже, с поднимающейся температурой. Тихо всхлипнув, я еще попыталась встать, но ноги подломились, не желая держать хозяйку, и я окончательно потеряла сознание...

Часть 2

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

Он стоял на самой высокой башне своего замка и мрачно наблюдал за тем, как по дороге к лесу спускается одинокий всадник на пегой лошадке. Позади седла болталось безвольным мешком тело ведьмы. Тонкие руки с изящными пальцами, свесившиеся вниз, выглядели так трогательно и незащищенно, что Язону пришлось зажмуриться, чтобы отогнать наваждение. Ему вдруг показалось, что с каждой минутой, с каждым шагом, пройденным этой лошадкой, он теряет что-то важное, что-то такое, без чего его дальнейшая жизнь не имеет смысла.

Небольшая судорога прошла по его телу. Пальцы на правой руке рефлекторно сжались в кулак, вздулись вены, кожа уплотнилась, огрубела, четко обозначились увеличившиеся мышцы. Герцог изумленно глянул на свою руку. Внутри него, как в клетке, бился дикий зверь. Язон даже представил его: огромный матерый волчара раз за разом с тоскливым воем бросавшийся на прутья решетки, оставляя на ней свою кровь и клочья шкуры.

Это было как сумасшествие.

Когда лошадь со своим всадником скрылись в подлеске, в голове Язона будто лопнула тонкая струна, затопив весь мозг ослепительной вспышкой боли.

Сжав руками виски, он с тихим стоном опустился на колени. К нему уже бежали стражники, несшие караул на стенах замка.

— Со мной все в порядке, — процедил герцог, отталкивая предложенные руки и поднимаясь на ноги. — Следите за лесом, я хочу знать, когда появится Шико.

Пошатываясь, он отошел к ближайшей стене и обессиленно сполз по ней, сжав руками пульсирующую от боли голову. Казалось, что в его голове кто-то бьет в гигантский набат.

Минут двадцать спустя один из стражников на стене закричал:

— Ваша Светлость! Шико только выехал из леса, уже приближается к холму.

Этот крик отозвался в голове очередной вспышкой боли. Шатаясь и держась за стены, Язон спустился в конюшню и трясущимися руками оседлал своего коня. Затем с трудом залез в седло. Такое простое и обычное действие потребовало почти все его силы. Конюхи держались поодаль, предпочитая не приближаться к здоровенной иссиня-черной зверюге с

очень говорящей кличкой Демон.

Пустив коня галопом, герцог словно ветер пронесся по навесному мосту. В голове по-прежнему пульсировала боль, сердце словно разрывалось на части от непонятной тоски, но Язон никак не мог понять, что с ним происходит. Какое-то странное чувство гнало его прочь от замка в сторону леса. И этому чувству невозможно было сопротивляться.

Спускаясь с холма, он столкнулся с возвращавшимся Шико. Помощник палача грыз баранки и весело посвистывал, жмурясь на солнце.

— Ваша Светлость! — увидев хозяина, парень ловко спешился и склонил голову. — Я тут чего нашел...

Он протянул сумку странной формы, похожую на мешок с завязками и лямками для плеч, но более изящную, как игрушка, из белой лаковой кожи. Язон несколько секунд молчал, не в силах оторвать взгляда от этой странной вещи. Затем буквально вырвал сумку из рук слуги и хрипло выдавил из себя:

— Где... она...

Ему казалось невозможным то, что он сам, по своей воле, интересуется судьбой ведьмы.

— А-а-а! — Шико беззаботно ухмыльнулся. — Я завез ее подальше. Она очень плоха. Думаю, на этот раз мы от нее окончательно избавимся. Если сама не околеет, то ночью волки задерут.

Ничего не ответив, Язон изо всех сил прищорил коня. Демон с возмущенным ржанием взвился на дыбы и рванул с места в карьер.

Больше часа Язон кружил по лесу, не решаясь сделать последний шаг. Откуда-то он четко знал, где сейчас находится ведьма... или не ведьма? Уже не ненависть, а какое-то другое чувство, робкое и осторожное, зарождалось в его душе при воспоминании о затравленном взгляде зеленых глаз и бессильно поникших тонких руках. Жалость? Сожаление?

Язон был в не себя от злости. И злился он на собственную слабость. Всё-таки она его окрутила! Но как? Он уже столько веков отражает ее нападки. Казалось бы, чего проще, поддайся этой женщине, возьми ее в свою постель,пусти в свою жизнь, и все закончится... но домогательства Конкордины были только верхом айсберга. Ведь он, глупец, поспорил на свою душу.

Он хорошо помнил тот день. Бал. Радостные лица. Наивные дочери и искушенные жены аристократов. И он сам, весь в блеске своей славы, великолепный маршал королевской армии.

Кажется, он много выпил. Дело шло к утру, молодой герцог уже несколько часов провел за игральным столом и уже собирался уходить, когда на его плечо опустилась изящная женская ручка.

— Милорд, — промурлыкало прекрасное создание в призывно декольтированном платье, — не желаете ли сыграть со мной?

Он окинул ее затуманенным алкоголем взглядом. Смазливая. Доступная. В глазах горит недвусмысленное предложение, которое она даже не пытается скрыть. Герцог хмыкнул. Никогда не любил шлюх. Ему нравилось завоевывать хорошо укрепленные форты, а не те крепости, что сдаются сами. К таким он испытывал лишь брезгливость и презрение.

— На что играть будем? — лениво спросил он.

— На предложение руки и сердца, — она быстро облизнула губы, а мужчине показалось, что в глубине ее рта мелькнул раздвоенный змеиный язык.

Язон сморгнул, думая, что слишком много выпил, и расхохотался.

— Милая, — сказал он беспечным тоном, — я не сплю с женщинами общего пользования и уж тем более на них не женюсь!

Лицо незнакомки мгновенно изменилось, став из кукольно-смазливого маской разъяренной мегеры.

— Зря вы так, Ваша Светлость, — с неожиданной яростью прошипела она. — Как знать, может вы еще будете умолять меня выйти за вас.

— Детка, на тебе можно жениться лишь от большой любви, ну или от большой глупости.

— Думаете, в меня нельзя влюбиться?

— Только не я. Готов поспорить на собственную душу.

Он хотел подняться, но она вдруг сжала его плечо с несвойственной женщине силой. Ему даже показалось, будто сквозь слой одежды в его плоть вонзаются острые когти.

— Что ж, я принимаю вашу ставку. Но если выиграю я, то заберу и души ваших вассалов, как моральную компенсацию за оскорбление, — она ядовито усмехнулась и продолжила:

— Вы влюбитесь в меня, Язон де Верней, — произнесла она таким тоном, что у негс внутри что-то сжалось, — и женитесь. Непременно. А до той поры делить тебе и твоим людям одну душу на два тела. Быть прекрасным в ужасном и ужасным в прекрасном. Вне времени и пространства, на границе меж двух миров. Пока я не услышу от тебя предложения руки и сердца! — и она разразилась гомерическим хохотом. — Или его не услышит другая. Но уж я прослежу, чтобы этого не случилось!

Покачнувшись, Язон начал медленно оседать, теряя сознание. Перед глазами замелькали цветные точки, в голове помутилось, и он тяжелым мешком упал в темноту.

Очнулся в замке, на своей кровати, хотя бал проходил в королевской резиденции за много лиг от герцогства. Вышел на балкон, оглядывая свои земли, и поперхнулся. Замок тот же, холм тоже. Но вместо вспаханных полей и трех деревень лишь бесконечный лес, пересечь который не смог за все это время ни пеший, ни всадник.

Воспоминания о том первом дне не потускнели со временем, и сейчас, как и тогда, охватили его с прежней силой.

Наконец, конь каким-то неведомым способом сам понял в какую сторону нужно идти. Точнее, Язон понимал, что это он сам невольно направляет Демона, но ему все еще хотелось думать, будто это лишь досадная случайность.

Меж кустов пышно разросшейся черники белело беспомощное женское тело. Шико даже не удосужился снять веревки, которыми привязывал ее к лошади.

Спешившись, Язон подошел вплотную к девушке и, сам того от себя не ожидая, опустился перед ней на колени. Осторожно провел рукой по щеке, удивляясь гладкости и нежности ее кожи. У деревенских женщин не могло быть ничего подобного, а аристократки с детства портили кожу свинцовыми белилами, слепо следуя моде. У этой же кожа была как у младенца. Тонкой, полупрозрачной, чуть подсвеченной на скулах легкой россыпью веснушек. Язон, забывшись, провел по ним пальцем, будто хотел стереть эти солнечные брызги. Потом, опомнившись, отдернул руку и резко встал.

У девушки был жар, лицо пылало. Почему она не ушла? Не смогла? Или не захотела? Язон разрывался на две половины. Одна хотела бросить ее здесь и забыть, как плохой сон, а другая буквально кричала: хватай ее и неси в свой замок, в свою спальню, в свою кровать!

Потому что это Она! Та самая!

Слабая и продрогшая, она вызывала невольную жалость в его душе и желание помочь. Сжав зубы, он сорвал с нее мокрые тряпки и несколько минут энергично растирал застывшее тело, пытаясь заставить кровь бежать быстрее. Руки действовали машинально, вспоминая навыки, полученные во время зимних кампаний, когда только растирания и горячий грог спасали солдат от обморожений. Но глаза Язона не могли насытиться видом обнаженного женского тела. Он буквально впитывал в себя каждую ее черточку, каждый вздох, каждое движение. Затем поднял на руки и закутал в свой плащ.

Острая боль вновь затопила его мозг, отключая от управления телом. Язон застонал сквозь зубы, чувствуя, как его руки, живя своей жизнью, осторожно подхватывают тело девушки и аккуратно усаживают в седло, прислонив, для устойчивости, к лошадиной шее. Девушка была легкая, как ребенок, он почти не почувствовал ее веса.

Вскочив в седло, мужчина обнял хрупкое тело одной рукой, не давая ему сползти, чуть прижал, поражаясь тонкости талии, и вдруг зарылся носом в ее волосы. Что-то в нем настойчиво требовало вдохнуть ее запах...

***

Ох, ну почему же все так болит? Голова гудит, как церковный колокол... все в тумане... Какие-то незнакомые люди трогают меня, не дают спать... заставляют пить какую-то гадость. Лекарство? Я в больнице?

Справившись со слабостью, открыла глаза. Так-с, этот балдахинчик я уже где-то видела. Приподнялась на локте, оглядывая смутно знакомую комнату. Ага, а вот и герцог... Что?! Опять!!!

Герцог сидел в кресле прямо передо мной и смотрел на меня с такой мрачной решительностью в глазах, что мне моментально захотелось испариться. Последнее, что я помню, это как меня собирались прижигать раскаленным железом. Но вроде ожогов нигде не ощущаю, разве что синяки и ссадины по всему телу, да еще голова болит и горло. Ну точно простудилась.

Боже! У них же тут средневековье! Все, мне хана. Помру в расцвете лет от банальной простуды. Чем в те времена лечились? Ртутью от сифилиса и тертым изумрудом от кишечных колик. Еще клизмами и кровопусканием — это, кажется, было панацеей от всех болячек. И пиявки! Интересно, а меня уже лечить пытались?

Герцог как-то незаметно подался в мою сторону, пристально изучая мое лицо. Опять пытаться будет?

— Э-э-э-э... сударь, — я немного отодвинулась, — я не сама... не знаю, как здесь снова оказалась...

— Это я тебя принес, — спокойно ответил он.

— То есть как это "принес"? — не поняла я. В мозгу всплыла картинка: герцог шагает по коридорам замка, неся меня перекинутой через плечо, а вся его челядь плюет мне во след и изрыгает ругательства.

— Как тебя зовут? — он проигнорировал мой вопрос.

Что ж, пусть будет так. Играем по твоим правилам. Пока.

— Екатерина Андревна мы, — я потупила глазки, откровенно издеваясь.

А черт его знает, что на меня нашло! Сидит тут хозяин, весь из себя, довел девушку до

простуды, а там и пневмония с менингитом недалеко ходят. А я молодая, жить хочу! И желательно в нормальных условиях, а не этом средневековом ужасе. Где та тетка, из-за которой я тут очутилась? Увидела б ее сейчас — все космы повыдергивала, пусть меня и учили с детства старших уважать.

— Катрин, — он произнес мое имя на свой манер, причем так, будто смаковал его.

Я застыла с раскрытым ртом, глядя, как лицо герцога неудержимо приближается ко мне.

— У тебя жар, — произнес он, горячо выдохнув мне в макушку, — нужно выпить лекарство.

И вот в этот момент я поняла, что со мной что-то не то. Осторожно заглянула под одеяло и вытаращила глаза. Я лежала в герцогской кровати полностью обнажённая!

Испуганно пискнув, я вцепилась в покрывало и попыталась отползти от герцога. Его глаза лихорадочно заблестели, шаря по моему лицу, а руки с такой силой сжали подлокотники, что я явственно услышала треск дерева. В одно мгновение он навис надо мной, а уже в следующее я оказалась на его коленях, вместе с покрывалом, крепко прижатая к его мощному телу.

Нет, все-таки странный этот герцог. Нервный. С утра палачу отдал, даже имени не спросив, а теперь к себе прижимает, по голове гладит и в затылок так шумно дышит. Точно, сумасшедший!

Я попыталась легонько отодвинуться, но мужчина, издав низкий рык, сжал меня еще сильнее, так, что я едва могла дышать.

Звериный рык перешел в едва слышный вымученный стон. Так стонут только от сильной боли.

Руки герцога чуть подрагивали от напряжения, когда он осторожно отстранил меня от себя и с тяжелым вздохом зарылся лицом в мои волосы.

— Катри-и-и-н, — протянул он, овевая мою макушку горячим дыханием. — Как же бесподобно ты пахнешь...

— А? — я задрала голову и растерянно взглянула заглянула ему в лицо. — О чем это вы?

Он молча поднялся и снова уложил меня в постель. Аккуратно подоткнул покрывало, поправил подушку.

— Отдыхайте, мадам, я пришлю вам горничную.

— Я не замужем, — зачем-то брякнула я.

Мужчина окинул меня долгим потемневшим взглядом, и его губы дрогнули в намеке на улыбку.

— Это радует, мадмуазель, — пробормотал он так тихо, что я еле расслышала и шагнул к выходу.

— Подождите! — вскрикнула я, внезапно испугавшись его ухода. — Я хочу знать... — я смутилась и покраснела, — кто меня раздел?

— Я, — его тон был абсолютно спокоен, но в потемневших глазах бушевал настоящий ураган.

— Да как вы посмели! — я от возмущения даже села.

— Ваша одежда была мокрой и пришла в негодность. Я должен был избавить вас от нее, иначе вы бы заболели еще сильнее.

— И вам пришлось делать это собственноручно? — язвительно усмехнулась я.

— К сожалению, кроме меня и моего коня в лесу больше никого не было, — невозмутимо пояснил этот гад. — Я думал привести вас в замок и сдать на руки служанкам, но вы сильно замерзли, ваше тело утратило чувствительность. Пришлось срочно принимать меры, ведь вы могли умереть.

— И какие же меры вы приняли, сударь?

— Растер ваше тело и закутал в собственный плащ. Не беспокойтесь. Я был предельно деликатен.

С этими словами он развернулся на каблуках и, по-солдатски чеканя шаг, исчез за дверями.

Я проследила за ним взглядом, а потом устало откинулась на подушки. Солнце за окном уже клонилось к западу. Сколько же время? Часов пять-шесть? А кормить меня так и не собираются. Обидно!

Не прошло и пяти минут, как дверь снова отворилась и моим глазам предстала изумительная композиция.

Впереди вышагивал уже знакомый Жако, гордо неся свою лакейскую морду в напудренном парике. За ним — девушка в скромном платье с белоснежным передничком и в чепце с острыми концами. Последним вошел мальчишка лет четырнадцати с поварским колпаком на голове. В руках он держал поднос с долгожданной едой, от которой исходил ни с чем не сравнимый аромат.

И вот вся эта братия выстроилась рядком перед кроватью.

— Мадемуазель Катрин, — лакей услужливо согнулся в поклоне, — я личный камердинер герцога д'Арвентильского. Для вас просто Жако. Это Розетта, — он указал на девушку, присевшую в книксене, — ваша горничная. А это младший помощник главного повара Анри. Вы можете рассказать ему о ваших любимых блюдах, и они в кратчайшее время будут у вас на столе. А пока Его Светлость приказали подать вам то, что наш повар успел создать за пару минут.

Поваренок ловко поставил поднос на небольшой столик и придвинул его так, чтобы я могла есть не вставая с кровати.

Так, посмотрим, что тут у нас... Поджаренные хлебцы, ломтики сыра и гроздь винограда. Все живописно разложено на фарфоровых с позолотой тарелках. Сбоку поблескивает багрянцем бокал красного вина. М-м-м-ням! Хотя, вместо вина я бы предпочла кофе.

От запаха сыра я едва не упала в голодный обморок. Желудок мучительно сжался, требуя внимания. С трудом поборов головокружение, я положила кусочек сыра на хлебец и, едва не рыча, впилась в него зубами. Ни говорить, ни думать на данный момент я не была способна.

Когда тарелки опустели, я сыто погладила свой животик и уже более благосклонно взглянула на замерших слуг.

— Спасибо, конечно, за легкий перекус, но хотелось бы чего-то более весомого, — сказала я. — Обед ведь уже прошел? Неужели не осталось ничего, кроме сыра и вина?

— Простите, мадемуазель, — Жако сдержанно поклонился, — но нам не известны ваши предпочтения. Его Светлость неприхотлив в еде и у нас давно не было гостей. Поэтому мессир Язон приказал отменить обеды и распустить кухонную челядь. А мы, слуги, питаемся отдельно, но вряд листряпня нашей кухарки придется вам по вкусу. Сегодня по приказу Его Светлости лучший повар замка снова надел свой колпак, так что все ваши пожелания

касательно ужина будут учтены.

Я наморщила лоб, пытаясь произвести нехитрые подсчеты. В замке обитает человек триста, не меньше — по крайней мере я так прикинула по той толпе, которую видела вчера. И на всех одна кухарка?! Бедная женщина, она, наверное, даже спит в своих кастрюлях. Этот герцог настоящий эксплуататор! А остальные обитательницы замка? Сомневаюсь, что их жизнь хоть немного легче. Помнится, в старину женщина вообще считалась недочеловеком, таким придатком своего мужа и господина. Как жаль, что сюда еще не дошли идеи эмансипации и феминизма, хотя... кто мне мешает начать вести среди этих затюканных женщин просветительную работу? Все равно, судя по всему, выбраться отсюда я пока не смогу.

— И как же одна кухарка умудряется готовить на всех? — поинтересовалась я.

— Ей помогают служанки. Но вряд ли вас должно это интересовать.

— Ладно, если ваше меню такая страшная тайна, то не буду настаивать. Но я все еще хочу есть. Меня вполне устроит борщ, яичница с егерскими колбасками, какой-нибудь мясной салат и чашка кофе. И еще, я предпочитаю кофе крепкий и сладкий. Можно со сливками.

По мере того, как я перечисляла свои пожелания, брови Жако поднимались все выше и выше, хотя он всеми силами пытался выглядеть невозмутимо. Девушка с поваренком тоже обменялись изумленными взглядами. В чем дело? У них такое не едят?

— Я передам ваши пожелания мсье повару, — лаконично заключил камердинер и покинул комнату вместе с мальчишкой, не забывшим забрать поднос.

А горничная осталась. Вот теперь я увидела, что в руках она держала небольшой сверток, который оказался чем-то средним между ночной рубашкой монашенки и больничным халатом.

Я скептически разглядывала это нечто, заботливо разложенное передо мной на покрывале. Ткань нежно-персикового цвета, плотная, но мягкая, похожая на фланель. Длинна — до пят, длинные рукава, с ленточками на запястьях, глухой ворот с завязками под горлом. По подолу и обшлагам узкий кружевной воллан. Ни вытачек в области груди, ни намека на талию. Мешок с завязками.

— Предполагается, что я должна это одеть? — скептически хмыкнула я. — А нижнее белье?

Горничная густо покраснела.

— Простите, миледи, но это лучшая рубашка Георгины де Верней — покойной матушки Его Светлости.

Я поперхнулась собственной слюной и закашлялась до слёз. Вот одежду с покойников мне еще носить не приходилось!

Захлебываясь кашлем и невразумительно мыча, я замахала руками, отпихивая от себя щедрый подарок. Лучше уж в одеяле, чем в рубашке покойницы!

Испуганная горничная непонимающе вытаращилась на меня, а я, справившись с кашлем, решила прояснить вопрос с одеждой раз и навсегда. Брезгливо взялась за кончик рубашки покойной герцогини, аккуратно приподняла двумя пальчиками и тоном записной стервы заявила:

— Я еще не на столько стара, чтобы рядиться в саван. Если ваш хозяин не может предоставить мне нормальную одежду, то пусть вернет мою. Этого будет вполне достаточно.

Розетта поспешила откланяться и сбежала, прихватив с собой герцогский презент. А я с

тяжелым вздохом начала подводить итоги этого сумасшедшего дня.

Итак, что мы имеем. Во-первых, голова трещит, как и прежде, температура, судя по ощущениям, градусов тридцать восемь, не меньше. В горле колет, как бы ангина не началась. Но это еще можно терпеть скрепя сердце. В конце концов я всегда гордилась крепким иммунитетом.

Во-вторых, я попала в странный замок, полный тайн и недомолвок. Хозяин здесь скрытый психопат в период обострения маниакально-депрессивного психоза, а из его слуг мало кто выглядит адекватным и знакомым с личной гигиеной. Гнилые зубы, щербатые рты, сальные волосы и жуткий запах застарелого пота — вот неполный список того, что я заметила во вчерашней толпе, которая так хотела меня растерзать. Даже в том состоянии аффекта, в котором я тогда пребывала, невозможно было не увидеть их жалкое состояние. Как они до этого докатились? Где пасторальные пастушки и дебелые крестьянские девушки в стиле "кровь с молоком"? Где мужчины "косая сажень в плечах"? Такое ощущение, что здесь обитают одни бомжи, грязные и вонючие. Не удивлюсь, если местный "бомонд" страдает от вшей, чесотки, цинги и рахита, или чего похуже.

В-третьих, меня весьма интересует, долго ли я буду светить своей обнаженкой? Может, зря отказалась от той распашонки? Хотя странное у этого герцога гостеприимство: то чуть не убил, то предлагает одежду с покойницы...

Распахнулась дверь, пропуская недовольного герцога с небольшим подносом в руке. На подносе высился одинокий стакан с мутно-зеленой жижей. Его Светлость решительно прошагал к кровати, поставил поднос на столик, потом навис надо мной, подавляя своим ростом, и мрачно поинтересовался:

— Могу я узнать, почему вы отказались принять ту одежду, которую я вам послал?

— Чего уж тут непонятного. Я Розетте все доступно объяснила. Саваны не в моем вкусе, тем более с покойника.

На аристократическом лице Его Светлости заходили желваки, брови сурово сошлись на переносье, но у меня не было ни малейшего желания отступить.

— Если в вашем средневековье нет нормальной одежды, то отдайте мне мою.

Он неожиданно замер, потом глубоко вдохнул, будто пытаюсь совладать с эмоциями, и вдруг тихо спросил:

— Вы сказали, средневековье? А какой, по-вашему, сейчас год?

— Какой у вас — не знаю, — язвительно фыркнула я, — а у нас две тысячи четырнадцатый от рождества Христова.

Их Светлость бледнела прямо на глазах. Я могла поклясться, что видела, как краски медленно сползают с его щек, делая его похожим на мертвеца. Лицо мужчины в один момент стало блее полотна, а плотно сжатые губы превратились в узкую полоску. Несколько мгновений он разглядывал меня каким-то отрешенным взглядом, потом вроде как очнулся и безжизненным голосом произнес:

— Лекарь приготовил новую порцию жаропонижающего отвара. Выпейте его и ложитесь спать. Насчёт одежды разберемся завтра, насчёт вашего меню тоже... Одна просьба, ночью по замку не бродить. Даже по нужде. Поверьте, это ради вашей же безопасности, — и он направился к дверям.

Э! Куда! А тайной поделиться?!

— Сударь, — черт, как там к герцогам обращаться нужно? — Светлость... Ваша...

— Просто Язон.

— А?

— Меня зовут Язон де Верней. Можете обращаться ко мне по имени. Что вы хотели?

— Странный у вас замок, Язон... Вы ничем поделиться не хотите?

Он криво усмехнулся, не отрывая пристального взгляда от моего лица. Я только сейчас заметила, что глаза у него черные, будто два бездонных омута, а в глубине светится что-то такое... такое...

Он хмыкнул, разрывая наш контакт и резко отворачиваясь.

— Все вопросы завтра, — безапелляционным тоном заявил он. — А сейчас пейте свой отвар и постарайтесь уснуть.

***

"Постарайтесь уснуть!" — скривившись, я передразнила доблестного герцога.

Как он себе это представляет? С такой температурой? К тому же меня буквально разрывала жажда деятельности. Мало мне, наверное, было пыточной камеры, раз никак утомиться не могу. Но этот замок буквально напичкан тайнами! Если уж я здесь очутилась, то будет настоящим преступлением сидеть в углу и изображать мышь. Тем более, с моим-то характером!

Короче говоря, зеленую жижу в стакане я пить не стала, побрезговала, но дала себе слово, что едва все уснут, я обязательно прогуляюсь по замку в поисках кухни и кладовой. Помнится мне, что раньше термин "замок" был идентичен термину "крепость". А в крепостях, как известно, на случай осады всегда имелся запас продуктов. И мясо вяленое, м-м-м! Думаю, герцог не сильно обеднеет, если я умыкну пару окороков. А то на такой диете и помереть недолго.

***

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

Демон — огромная черная зверюга — летел стрелой, подстегиваемый шенкелями седока. Язон припал к лошадиной гриве, мечтая лишь об одном: слиться воедино со стихией, стать таким же беспечным и равнодушным, как ветер, избавиться от этого странного томления, разрывающего его душу на части.

Глупец! О чем он думал? Тогда, в лесу, когда он понял, что не довезет девушку до дома, он вынужден был избавить ее от жалких клочков одежды и принять срочные меры. Он всеми силами старался не обращать внимания на ее тело, действовал по-военному быстро и точно, ведь от этого зависела ее жизнь.

Но когда она пришла в себя... в его кровати... такая хрупкая и беззащитная в окружении всех этих подушек и одеял... Черт возьми, он едва сдержался, чтобы не наброситься на нее! Что это? Помутнение сознания или у него просто слишком долго не было женщины?

Он закрыл глаза, позволяя коню самому выбирать дорогу, но перед внутренним взором так и стояло бледное девичье лицо с разметавшимися рыжими волосами и настороженным взглядом. Она была укрыта по самый подбородок, но стоило ему приблизиться к ней, как у него перехватило дыхание. Он слишком отчетливо помнил гладкость ее кожи и нежную округлость груди, которую еще недавно мог лицезреть собственными глазами.

Нет-нет, так нельзя. Он же не конюх какой-нибудь, мечтающий затащить горничную на

сеновал! Он — герцог д'Арвентиль, а мадемуазель — его гостя. Он должен выбросить из головы эти недостойные мысли и подумать о том, как сделать ее пребывание в замке комфортнее.

Остановив коня у подножия холма, Язон обернулся на запад и несколько мгновений следил за тем, как солнечный диск медленно исчезает за кромкой леса. Он знал, что как только исчезнет последний луч, темнота накроет не только землю, но и его сознание. До самого рассвета, пока он вновь чудесным образом не окажется в своей постели...

В своей постели!!! Внезапная мысль пронзила Язона. Девушка лежала в его постели! Он развернул Демона, еще надеясь успеть вернуться в замок до заката. Но удача, явно, была не на его стороне. Конь едва успел достигнуть середины холма, когда последний луч исчез за горизонтом и тяжелое тело герцога мешком свалилось в траву.

***

Немного полежав и послушав голодное бурчание в животе, я вылезла из постели и сорвала с нее простыню. Замоталась в прохладный шелк, сотворив нечто вроде примитивной тоги, и прошлепала к окну.

Подоконник — каменный и широкий — оказался на уровне моей груди. Я с трудом смогла подтянуть к нему тяжелое кресло, залезла с ногами и комфортно устроилась, подложив под попу подушку. Вид из окна открывался просто сногсшибательный: замковый двор, зубчатые башни, каменные стены, ров, холм и лес, лес, лес — на сколько хватает глаз, до самого горизонта. В нескольких местах темную лесную чащу пронизывали голубые ленты рек: одна широкая и штук пять тоненьких — ручьи, наверно. А сверху обалденное предзакатное небо: чуть подсвеченные заходящими лучами облака, летящие в медленно сереющей вышине. Да, в городе такое не увидишь. Все-таки у жизни на лоне природы есть свои положительные стороны.

Темная точка привлекла мое внимание. По узкой ленте дороги от подножия холма к замку во весь опор летел всадник на здоровом черном скакуне. Темный плащ развевался за его спиной точно крылья летучей мыши. Я не могла разглядеть его лица с такого расстояния, но интуиция подсказала, что это герцог. Он так спешил, будто пытался обогнать ветер.

Я увидела, что люди, еще недавно суетившиеся во дворе, стараются побыстрее покинуть улицу и скрыться под сводами замка. Неужели у них у всех боязнь темноты? А потом случилось что-то странное. Едва исчез последний отблеск солнца, как на небе, будто из ниоткуда, возникла огромная кроваво-красная луна. Мой взгляд буквально прикипел к одинокому всаднику. В зловещем багряном свете его темный силуэт вдруг озарился каким-то потусторонним голубоватым сиянием. Конь встал на дыбы, роняя седока, и рванул в сторону, испаряясь в воздухе словно дым, прямо на моих глазах. А мужчина так и остался лежать на земле неподвижной тенью.

Отшатнувшись от окна, я в ужасе приложила ладони к щекам, потом потрогала лоб. Температура? Галлюцинации? Или в этом мире есть магия? Вот только классического попаданства мне и не хватало! Замок есть, кандидат на роль главного героя (или злодея) тоже есть, теперь вот магия появилась. Что там дальше по списку? И куда исчезла эта чертова коняка?

Я осторожно выглянула наружу. Там, где упал герцог, теперь было пусто. Лишь пологий склон холма и узкая лента дороги — и ни единого живого существа.

А потом ночную тишину разорвал леденящий душу звериный вой!..

***

За дверями комнаты что-то заскреблось, я услышала странные шорохи и приглушенное попискивание. Мыши?! Потом — стук когтей по каменному полу. Сразу вспомнились волки и лисы, встретившиеся вчера ночью. Неужели герцог держит их днем под замком, а на ночь выпускает для охраны? И не боится? Это же дикие животные!

Неожиданно дверь в спальню стала медленно отворяться, будто кто-то настойчиво, но неумело толкал ее с той стороны. Я испуганно сжалась на своем насесте, поплотнее запахивая простынь.

В небольшую щель показалась остроносая рыжая мордочка. В свете луны глаза лисы блестели будто две спелые вишни, когда она вполне осмысленно посмотрела в мою сторону. Я почувствовала, как паника поднимается внутри меня неудержимой волной. Дикое животное! Здесь! В этой комнате! А я в простыне!

Нет, это была не паника, это была самая настоящая ярость и предназначалась она чёртову герцогу. Вот же гад, знал, что у них здесь звери бродят! Не даром советовал ночью по замку не шататься. А почему тогда двери не запер? А если б я сейчас спала?!

Затаив дыхание, я наблюдала, как дверь распахнулась еще шире, и ко мне шустро юркнуло огненно-рыжее тельце с вполне добродушной мордочкой и роскошным хвостом. А вслед за лисой протиснулся поджарый волк серой масти с подпалинами на боках. Эти двое быстро обнюхали в комнате все углы, а потом по-хозяйски устроились на полу возле подоконника. Что это, сторожить будут?

Я попробовала опустить ноги. Волк тут же вскочил и зарычал, совсем не смешно обнажая зубы. Лисица нервно затыкала, встав на задние лапы, а передними упершись в стену под моим насестом. Обложили, гады! А вдруг у них бешенство? Что мне теперь, всю ночь сидеть на подоконнике?

— Хороший волк, хороший, — произнесла я дрожащим тоном, чувствуя себя абсолютной дурой. — Не надо на меня рычать...

Странное дело, но звук моего голоса подействовал на животных успокаивающе. Они вполне мирно облизались и снова легли.

Жуткий вой раздался во второй раз, но теперь уже гораздо ближе. Я осторожно выглянула на улицу и едва не свалилась на пол от изумления. От замка по дороге к лесу быстро двигалась темная шевелящаяся масса. Без очков толком ничего не разобрать, но я каким-то шестым чувством поняла, что это дикие животные. Те самые, что я видела вчера ночью. Их тут сотни! И все они, будто река, устремились к подножию холма, спеша побыстрее покинуть мрачные стены.

Несколько минут я наблюдала этот звериный исход, а потом меня вновь заставил вздрогнуть этот леденящий душу вой.

Я обвела взглядом окрестности и наконец-то увидела Его. Прямо под стенами замка стояла уже знакомая высокая фигура с чуть сгорбленной спиной. Сейчас, когда я глядела на него сверху вниз, да еще и луна освещала двор, я вполне смогла разглядеть это загадочное чудовище. Короткие кривые ноги, непомерно длинные руки с лопатообразными ладонями, мощные плечи и грудь, длинный торс и короткий волчий хвост. Этот зверь стоял на двух ногах, но сильно ссутулившись и опустив руки вдоль тела, будто горилла.

Его задранная вверх морда напоминала гротескную маску: волчьи черты казались очеловеченными в обманчивом лунном свете. Он водил носом, будто ловил чей-то запах, а потом снова завыл так, что у меня по телу забегали перепуганные мурашки.

Позади меня в комнате раздался тихий скулеж. Я обернулась. Похоже, что мои четвероногие охранники взволновались. Волк поскуливал, выжидающе глядя в сторону дверей, а вот лиса то нервно металась по комнате, то замирала, нюхая воздух.

Неожиданная догадка пронзила мой мозг.

— Эй, — хриплым от простуды голосом позвала я, — зверюшки, этот монстрик ваш босс?

Лиса затыкала, будто и в самом деле собралась отвечать на мой вопрос, а вот волк переместился поближе к дверям.

Я задержала дыхание, услышав тяжелые шаги, приближающиеся к спальне. Кто-то огромный и тяжелый шел сейчас по коридору, дыша так шумно, что было слышно даже здесь. И моя интуиция подсказывала, что с этим существом я уже знакома.

На этот раз двери распахнулись с такой силой, будто их пытались снести. Я вжалась в оконный переплет, мечтая стать маленькой и незаметной, но не тут-то было! Огромная зверюга с утробным рычанием ввалилась в комнату и обвела присутствующих абсолютно невменяемым взглядом. Лис и волк тут же испарились из поля зрения, банально проскочив под ногами у монстра. Я лишь успела краем глаза отметить, как кончик рыжего хвоста мелькнул, исчезая в темноте коридора.

Я громко сглотнула, искоса разглядывая монстра. Кажется, хищникам нельзя смотреть в глаза, это воспринимается ими как вызов.

Огромная мохнатая зверюга почти танцующей походкой приблизилась ко мне. Его нос смешно шевелился, когда он шумно втягивал в себя воздух, язык свесился на сторону, а потом быстро скользнул вверх и вниз, облизывая морду. Чудовище замерло прямо напротив меня.

— Х-хороший... песик? — протянула я с вопросительной интонацией.

Зверь приблизился почти вплотную, я явственно ощущала жар, идущий от его тела. И если мне подоконник упирался в грудь, то этому гиганту был не выше поясницы. Две огромные мохнатые лапы протянулись в мою сторону. А вот руки распускать мы не договаривались!

Взвизгнув от неожиданности, я попыталась оттолкнуть монстра, но это было все равно, что толкать каменную стену. Он просто сграбастал меня своими ручищами и, как куклу, прижал к мощной груди. Я невольно уткнулась носом в его шерсть, воняющую мокрой псиной, и тут же начала чихать. А вот зверюга выглядел просто неприлично довольным. Как щенок, поймавший сахарную косточку. Он уже не рычал, а радостно поскуливал и едва ли хвостиком не вилял. А все потому, что теперь мог беспрепятственно меня обнюхивать и облизывать. Зато мне еще больше стала понятна моя нелюбовь к собакам.

Горячий шершавый язык нагло прошелся по моему лицу, вызывая спазмы отвращения. Фу-у-у! Это просто омерзительно! Да еще из пасти воняет! Монстрик явно незнаком с зубной щеткой. А эти колтуны в шерсти? Похоже, что расческа так же не входит в круг его приятелей.

Пока меня страстно обнимали, облизывали и сопели в шею, я осторожно прошлась руками по широкой спине зверя, угадывая под слоем свалявшейся шерсти и толстой шкурой поразительную мускулатуру. Пальцы нащупали пару корзиночек репейника, плотно

обосновавшихся в густой растительности монстрика. Бедненький, вычесать его, что ли?

Есть меня не собирались, это и дураку понятно. Большой волк явно принял меня за любимую игрушку и теперь развлекался вовсю.

Трепетно прижимая меня к груди, будто единственную ценность, он бухнулся на постель и заново начал обнюхивать. Простынь была отброшена с недовольным рычанием, а вид моего обнаженного тела заставил зверюгу довольно заурчать.

Пятки, голени, колени, под коленями... ну и далее по списку. Язык не отставал, вылизывая меня там, где прошелся нос. Я с трудом терпела, помятуя об острых клыках и когтях этого милого пушистика. Но вот когда озабоченный самец попытался облизать меня в том месте, которое обычно трусиками прикрывают, я категорически воспротивилась. Пусть мое поведение никогда не отличалось особой моралью — все-таки XXI век накладывает свой отпечаток — но зоофилия не входила в число моих приоритетов. Так что, крикнув монстрику четкое "фу!" я вытолкала его с кровати и села сама. Пора брать власть в свои руки.

— Сидеть! — заявила я командным тоном, заодно пытаюсь нащупать простыню, упавшую где-то позади меня. — К ноге! — и зачем-то похлопала себя по голой ляжке.

Монстрик на мгновение отступил, будто его и впрямь ошеломило мое сопротивление, но уже в следующий момент вновь пошел в атаку. Он был быстрее, сильнее, ловчее меня, но я все равно умудрилась перекатиться через кровать и спрыгнуть с другой стороны, ускользая от его шаловливых лапок. Раздраженное рычание было мне ответом.

Встав на ноги, я в отчаянии огляделась. Куда бежать? Некуда. Да, пришла пора признать, что помощи ждать неоткуда, нужно что-то предпринимать здесь и сейчас.

Зверюга заворчал, медленно обходя кровать, я так же медленно отступала. Он шел на меня расставив передние лапы, будто собирался обнять, а на клыкастой морде было написано такое предвкушение, что мне захотелось залепить ему пощечину.

Внезапно он прибавил шагу, я тоже. Пару раз оббежали вокруг кровати в одну сторону, затем в другую. Потом он, видимо догадавшись, что таким образом меня не поймать, немного замешкался и вдруг одним прыжком перелетел через преграду. Я заорала во все горло, когда огромное мохнатое тело приземлилось рядом со мной. Монстрик обиженно заскулил. Так жалобно, что я не выдержала и, протянув руку, машинально потрепала его по большой лобастой голове. Ну вот как собаку треплют за хорошее поведение.

Жалобный скулеж сменился довольным урчанием. Монстрик уже сам ткнулся мордой мне в ладонь, подставляя под пальцы те местечки, которые требовали внимания. Теперь, осмелев, я уже вовсю чесала ему за ухом, а в моей голове начали появляться абсолютно бредовые мысли.

Интересно, думала я, искоса поглядывая на довольную мохнатую морду, а он меня вообще понимает?

Спустя пять минут большой вонючий пушистик сидел на корточках на полу, прижавшись к моим ногам, а его голова лежала у меня на коленях. Он вопросительно поскуливал, высунув язык — ну точь-в-точь как собака перед любимым хозяином. Правда, моя собачка была слишком больших размеров и слишком опасной, чтобы я могла позволить себе расслабиться. Я даже подумала, что это оборотень — слишком уж был похож. Вот только странный какой-то. Где озлобленный оскал, пена, падающая с клыков, где горящие злобой глаза? Он же, вроде, должен пытаться разорвать меня на части, а не облизывать, как леденец на палочке!

Жёлтые глаза зверя светились в лунном свете будто два огонька свечи, в них угадывался голод, но совсем не тот, который можно было утолить пищей. Мне в голову пришла гениальная мысль, а что если бы я смогла его приручить? Хотелось бы иметь на своей стороне такого союзника. А если его еще вычесать и вымыть... с собачьим шампунем... найти ему красивый ошейник и когти подпилить... м-м-м, да, все просто умрут от зависти!..

Э-эх! Жаль, что я не знаю, как отсюда выбраться. Но если выбирать между снобом-герцогом и этим пушистым милашкой, то я выбираю второго.

Кутаясь в герцогское покрывало с вензелями (простынь оказалась разорванной когтями оборотня) и машинально почесывая монстрика за ушком, я подумала, что неплохо было бы подкрепиться. Да и голова болела, температура-то никуда не делась.

Неожиданно, мой желудок голодно заурчал. Оборотень вскинул морду, смешно шевеля носом, засопел, ткнулся мне в живот и вдруг вскочил на ноги, задорно блестя глазами. Весь его вид выражал нетерпение и едва сдерживаемую радость. Издав довольное поскуливание и помахивая хвостом как настоящая собака, он аккуратно подхватил меня с кровати, на которой я сидела все это время, и направился к выходу. Ну хоть через плечо не перекинул — и то ладно.

Страшновато, конечно, было. Но зверь не выказывал агрессии, наоборот, был вполне милым и дружелюбным. Поэтому я решила не сопротивляться и позволила себе немного расслабиться.

В пустых коридорах замка было темно и пусто. Из узких бойниц пробивался красноватый лунный свет, но его было недостаточно, чтобы осветить подробности. Монстрик двигался решительно и быстро, ни на мгновение не замедляя шага. Похоже, что темнота не была ему помехой.

Длинный коридор сворачивал несколько раз. В глубине темных ниш я различала тяжелые двери. Вероятно, за ними скрывались очередные комнаты. Но вот коридор перешел в кругую лестницу и меня сжал безотчетный страх. Опять в подвал?! Мои руки рефлекторно вцепились в густую шерсть на плечах зверя. Что угодно, только не это!

Не успела я вывернуться из его лап, как он недовольно заворчал и прижал меня еще сильнее. Спустившись по лестнице, он плечом толкнул оббитую железом дверь и внес меня в какую-то комнату.

Здесь было гораздо светлее, чем в коридорах, а еще, здесь просто умопомрачительно пахло копченостями!

***

Мой вежливый монстрик аккуратно поставил меня на пол и отошел, дав мне возможность оглядеться. Босые ноги ужалил холод, но я почти не обратила на это внимания. Больше всего меня сейчас привлекал одуряющий запах еды.

Ух ты! Да это настоящий рай для обжоры! Ну или для такого голодного человека, как я. Мы находились в квадратном помещении с каменными стенами и единственным небольшим окном, расположенным почти под самым потолком. Так вышло, что это окно было как раз напротив луны, и сейчас красноватые лучи освещали длинные полки из необструганных досок, тянущиеся вдоль стен. А на этих полках чего только не было! Десятки сырных головок, плетенные корзинки с яйцами и фруктами, мешки с крупами и мукой, а с потолка на толстых крюках свешивались связки копченой колбасы, балыки и

огромные окорока, при виде которых я едва не подавилась слюной!

Да у меня глаза разбежались от всего этого великолепия! Издав торжествующий вопль, больше похожий на мяуканье голодной кошки при виде пачки "вискаса", я подпрыгнула и вцепилась руками в толстенный свиной окорок, висевший прямо перед моим носом. Захлебываясь слюной, я начала дрыгать ногами. Сейчас хотелось только одного — изловчиться и вонзить зубы в такое желанное, такое ароматное мясо.

Герцог — гад! Теперь я в этом окончательно убедилась. Обладать такими запасами и держать своих людей на голодном пайке! "Вряд ли стряпня нашей кухарки придется вам по вкусу." "Его Светлость приказал распустить кухню". У-у-у! Рабовладелец! Дай только добраться до тебя — живо объясню, что такое римская конвенция и права человека!

Наверное, я выглядела смешно и нелепо, вцепившись в окорок и дергаясь, как червяк на веревочке. Даже мой верный рыцарь в мохнатых доспехах как-то подозрительно хрюкнул.

— Чего смотришь! — окрысилась я. — Не видишь, человек голодный! А-ну снимай!

Удивительно, но монстрик послушался. Видимо, какие-то зачатки интеллекта у него все-таки были. Он спокойно протянул лапу и снял окорок с крюка, но не дал его мне целиком (да я бы его и не удержала!), а разорвал на несколько частей. Я благодарно кивнула и тут же вгрызлась в сочное розоватое мясо. Окорок был удивительно свежим, ароматным, будто только вчера из коптильни вынули. Я не успевала жевать, так хотелось побыстрее насытиться. Но одного окорока мне было мало.

А вот мой мохнатый кавалер повел себя более чем странно. Он вдруг улегся прямо на пол, обернувшись вокруг моих ног, точно волк вокруг своих щенков, аккуратно приподнял меня и усадил прямо на свой теплый и твердый живот. Ого, неужели он заботится обо мне? Интересно, кого он во мне разглядел? Своего щенка? Самку?

Последнее предположение заставило меня подавиться куском мяса, которое я пыталась проглотить не жуя. Ужас какой! Откашлявшись, я кинула на монстрика подозрительный взгляд и попробовала осторожно отодвинуться. Не тут-то было! Зверь недовольно заворчал, скаля внушительный набор зубов, и прижал меня еще крепче. Ладно, позже разберемся, а пока стоит здесь лучше осмотреться, а то уже и пить хочется... кажется, вон в том углу блестят какие-то бутылки... А еще на полках столько всего вкусного! Думаю, Его Светлость был бы не против поделиться.

— А ну пусти! — требовательно заявила я.

Монстрик тоскливо заскулил, но встал и не стал мешать, когда я направилась к привлекавшему мое внимание стеллажу. Здесь в полотняных мешочках обнаружился изюм, курага, цукаты, финики и миндальные орешки! Плевать, что они не мытые, у меня такой желудок, что всех микробов переварит! Я запихивала лакомства в рот целыми горстями, постанывая от удовольствия.

Распотрошив герцогские запасы сухофруктов, перекинулась на свежачок. Вскоре пол вокруг меня был усеян огрызками яблок и груш, а я добралась до сыра. Слава богу, он был обычный, а не тот, что с плесенью. Поскольку ножа я не нашла, пришлось грызть сырными головками зубами, но от этого вкус продукта ничуть не пострадал.

Проводя ревизию герцогским запасам, я постепенно продвигалась в сторону углового стеллажа, на котором стояли большие темные бутылки, литра на три, не меньше, оплетенные лозой по самые "плечики". Длинное горлышко каждой бутылки было заткнуто пробкой и залито воском, по крайней мере, выглядело именно так.

После всего съеденного меня буквально обуяла жажда, поэтому, я ни капли не

смущалась, когда зубами выковыривала корковую пробку, сплевывая на пол раскрошившийся воск.

Наконец, мои усилия увенчались успехом. Так, что тут у нас? Я осторожно потянула носом: мало ли, еще уксусу не хватало напиться. А аромат так ничего себе... вроде бы вино, только запах гораздо тоньше чем у того, что в магазинах продается. Такой солнечный, что ли, многогранный... Не удержавшись, я чуть-чуть отхлебнула. Прохладная кисловатая жидкость теплом пронеслась по пищеводу и разлилась в желудке.

Точно вино! Да еще какое! Выдержанное и, похоже, не один год. Да, это я вовремя разглядела блеск стекла в темной нише. А что там в другой бутылке? Вдруг что повкуснее?

Я открывала бутылки одну за другой, смакуя первоклассное вино многолетней выдержки. Уж в этом-то я разбиралась, зря что ли практику на ликеро-водочном заводе проходила? На соседней полке обнаружили бутылки с уксусом и растительным маслом, кажется оливковым. Их я отодвинула в сторону.

После пятой продегустированной бутылки у меня в голове слегка помутилось, и я абсолютно случайно смахнула на пол пару штук. Они разбились с радостным звоном.

— Упс! — сказала я.

В глазах начинало двоиться.

Вообще-то я редко пью, но уж если начала, то легко превращаюсь в настоящую катастрофу. Под действием алкоголя в моем мозгу появляются самые невероятные идеи, которые я тут же начинаю воплощать, да еще и собутыльников втягиваю.

Вот и этот раз не оказался исключением. Несколько секунд я молча взирала на лужу вина и осколки у своих ног, ожидая услышать топот ног и увидеть врывающихся слуг, а потом появилось страстное желание отомстить аристократическому гаду за палача и пытки. В голове тут же зародился подлый план. С глупым хихиканьем я начала сметать с полок все, до чего могла дотянуться. Зачем? А черт его знает, просто на тот момент мне показалось это гениальной идеей, а отсутствие слуг и стражи убедило в собственной безнаказанности.

Вскоре я стояла посреди настоящего побоища: половина полок опустошена, пол усыпан крупами и мукой, вместе с битыми яйцами и стеклом, сырные головки раскатились по углам, будто мячики, а в воздухе застыл резкий запах уксуса и алкоголя. Да, вот теперь я чувствовала себя по настоящему счастливой!

Размявшись и утолив жажду мести, я пришла в такое хорошее расположение духа, что захотелось вселенской любви и уважения. Кстати, все это время мой кавалер молча сидел на пороге кладовой, не сводя с меня тоскливого взгляда. Он уже не скалился и не рычал, вел себя тише воды, ниже травы и лишь едва заметно вздрагивал, когда я с диким гиканьем разбивала о каменный пол очередную бутылку.

Меня очень быстро развезло. К глазам подступили пьяные слезы, а в голове стучалась только одна мысль: меня никто не любит. Вскоре я уже рыдала на крепком мохнатом плече, жалуясь на свою нелегкую женскую долю и вытирая об него и слезы, и слюни. Но монстрик, похоже, был не против. Он негромко ворчал в ответ на мой словесный потоп, хотя вряд ли мог понять то, о чем я ему говорила.

В бутылке — единственной, которую я оставила целой — вина оставалось меньше половины, когда в моей голове внезапно созрел еще один "гениальный" план. Окинув своего кавалера изучающим взглядом, я шмыгнула носом и заявила:

— А ты очень милый. Заботишься обо мне... не то что этот гад герцог. Вот он, похоже, не заботится ни о ком, кроме себя... А-ну, веди меня в его покои, будем там из тебя человека

делать!

Если честно, я не очень-то отчётливо представляла, как собиралась сделать из мохнатого чудовища человека. Для моих пьяных глаз он был вполне привлекательным, ну, может чуточку волосатым... некоторым женщинам нравится повышенная волосатость, говорят, это так мужественно... Но вот расчесать его не помешало бы.

Пьяно хихикая, я помахала бутылкой перед носом у монстрика и заявила:

— Бери на ручки!

Тот с готовностью подчинился, заглядывая мне в глаза будто преданный сенбернар. Я чмокнула его в мокрый нос и приказала:

— Неси в покои к этому... как его... ну ты понял...

Он меня понял. Идеальный собеседник! Все слышит, со всем соглашается и молчит. Лучше не придумаешь.

На обратном пути мне захотелось петь. На этот раз я во все горло затянула:

— Ой, цветет калина

В поле у-у ручья! Эх!

Парня молодого

Полюби-ила я! Э-эх! — и опять смачно облобызала своего преданного поклонника. Ну и что, что небритый? Зато ка-акой ми-иленький!

Мои пьяные вопли разносились эхом под каменными сводами замка, но мне уже было все равно. Остапа, как говорится, понесло!

— А-а! Вот и старые знакомые пожаловали! — я пьяно икнула и захихикала, увидев, что коридоры начали постепенно заполняться четвероногой живностью. — Сбегали в лес по своим делам — и назад. Правильно, нечего по ночам шататься. Ик!

Монстрик вошел в знакомую спальню и осторожно сгрузил меня на койку. Вернее, на огромный герцогский трах... эм, я ж приличная девушка и слов таких не знаю.

— Так, где мой кавалер? Иди сюда... будем из тебя няшку делать! Срочно разыскиваем подручные средства!

С маниакальным блеском в глазах я устремилась к туалетному столику, на котором красовалось мутноватое зеркало. Уж не знаю, как герцоги за собой ухаживали, но уж расческа просто обязана здесь быть.

Ага, а вот и она! Схватив в руки гребешок, сделанный, судя по всему, из черепахового панциря и серебра, я обернулась к монстрику, который продолжал ловить каждый мой взгляд. Уж не знаю, что он увидел на моем лице, но только глаза у него стали печальные-печальные, а на морде проступило выражение безнадежной тоски.

— Сидеть! — приказала я, слегка пошатываясь.

Монстрик тяжело вздохнул и подчинился: сел на край кровати, совсем по-человечески, согнул спину и свесил ладони между коленями. Я вытянула шею, беззастенчиво заглядывая ему между ног. А что, я пьяная, мне можно. Да и любопытство — не порок! Но там у него была такая густая шерсть, что я бы и на трезвую голову ничего не разобрала. А жаль. Фу, какая я пошлячка! Я глупо захихикала и залезла на кровать за спиной зверюги.

Пальцами, жирными от окорока, я провела по темно-серой шерсти, удивляясь ее мягкости. Тут же обнаружили корзиночки репейника и метелки какой-то травы, плотно запутавшиеся в густом подшерстке. Ну что ж, приступим-с!

Надо отдать должное моему мохнатому поклоннику. Он рычал, выл, сопел, но терпел. Шерсть летела клочьями. Если сначала я пыталась быть с ним понежнее, то после того, как

еще пару раз приложилась к бутылке, потеряла последние остатки совести. С рычанием, достойным монстриковой невесты, я выкручивала, вырывала, выдергивала руками из его шкуры все эти колтуны, траву, щепки и прочий мусор. Потом вгрызалась серебряным гребешком и чесала, чесала, чесала до тех пор, пока его шерстка не становилась мягкой и нежной, как у ягненка. Через пару часов моих усилий гребень потерял половину своих зубцов, зато спина монстрика стала напоминать меховую мечту модницы.

Наконец, я выдохлась. Еще бы, умудриться выхлебать больше трех литров вина! Да еще в одиночку. Да еще под осуждающим взглядом тоскливо скулящего монстрика. М-да, я превзошла саму себя...

В какой-то момент я совсем перестала отвечать за свои действия. Неловко привалилась к теплому мохнатому полечу и зевнула во весь рот. В голове стоял хмельной туман, комната качалась и плыла, точно корабль по волнам. Хотелось понежиться в крепких мужских объятиях... да, это именно то, что мне было нужно именно сейчас.

Я потянулась, обняла монстрика за шею, кажется, даже слюну на него пустила... плохо помню, все было как во сне.

Эта зверюга принялась, недовольно морща нос, глухо заворчала и вдруг шлепнула меня по попе! Не больно, но весьма ощутимо. Я обиделась и поползла прочь, пугаясь в простынях и одеяле. Меня тут же поймали за ногу, перевернули на спину, нависли сверху оскаленной мордой. Я икнула, глядя бессмысленным взглядом прямо в желтые глаза оборотня, горевшие праведным гневом. Он коротко рыкнул, прошелся пару раз шершавым языком по моему лицу и лег рядом, заботливо прижимая к себе. Я еще попыталась отстраниться — обиделась всё-таки, но он тут же пресёк все мои попытки, еще сильнее сжав в объятиях. Ладно, где наша не пропадала. Главное, что мягко и тепло.

На такой счастливой ноте я и заснула... чтобы проснуться через несколько часов с жесточайшим похмельем.

Часть 3

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Эх, и почему же так голова болит-то? Словно тисками кто сжимает... а в висках будто молоточки стучат: тук-тук, тук-тук — забивают гвозди в крышку гроба... Во рту точно пара хомячков сдохла и успела разложиться... фу-у-у-у! И тошни-и-и-ит!!! И дышать, почему-то, тяжело...

С мучительным стоном я открыла глаза и косила их в сторону. Даже такое простое действие далось мне с трудом. И прямо поперек своей обнаженной груди узрела крепкую мускулистую руку, покрытую короткими черными волосами... Э-э-э... Это точно не моя конечность...

Я попробовала осторожно выползти из-под неожиданных объятий, повернулась на бок и вдруг встретила с раздраженным взглядом золотисто-карих глаз. Герцог лежал рядом, одетый во вчерашнюю рубашку и штаны. Взлохмаченный, с недовольно поджатыми губами, а в глазах у него застыло еле сдерживаемое негодование.

Нужно было что-то сказать, но от близости горячего мужского тела все мысли разом вылетели из головы. Подступил новый приступ тошноты. Я с трудом сглотнула, умоляя желудок вернуться на место. Не хватало еще оконфузиться прямо на Его Светлость. И почему мне так плохо?

Герцог медленно снял с меня руку и сел, не отводя взгляда.

— Прошу прощения, мадемуазель, это моя ошибка и она больше не повторится, — глухо

пробормотал он и резким движением накинул на меня простыню.

Какая ошибка? Что не повторится? А я, в принципе, не против такого соседства. А что? Он мужчина видный, при одном взгляде на него у меня по всему телу жар разливается. Да и я девушка свободная... Боже, о чем я думаю?! Он же еще вчера чуть на ремни меня не пустил! Я точно схожу с ума.

Уж не знаю, что отразилось на моем лице, но только он отшатнулся, скривившись как от сильной боли, затем развернулся и быстрым шагом покинул комнату, с силой захлопнув за собой дверь. Практически сбежал.

Стук двери отозвался в голове десятикратным эхом. Я застонала. Добавилась еще одна проблема: мне срочно нужно было в туалет. И не только потому, что меня тошнило...

Так, и где мне искать комнату для уединений? И что здесь ночью произошло? В голове сплошной туман, ничего не помню...

***

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

Никогда прежде Его Светлость не оставляли поле боя с такой поспешностью. Но даже сейчас ему хотелось верить, что это не бегство, а тактическое отступление.

Оказавшись в коридоре, он захлопнул дверь и обессиленно сполз по ней вниз. Подошедший Жако недовольно поцокал языком, глядя на своего господина, который сидел на пороге собственной спальни, поставив локти на колени и сжав руками голову.

— Ваша Светлость, позвольте вашему слуге узнать, что случилось?

— Я не знаю, — глухо пробормотал Язон. — Мне кажется или я действительно схожу с ума?

Он поднял голову, и верный слуга с трудом поборол желание отшатнуться. Лицо герцога буквально перекосила гримаса боли, словно у него внутри шла мучительная борьба.

— Я не знаю, сколько еще выдержу.

Язон прикрыл глаза, вызывая в памяти последнюю сцену в спальне. Как и всегда, он проснулся в том же виде, в каком встретил свой первый день в этом заколдованном мире. Та же одежда, которую он поначалу ежедневно пытался спалить, и которая с завидным упрямством появлялась на нем снова и снова каждое утро. То же постельное белье, которое просто бесполезно менять: с рассветом оно само собой становилось таким же, как и в первый раз. Он даже просыпался каждый раз в одной и той же позе, как и все в замке. Если бы не память о прошедших годах в этой тюрьме, можно было бы подумать, что это снова и снова повторяется один и тот же день. Все было так, как в то проклятое утро после рокового бала. Точно так же задернуты шторы и все вещи на своих местах... Нет, не все.

Сначала он даже не понял, что именно не так. А потом почувствовал под рукой тепло живого человеческого тела. На мгновение ему показалось, что он грезит наяву, но зрение и осязание не могли его обмануть. Он действительно уже второй раз за все это время лежал в своей кровати не один.

Вчерашняя незнакомка никуда не делась! Более того, она лежала рядом с ним абсолютно обнаженная и спокойно спала. А еще от нее явственно тянуло перегаром!

Язон напряг память, пытаясь вспомнить, чем закончился вчерашний день и что он успел пропустить. Последним воспоминанием было то, как он спешил в замок. Кажется, возникла какая-то проблема, требующая его немедленного вмешательства, но какая — он напрочь забыл! И все же... все же...

Конкордия никогда не оставалась больше, чем на один день. Она приходила с рассветом и исчезала на закате, обещая вернуться в следующий раз. Эта же Катрин переночевала в заколдованном замке и, судя по всему, осталась вне действия его проклятия. Иначе он увидел бы ее этим утром в той же одежде, что и вчера.

Язон припомнил, как он осторожно повернул голову и окинул комнату внимательным взглядом. Так и есть! Его любимый серебряный гребешок, оставшийся на память от одной из любовниц, валялся на полу со сломанными зубцами. Рядом с ним примостилась бутылка из темного стекла. Одна из тех, в которых находилось его лучшее вино. И она была абсолютно пустой, как в миг своего создания. Невероятно, но факт! В замке начались изменения, и Язон был уверен, что связаны они именно с этой странной незнакомкой в его постели.

В этот момент незваная гостья протяжно застонала и пошевелилась под его рукой. Язон непроизвольно сжал кулаки, почувствовав, как ее движения отдались в его теле самым неожиданным образом. Проснувшись вчера в одной постели с этой девушкой, он впервые, за все время с начала проклятия, ощутил желание. Тогда ему показалось, что это временный эффект, но сейчас собственный организм пытался доказать, как он ошибался.

Вожделение, нет, похоть — дикая животная похоть наполнила его чресла, требуя забыть обо всех правилах приличия и овладеть этим тёплым, податливым телом.

И именно в этот миг Катрин открыла глаза...

Вспомнив ее обескураженный взгляд, герцог снова застонал. Вожделение никуда не делось, оно пульсировало в паху в такт с биением сердца. Все чувства обострились, кожа стала болезненно-чувствительной. Он лишь усилием воли сдерживал желание ворваться в спальню и наброситься на девушку, которая так опрометчиво появилась в этом проклятом месте.

— Приготовьте покои моей матери, — глухо проговорил Язон, не поднимая головы, — пусть наша гостья выберет себе одежду сама и выполняйте ее просьбы, если они не противоречат моим приказам. Жако, ты понял? Предупреди всех, она моя гостья. А ей посоветуй держаться от меня подальше... оказывается, я не такой сильный, как думал.

С трудом поднявшись на ноги, герцог пошел прочь, придерживаясь за стену. Он знал лишь один способ забыться: замковая кладовая, где благодаря проклятию был просто неисчерпаемый запас вина. Пусть это временный эффект и завтра утром он будет трезв, как стекло, а вино вернется на свои места, но у него, по крайней мере, появится передышка в несколько часов...

***

Я не стала ждать, пока кто-нибудь появится и решит мне помочь. Организм срочно требовал моего внимания.

Завернувшись в простыню и завязав ее покрепче, я заметалась по комнате в поисках пресловутого горшка. Из школьного курса истории и всяких рыцарских романов я точно знала, что до изобретения унитаза люди использовали специальные ночные горшки. Их изготавливали даже из золота, а опорожняли (негде правды скрыть!) прямо за окно.

Не знаю, хватит ли у меня совести так поступить, в конце концов я не "гринпис" чтобы заботиться о местной экологии, но если я сейчас же не найду ничего подходящего, то сделаю лужу прямо на этом ковре!

Бутылку из-под вина я отмела сразу: слишком узкое горлышко, а я не Робин Гуд, чтобы

умудриться в него попасть. Зато ширма в углу комнаты привлекла мое внимание.

Ширма эта вообще отдельный разговор: шесть сегментов, каждый в виде деревянного каркаса пол метра в ширину и два в высоту, обтянутый плотной тканью с вышитыми цветами и экзотическими птицами. Эти сегменты соединялись чем-то вроде дверных петель и могли складываться как гармошка. Я такое только в кино видела, но при этом мечтала подобную шпугу иметь у себя дома. И что-то мне подсказывало, что здесь она неспроста!

Ага, так и есть! Заглянув за ширму, я обнаружила то, что искала. Большой керамический горшок с крышкой и вычурной лепниной на пузатых боках стоял в углу на трёх ножках в виде львиных лап. Облегченно вздохнув, я уселась поудобнее и расслабилась. Едва глаза не закатили от блаженства. Даю руку на отсечение — это даже лучше, чем секс!

Получив свою порцию удовольствия, я уже более спокойно начала разглядывать окружающую обстановку. Рядом со мной на деревянной тумбе обнаружился таз, серебряный, судя по всему, и такой же кувшин, полный теплой воды. Оба изделия из драгметалла отличались изящной гравировкой, а еще на каждом из них я заметила странный символ в виде оттиска герба: по форме он напоминал треугольный рыцарский щит, разделенный на две части стилизованным деревом, похожим на дуб. Корни этого дерева, будто пальцы, сжимали меч, пышную крону с одной стороны украшал ястреб, с другой — голубка, а сверху дерево венчала корона с девятью зубцами, каждый из которых напоминал наконечник стрелы. Еще внизу шла надпись латинскими буквами. Я ее прочитала, но понять так и не смогла. Зато рядом с тазом нашелся горшочек с пахучей мылящейся пастой, маленький кинжал с острым узким лезвием и рукояткой, украшенной россыпью блестящих камешков, а также кусок мягкого полотна с вышивкой по краям, видимо полотенце.

Как я поняла, это был герцогский мыльно-брильный набор. Странно, он им, вроде, не успел воспользоваться, а щетины на его лице я не заметила. Хотя, что я удивляюсь! Все знают, что еще лет двести назад мужики не мылись месяцами, причем что герцоги, что крестьяне. Правда, первые хоть духами поливались — и то ладно. Вот Людовик XIV вообще за всю жизнь всего два раза был помыт. Когда родился и когда умер. Но это не помешало ему иметь кучу любовниц, множество внебрачных детей и дожить до преклонных лет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Интересно, а в этом замке вообще ванная есть? Я ведь девушка современная, прогрессивная. Привыкла по утрам душ принимать и кофе с пончиком... М-да, про кофе, похоже, придется забыть. Вряд ли здесь уже открыли Америку. Хотя, все может быть.

В дверь вежливо постучали. Я заметалась, не зная, куда сунуть горшок. Потом плюнула и выплеснула его за окно, как и положено добропорядочной средневековой горожанке. Надеюсь, в это время под стенами никто не ходил.

— Мадемуазель, — о, знакомый голосок, никак наш друг Жако решил почтить нас своим присутствием! — Ваш завтрак.

Я выглянула из-за ширмы и буквально остолбенела. Двери в комнату были распахнуты настежь, у входа, будто солдат на часах, стоял герцогский камердинер в примелькавшейся уже ливрее и напудренном парике, а слуги в одинаковых темно-зеленых камзолах вереницей заносили в спальню блюда со всевозможными яствами. Правда, первые двое втащили огромный стол, судя по цвету из настоящего красного дерева, да еще с позолоченной резьбой и инкрустацией, подозрительно напоминавшей слоновую кость и драгоценные камни.

Этот стол разместили посреди комнаты, придвинули с одной стороны великолепное кресло под стать столу, накрыли белоснежной скатертью с кружевами и начали расставлять

тарелки. Вернее, тарелками это можно было назвать с натяжкой, скорее целые подносы из фарфора. И чего на них только не было! Что я там на завтрак просила? Точно не запеченного целиком поросенка с яблоком во рту и не жареного лебедя, украшенного собственными перьями.

К тарелкам присоединились серебряные графины, в которых поблескивало вино. Ага, вот и повод похмелиться! Я вышла из своего укрытия, как ни в чем не бывало поправляя на плече толстый узел.

— Мадемуазель, — Жако поклонился мне с таким подобострастием, будто я была по меньшей мере принцессой крови, — Его Светлость оказал вам честь быть его гостьей. Он предоставил в ваше распоряжение слуг и левое крыло замка, вместе с покоем герцогини. Сейчас его подготавливают для вас. Могу я узнать, на сколько вы намерены задержаться?

Пока он произносил свою тираду, я успела хлебнуть винца и даже закинула в рот пару кусочков мяса, расколов поросенка. Но услышав последнюю фразу, поперхнулась и едва не выкашляла собственную печень. Даже слезы выступили на глазах!

— Чего? — прохрипела я между приступами кашля.

— Его Светлость желает знать, как долго он имеет честь принимать вас в своем замке?

— Всю оставшуюся жизнь! — ответила я в сердцах.

Нужно было видеть, как побледнело его лицо и как поджалась губы! Казалось, что больше — просто невозможно, но он, видимо, был еще большим снобом, чем его хозяин.

Не долго думая, я нагло отодвинула камердинера с дороги и молча уселась за стол. С левой стороны тут же нарисовался слуга с подобострастной миной на лице и перекинутым через руку полотенчиком — ни дать, ни взять официант в респектабельном ресторане. Я демонстративно закатила глаза, когда этот кадр взял графин с вином и наполнил мой бокал.

— Могу я посоветовать вам болонские колбаски, мадемуазель? — раздался за моей спиной сдержанный голос Жако.

— Нет, — грубо оборвала я. — Колбаски из болонки советовать мне не надо. И вообще, мне не нравится, когда стоят у меня над душой и заглядывают в рот. Вам что, заняться больше нечем?

— Простите, мадемуазель, для меня честь служить вам.

— Вот иди и служи в другом месте. И друзей своих заведи. Я вполне сама способна держать вилку в руках!

Он поклонился с таким видом, будто лимон проглотил. Затем пробормотал никому не нужные извинения и махнул слугам, отпуская их.

Ненавижу лицемеров! А этот Жако меня по-настоящему раздражал. Я еще не забыла, как он сдал меня палачу на пару со своим любимым герцогом. Этому напыщенному аристократу тоже не помешает мозги вправить. Сначала сам ко мне в постель прыгает, а потом строит из себя оскорбленную невинность. Можно подумать, я его изнасиловать пыталась!

Одно странно, куда они дели моего монстрика? Где эти гады прячут его днем? Надо будет пойти, поискать беднягу. Подкормить. Вдруг он голодный? С такими хозяевами и загнуться недолго. А здесь еды человек на пять, не меньше. Думаю, Его Светлость не обеднеет, если я этого лебедя в перьях отнесу монстрику на завтрак. Да и неряшливый он какой-то. Грязный, нечесанный. Такое ощущение, что за ним никто не ухаживает. Печально. Завели животное и издеваются — изверги!

Пока я размышляла, исподлобья глядя на застывших вокруг стола слуг, они с

растерянным видом поклонились и удалились вслед за недовольным Жако. Наконец-то я осталась одна и смогла спокойно поесть. Вино я пить не стала, ночью напилась, а вот изящный фарфоровый чайничек с крышечкой в виде розового бутона привлек мое внимание. Этот чайничек стоял на серебряном подносе вместе с миниатюрной чашечкой, украшенной позолотой, и такой же пиалой, в которой лежало что-то вроде фруктового джема. Я потянула носом. Над выгнутой в форме лебединой шеи носиком чайничка витал обалденный запах горячего шоколада!

О, этот божественный аромат! Я расплылась в идиотской улыбке. Просто невероятно, мне заварили шоколад! Так, быстро соображаем. В "Анжелике" шоколад был? Был! А век там какой? Семнадцатый. Как раз тот самый Людовик XIV и правил. Значит, нужно поймать кого-то из местных и допросить, какой век у них на дворе. Тогда можно будет планировать дальнейшие действия. В конце концов я не собираюсь сидеть в этом замке до скончания века. Если судьбе было угодно переместить меня во времени и пространстве, то почему бы не воспользоваться этим? Посмотреть мир, изучить нравы... Вдруг где-то здесь меня ждет мужчина моей мечты?!

Я как-то сразу поскучилась. Сидела, отхлебывая из чашки горький горячий шоколад (сахар пожалели или еще не изобрели?) и вспоминала своего монстрика. Он такой милый, такой послушный и в то же время сильный и грозный — эх, прямо идеал настоящего мужчины. Рычит мало и по существу, лапы не распускает, на руках носит, о нуждах моих заботится, в постели греет и ни на чем не настаивает... где я еще найду такого? Одна проблема: звериное происхождение. Я даже на повышенную лохматость согласна, лишь бы он был человеком!

М-да, какие-то странные у меня мечты. Наверное, долгое воздержание сказывается. Я ведь уже год, как рассталась с последним парнем. Не то, чтобы их было слишком много... просто я предпочитала не заводить серьезных отношений. Случайное знакомство, взаимное удовольствие — и все. Никаких чувств, никаких обязательств. Пару раз пробовала "встречаться". И парни, вроде, неплохие попадались, но очень быстро надоедали. Расставалась без малейшего сожаления и все думала, что со мной не так? Почему сердце молчит? Почему даже в момент физической близости голос рассудка сильнее желаний плоти? А потом все надоело, и я решила прекратить эксперименты. Выгнала последнего ухажера и стала вести жизнь одинокой, но вполне самодостаточной женщины. И до сего момента не испытывала нужды в присутствии мужчины. А теперь...

Кажется, я даже всплакнула...

Опять поскреблись в дверь, нарушая мое уединение. Я быстро вытерла слезы и ровным голосом разрешила войти. Это была Розетта.

— Ваши новые покои готовы, мадемуазель, — произнесла горничная, нервно теребя подол своего фартука. — Я приготовила для вас несколько платьев. Позвольте вас проводить.

Я с сожалением глянула на опустевший чайник. Ладно, проявим послушание. В конце концов ходить голой в простыне это как-то не комильфо. Да и интересно примерить на себя настоящий средневековый наряд. Или нет, если это век семнадцатый, то уже эпоха Ренессанса. А это значит кринолины, кружева, атлас, бархат и бриллианты. Ух ты! Я увижу настоящие бриллианты! Помнится, одно время это был очень модный камень, им даже туфли украшали. Интересно, сколько бы такие туфельки стоили у нас?

— Розетта, — задала я мучавший меня вопрос, — ответь пожалуйста, какой сейчас год и

в какой стране я нахожусь?

Девушка опустила голову, лицо ее сначала побледнело, затем покрылось красными пятнами, а спустя минуту она разразилась бурными рыданиями и выбежала из комнаты, прижимая к щекам подол своего фартука.

Я проводила ее ошарашенным взглядом и едва сдержалась, чтоб не покрутить пальцем у виска. Странные они здесь какие-то. Пуганые. Хотя, с таким соседом, как герцог, и мне скоро психиатр потребуется. И опять же моя проблема осталась не решенной: второй день подряд кутаться в простынь я уже не собиралась. Немедленно дайте мне хоть что-то! Хоть пеньюар герцогской прабабушки! Я уже на все согласна!

Я выглянула за дверь. В коридоре стоял мужик в железном шлеме, нагруднике и с мечом на широком поясе. На его краснощеком лице зверски топорщились рыжие усы, похожие на размочаленную сапожную щетку.

— Ты кто? — задала я вполне резонный вопрос.

— Жак-Ив! — отрапортовал он, блеснув гнилыми зубами.

— Кусто! — брякнула я.

— Простите?..

— Нет-нет, продолжайте. Вы здесь какими судьбами?

— Его Светлость наказали.

— Ах вот как, — я почесала затылок. Помыться б не мешало, а то в этих краях и вошек подцепить не сложно. Или что похуже. — И что же Его Светлость наказал? Следить за мной?

— Никак нет, мадемуазель! — мужик от усердия даже каблуками щелкнул. — Охранять.

— Интересно, меня от вас или вас от меня? — пробормотала я себе под нос. — Где герцог знаешь? — добавила уже громче.

— Да, мадемуазель, но Его Светлость не велели беспокоить.

— Ничего, переживет. Веди, давай.

Поправила сползшую простыню, я затянула узел покрепче и с гордо поднятой головой направилась вслед за этим клоуном. Босая, по холодным каменным плитам. Поскольку обуви мне тоже до сих пор не выделили. Список моих претензий к Их Светлости продолжал расти.

К стенам коридора жался местный люд. Удивительно, но они уже не тыкали в меня пальцами и не плевались от ненависти. Наоборот, подобострастно кланялись, но я-то чувствовала за спиной их подозрительные и мрачные взгляды. Похоже, что босс сказал меня не трогать. Гостья, как-никак. Ну-ну. Интересно, сколько из них сейчас жалеет, что палач не сделал из меня чучело?

Мы свернули в уже знакомый проход. Я, конечно, плохо вижу и дорогу не запоминаю, но, кажется, этот ход ведет к тому продуктовому складу, где мы с монстриком вчера зажигали. Ага, вон и двери видать. Ой, а что это за толпа перед ними? Неужели мы аж так повеселились?

***

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

Его Светлость и представить себе не мог, что обнаружит, спустившись в замковую кладовую. С тех пор, как проклятие вступило в силу, в этом месте ничего не менялось. Если иногда Язон и позволял себе впасть в уныние и предаться греху пьянства, то с наступлением утра все возвращалось на круги своя. Всегда. Но не сегодня.

Уже на подступах к кладовой в голове герцога зародились смутные подозрения. Завернув за очередной поворот и выйдя на финишную прямую, он издали разглядел, что дверь в продуктовый склад открыта. "Неслыханно! — выиграло в Язоне глухое раздражение. — Кто посмел?!" Он ускорил шаг, бесшумно ступая по грязным плитам, в надежде поймать вора на горячем.

Первыми на глаза попались обглоданные кости, сложенные у самого порога аккуратной кучкой. Чуть дальше валялась тряпка непонятного цвета, вся грязная, в жирных пятнах и воняющая копченым окороком. Его Светлость с трудом узнал в ней собственное постельное белье по вензелям, вышитым по периметру. Кроме этого в кладовой обнаружился просто возмутительный бардак, словно некий вандал провел здесь ночь, планомерно уничтожая запасы. Кто-то проредил висевшие на крюках окорока, открыл бутылки с вином, половину из них разбил, перевернул пару полок с крупами и сырами, от чего все это добро разлетелось по углам, и исчез в неизвестном направлении. Но больше всего Его Светлость возмутило то, что последствия этого вопиющего вандализма не исчезли с наступлением утра.

Язон замер на пороге, тяжело дыша и едва сдерживая негодование. Его кулаки машинально сжимались и разжимались, будто мечтая придушить того, кто посмел устроить такое безобразие в вотчине герцога д'Арвентиль.

— Рене, — позвал он одного из слуг, снующих по коридорам по одним только им известным делам, — я хочу, чтобы через полчаса здесь все было убрано. И еще хочу знать, кто это сделал, — взгляд герцога упал на скомканное покрывало у его ног, — хотя нет, с этим разберусь сам.

В конце концов не трудно догадаться, кто нарушил привычный ход бытия в этом застарелом болоте. Язон даже не знал, радоваться ему неожиданным изменениям или наказывать наглую гостью за самоуправство. И когда она успела? Неужели ночью? Если это так, то в замке появился единственный человек, который может пролить свет на некоторые тайны. А именно, сможет рассказать, что же происходит по ночам в этих стенах. Стоит немедленно встретиться с ней и допросить!

Внезапно в памяти возникло воспоминание предыдущего "допроса": мрачное подземелье и метр Амбруаз с его специфическим юмором. Нет, так дело не пойдет. Не стоит запугивать несчастную девушку еще больше. Язон вспомнил, как она отшатнулась этим утром, когда увидела его в постели рядом с собой. Ее близость стала для его выдержки настоящим испытанием, а вот отчуждение как ведро холодной воды остудило вождение. Правда, ненадолго.

— Ого! — раздался позади него знакомый удивленный голос.

Язон развернулся, мрачно разглядывая стоявшее перед ним чудо в уже привычной простыне.

— Могу я узнать, почему вы до сих пор в таком виде, мадемуазель? — процедил он сквозь зубы, чувствуя, что бриджи становятся тесноваты в паху.

Несносная девчонка уставилась на него с нескрываемым интересом. Герцог даже вспомнил, что умеет смущаться и покрылся нежным румянцем.

— Я вот тоже хотела бы это знать. Мне даже тапки не дали! — и наглая девица задрала простынь чуть ли не до колен, продемонстрировав босые ступни, изящные лодыжки и стройные округлые икры, при виде которых Его Светлость нервно сглотнул и поспешил прикрыть глаза. — Эта безмозглая Розетта убежала, стоило задать ей пару вопросов. У вас здесь все такие нервные или у девочки критические дни?

— Пару вопросов? — герцог попытался собрать свою волю в кулак, но воля упорно не желала собираться. Взгляд Его Светлости блуждал где-то в районе груди незваной гостии, а в мыслях он уже ласкал оную часть ее тела руками, попутно вспоминая, как именно это тело выглядит без одежды, лежа на его простынях. — Так, о чем вы ее спросили?

— Я спросила, какой у вас год и что за страна, — девушка сердито сложила руки на груди, заставляя Язона вынырнуть из приятных воспоминаний, — а она разревелась и убежала. Вы меня, конечно, извините, я девушка простая, этикетам не обучена, но хотелось бы надеть на себя что-нибудь посущественнее вашей простыни. И нечего на меня так пялиться. Слюни подберите, — раздраженно фыркнула она, — а то захлебнетесь. Потом скажут, что я вас убить пыталась.

Мужчина вздрогнул, приходя в себя, и резко отвернулся, не забыв бросить на нахалку уничтожающий взгляд. Да как она посмела так с ним говорить?! С ним! С герцогом д'Арвентиль!

— Да хоть с Папой Римским, — отчеканила мадемуазель за его спиной, — мне фиолетово, у меня ноги замерзли, и температура опять поднимается.

Неужели он последнюю мысль высказал вслух? Язон тяжело вздохнул. Похоже, что его план разговорить незнакомку наткнулся на непроходимое препятствие. Девушка оказалась наглой, невоспитанной и себе на уме. А еще он безумно, просто до умопомрачения хотел ее.

— Жако! — он едва не бросился навстречу собственному камергеру, заведя того на другом конце коридора. — Поручаю тебе мадемуазель Катрин. Отведи ее в предоставленные покои и проследи, чтобы она подобрала наряд по своему вкусу... и еще, сегодня я хочу обедать в синей столовой вместе с нашей гостьей.

Все, теперь можно выдохнуть с облегчением. Девчонка еще что-то недовольно бурчала, но волшебное слово "наряд" подействовало на нее безотказно, как и на большинство ее соплеменниц. Все-таки как легко отвлечь женщину! Дайте ей возможность покопаться в тряпках, подкиньте парочку блестящих безделушек, зеркало, несколько баночек с различными притираниями — и она потеряна для мира на ближайшие пару часов. А повезет — то и до самого обеда.

Одного Язон не учел. Его гостья пришла из стремительного XXI века, где женщины умудряются накраситься за пятнадцать минут, стригут волосы, чтобы не мучиться с укладкой, а в одежде предпочитают минимализм.

***

Нет, ну какой нахал! Уставился на меня, как подросток на Беркову, еще чуть-чуть — и разложил бы прямо на полу!

Я возмущенно передернула плечами, спеша за молчаливым камергером. Тот явно был недоволен навязанной ему обязанностью, но мне, честно говоря, было на это наплевать. Я все еще не могла прийти в себя после разговора с герцогом.

Это было нечто! Он раздевал меня глазами и даже не скрывал этого. А размер его желания явственно выпирал в узких бриджах и даже вызвал у меня невольное уважение. Все-таки мне еще не приходилось встречать мужчину с таким... хм... богатством. Но если я не хочу немедля им воспользоваться, то стоит держаться от этого типа как можно дальше.

К тому же пора подумать о своей дальнейшей жизни. Где мое пророчество? Где маг, указующий мне истинный путь? И вообще, кто-нибудь объяснит, что я здесь забыла?!

Наконец, мы вошли в просторную комнату, стены которой были обиты бордовым бархатом с золотыми вензелями. В ее центре высилась кровать с балдахином, напоминаясь размерами и высотой жертвенный алтарь.

Я громко икнула, уставившись на это произведение искусства неизвестного мастера. Подошла, примерилась. Нет, без табуретки здесь делать нечего. Я даже позориться не собираюсь, закидывая ноги на такую высоту.

— С правой стороны стоит скамеечка, — раздался позади меня голос камергера.

Я обошла кровать по периметру. С другой стороны, действительно, обнаружилась скамеечка, вернее, деревянная тумба с тремя ступеньками, доходившая высотой мне до колена. Поджав губы, я забралась по ней на кровать и с удовольствием рухнула на мягкие перины. Затем, приподнявшись на локте, обозрела открывавшийся вид.

— Чувствую себя принцессой на горошине, — констатировала я с удовольствием. — А где обещанные "наряды"?

Жако молча прошагал к небольшой двери, скрытой за портьерой, и распахнул ее настежь. За дверью оказалось нечто вроде гардеробной, сплошь увешанной разноцветными нарядами. И это был не скромненький гардеробчик городской девчонки, нет, это был настоящий фейерверк красок, тканей, кружев и украшений.

Я скатилась с кровати и замерла от восхищения на входе в этот женский рай. Кто из девчонок в детстве не мечтал хоть раз побыть принцессой?! Одеть пышное бальное платье, которое доставалось из шкафа лишь по большим праздникам, и пройтись в нем по улицам родного города, ловя восхищенные взгляды прохожих. Я ведь даже на бальные танцы записалась только потому, что вальс следовало исполнять именно в таком платье: длинном, пышном, похожем на восхитительный экзотический цветок.

А теперь передо мной находилось больше трех десятков совершенно фантастических нарядов и у меня была возможность перемерять их все!

— Розетта приготовила для вас несколько платьев, — развеял мои мечты сухой голос камергера, — они находятся здесь.

И он раздвинул небольшую ширму, делившую гардеробную пополам. В образовавшейся нише стоял небольшой диванчик и пара кресел. На них были аккуратно разложены многочисленные детали туалета, о предназначении которых я знала только понаслышке, а видела лишь в исторических фильмах.

Я осторожно подцепила пальцами одну из вещей, напомиравшую нечто среднее между корсетом стриптизерши и бронежилетом: оно было сделано из толстого сукна с плотной подкладкой, а внутри прощупывались то ли металлические, то ли костяные пластины.

— Это что? — полюбопытствовала я.

Жако стремительно покрылся румянцем и смущенно откашлялся.

— Я пришлю вам горничную.

— Сами поучаствовать не хотите? — я подняла с диванной спинки еще один шедевр средневековой моды.

Кажется, это были панталоны, только очень странные. Шелковые, розовые, с симпатичными кружевами понизу, но при этом без шагового шва. Просто две половинки, державшиеся между собой с помощью веревочки, продетой в кулиску на поясе. Я растянула их двумя руками и захихикала. Постепенно мой смех перешел в гомерический хохот и я, усевшись прямо на пушистый ковер, начала откровенно ржать.

— Жако, — прохрипела я, захлебываясь смехом, — а ты тоже такие носишь? Для

удобства? — и я разразилась новым приступом истерического гогота.

— Я все-таки пришлою вам горничную, — камергер поспешил исчезнуть за дверь, оставив меня буквально корчиться от смеха.

Еще бы, я только представила его светлость в этих милых панталончиках... интересно, каким бы образом он удерживал свое "хозяйство" меж двух половинок? Или предоставил бы ему полную свободу? И вообще, у него под бриджами есть что-нибудь или нет?

В общем, все эти тряпки в кино выглядели более представительно. А на деле оказались просто клоунским нарядом. Я захихикала, вспомнив как покраснел Жако. Надо же, а я думала, что этого лощеного хлыща уже ничто смутить не может.

— Мадемуазель, — в дверях стояла Розетта, шмыгая носом. — Могу я вам помочь?

— О да, — пробормотала я, колукая пальцем вышивку на подоле одного из платьев. — Мне срочно нужны ножницы, нитки и иголка.

— Могу я узнать зачем? — девушка присела в книксене.

— Поскольку собственных трусов у меня нет, придется модернизировать ваши.

— А?

— Не заморачивайся, — я махнула рукой, — буду делать из ваших панталон последний писк моды.

Девушка убежала, пообещав вернуться через пять минут, а я продолжила изучение музейных экспонатов.

Если честно, я вообще не представляла, как это все носить, а главное, зачем?! Панталоны, нижняя рубашка, корсет, верхняя рубашка, штук пять юбок с пышными складками, убойная конструкция под названием кринолин, состоящая из деревянных колец, обтянутых тканью — и все это в бантиках, кружевах, с золотой и серебряной вышивкой и в таких безумных цветосочетаниях, что современная модница скончалась бы от разрыва сердца. Чего только стоили шелковые чулки в красно-зеленую поперечную полосу, украшенные с внешнего бока рядом крошечных фиолетовых бантиков!

Сменив простынь на одну из рубашек, я подпоясала ее широким шарфом, обмотав его вокруг талии будто кушак, натянула на ноги самые удобные туфли из атласа, похожие на балетки, и продолжила изучение местной моды.

Пока Розетта отсутствовала, я решила отобрать все самое безобидное, вынести в спальню и там уже спокойно рассмотреть. Сложила в кучку комплект одежды, включая все части гардероба от панталон, до верхнего платья, и попыталась встать, держа в руках этот ворох тряпья. Куча оказалась тяжелее меня, по крайней мере мне так показалось. Она потянула меня вперед, довольно сильно перевешивая, но я девушка упорная и устояла. Как раз для того, чтобы завалиться навзничь, накрывшись всем этим барахлом. Из-под вороха тряпья остались торчать только мои ноги в атласных тапках.

Их-то и имел честь лицезреть Его Светлость, за каким-то "надом" заявившийся в мои апартаменты именно в тот момент.

— Э-э-э, — многозначительно промычал он, глядя на то, как я, барахтаясь, пытаюсь выбраться на свободу из-под разноцветной кучи.

— Вы что-то хотели? — отдуваясь, я сдунула с лица непослушную прядку и наконец-то умудрилась встать. Правда, пока только на четвереньки.

— Н-нет... то есть да...

Похоже, у него еще и заикание.

— Так да или нет? — я осторожно встала на ноги, ощупывая себя на предмет

повреждений.

Пристальный взгляд и не прикрытый интерес герцога начинали раздражать.

— Я только хотел узнать, как вы устроились. Это мой долг, как хозяина этого замка. У нас, знаете ли, очень давно не было гостей... мы отвыкли от присутствия чужих...

— Оно и не удивительно. С вашим характером наверняка очень трудно завести друзей.

Я чуть язык себе не откусила, когда поняла, что ляпнула. А ну как сейчас рассердится и выбросит меня к чертям собачим! И куда я тогда пойду? Буду бродить под стенами замка и выть, как вчерашний оборотень? Кстати, о нем тоже надо бы спросить.

Герцог, на удивление, ничуть не обиделся, разве что слегка скривился.

— Вы всегда такая прямолинейная, мадемуазель?

— Да. Это, знаете ли, основная черта моего характера: что на уме, то и на языке. Не вижу смысла лицемерить.

Он покачал головой, чему-то усмехаясь.

— Тогда я могу надеяться, что вы ответите правду на мой вопрос?

— Надейтесь. А что за вопрос?

Он окинул меня горячим взглядом, от которого враз вспотели ладони, и низким чувственным тоном произнес:

— Скажите, мадемуазель, я вам нравлюсь... ну хоть чуть-чуть?

Я несколько секунд молча смотрела на него, пытаюсь сообразить, что именно он хотел этим сказать. А потом на меня снизошло понимание, и я не выдержала, расхохоталась во весь голос. Он нахмурился и сделал шаг в мою сторону.

— Что такого смешного вы услышали в моих словах? — спросил он, насупившись.

— Ох, ничего, простите, просто я не привыкла слышать от парней такое. У нас обычно девушки задают подобные вопросы.

— Так да или нет?

Кажется, мы повторяемся.

— Ну, — я окинула его оценивающим взглядом, демонстративно задержавшись на внушительной выпуклости в паху, — вы вполне симпатичный мужчина. В моем вкусе. Эдакий brutальный мачо. Но вот над характером стоит поработать. И над выдержкой. Интересно, вам удобно так ходить? — и я выразительно приподняла брови, указывая взглядом на его проблему ниже пояса.

Герцог судорожно вздохнул и покраснел.

— Боюсь, — хрипло произнес он, — эту проблему я не могу решить самостоятельно.

— Так в чем же дело? Найдите подходящую пару. Наверняка, вокруг вас вьется десятка два привлекательных женщин.

— Вас это тревожит?

В его голосе прозвучал неприкрытый интерес. Я равнодушно пожала плечами и отвернулась.

— Почему ваша личная жизнь должна меня тревожить? — постаралась ответить я как можно ровнее. — Вы мне никто.

Я не видела, как он шагнул в мою сторону, только вдруг ощутила, что крепкое мужское тело прижалось ко мне со спины. Сильные руки обернулись вокруг моей талии, сдавливая и лаская одновременно, а в поясницу уперлось что-то твердое и весьма крупное.

— А вы хотите, чтобы я для вас кем-то был? — услышала я горячий шепот прямо над своим ухом. — Кем, к примеру?

Я застыла, когда мужчина вдавил меня в свое тело, заставляя ягодицами почувствовать всю величину его проблемы, и низко зарычал, уткнувшись носом в мою шею. Гормоны резко вскинули головы и радостно заскакали, вызывая на коже табун диких мурашек. Эти вредные насекомые устроили смотр всем войскам и показательные учения, промчавшись кавалерийским полком сначала вверх по спине, а затем вниз. Это было уже слишком!

Вырвавшись, я отскочила на безопасное расстояние. На герцога было страшно смотреть. Его лицо побледнело, почерневшие глаза метали молнии, а руки так явственно дрожали, что он вынужден был спрятать их за спину.

— Простите, — сдавленно прохрипел он, — этого больше не повторится!

— Слышь, приятель, — я с опаской отступала, пока не запнулась за кровать и не села на нее со всего размаха, — у тебя тут что, баб нет? Что ж ты дикий-то такой?

Герцог издал какой-то утробный рык и вдруг пошел на меня. Его лицо исказила гримаса боли, взгляд окончательно утратил всякий смысл, а с губ вдруг сорвался свистящий шепот:

— Беги!

И я как рванула!

Перепуганная до смерти всей этой чертовщиной, я едва не сбила его с ног, чудом увернулась от похотливых ручонок и вылетела в коридор. По дороге налетела на Розетту, несшую корзинку с рукоделием, столкнула ее с пути и помчалась подстреленным зайцем куда глаза глядят.

В коридоре оказалось на редкость много людей в лакейских ливреях. Они поднимались по лестнице откуда-то снизу, неся в руках гигантские блюда с горою снеди. Но в этот раз аромат еды оставил меня равнодушной, слишком уж меня перепугал безумный взгляд Его Светлости.

Мой забег оказался печально коротким и закончился слишком банально. На повороте я врезалась в какого-то слугу, несшего на блюде фаршированного гуся в яблоках. От моего удара парень (кстати, довольно симпатичный) закачался, но устоял, зато гусь на блюде изобразил восхитительный пируэт и с грациозностью плывущего лебедя заскользил к краю. Балансируя на одной ноге, парень несколько мгновений пытался удержать гуся, в то время как я, подчиняясь законам физики, продолжала по инерции бежать. В результате, уже через пару секунд после столкновения мы с ним покатались кубарем, сминая рассыпавшиеся яблоки, а серебряное блюдо с грохотом задребезжало на каменном полу.

За спиной раздался быстро приближающийся рев. Так реветь мог бы самец гориллы во время брачного сезона, хотя о точном сходстве утверждать не берусь.

Так получилось, что парень приземлился прямо на меня, придавив к полу мое хрупкое тельце. Уставившись друг другу в глаза, мы на мгновение оторопели. Но едва я пошевелилась и хотела попросить его слезть, как какая-то неведомая сила буквально сорвала его с меня. Ошав от неожиданности, я увидела, как герцог схватил несчастного лакея за горло одной рукой и буквально вздернул его над землей. Вот это сила! Уважаю. А с виду-то и не скажешь, что Его Светлость такой атлет.

Зарычав, герцог хорошенько встряхнул парня, да так, что у того зубы клацнули, а потом откинул его в сторону, как ненужный хлам. И вот теперь его черные глаза впились в мое лицо.

Еще там, в комнате, мне стало не по себе, когда у Его Светлости вдруг изменился цвет радужки. Его глаза не просто потемнели, они превратились в две завораживающие бездны, в глубине которых горел мрачный огонь. И вот теперь эти глаза буквально гипнотизировали

меня.

Я собрала конечности в кучу и начала медленно отползать, всем своим видом показывая, что это не бегство, а передислокация. Герцог шагнул ближе, протягивая ко мне руку и вдруг очень нежно, самыми кончиками пальцев, коснулся моей щеки. И выдохнул:

— Попалась!

Не успела я и пикнуть, как уже была схвачена в стальные объятия и прижата к мощной груди, в которой от чего-то сердце билось как сумасшедшее. Издав еще один рык, герцог поднял мое лицо за подбородок и впился губами в мой рот. Рычание перешло в отчаянный стон.

Губы герцога оказались сухими и твердыми, как и положено мужчине, но он слишком виртуозно владел ними. Это ж какой опыт нужно иметь, чтобы так целоваться!

Я с первой секунды поплыла, стоило лишь его губам накрыть мой рот. Его поцелуй был яростным и страстным, он завоевывал, он подчинял, он заставлял меня забыть, кто я и с кем, и отдаться этой безумной страсти. Но затем в голову пришла мысль о том, где он мог так натренироваться — и все наваждение исчезло в один момент. Я сделала над собой титаническое усилие и оттолкнула эту гору мускулов.

Он смотрел на меня так, как человек на обед из четырех блюд после недельной голодовки. Разве что слюной не капал. Спрятал руки за спину и отшатнулся, тяжело дыша. Я тоже еле справлялась с дыханием. Вокруг нас уже собирались любопытствующие, а кто-то из особо сердобольных помогал парню с гусем ретироваться с места происшествия.

Наличие свидетелей меня немного подбодрило.

— Ваша Светлость, — начала я, тщательно следя, чтобы голос не дрожал, — это так у вас принято встречать незнакомых дам? Сначала сдавать палачу на опыты, потом оставлять на потраву диким животным, а в довершении еще и попытка изнасилования!

Он смотрел на меня так, будто не понимал, о чем я. Его глаза блуждали по моей фигуре, ощупывая каждый изгиб, а по перекошенному лицу было видно, что герцог испытывает сильнейшую боль.

— Изнасилования? — повторил он за мной как попугай, будто не понимая значения этого слова.

Затем затряс головой, сверкая разъяренным взглядом, и буквально прошипел:

— Так вот какого вы обо мне мнения, мадемуазель! Простите, если дал повод так думать.

Оттолкнув с дороги слугу, он развернулся и размашистым шагом направился в сторону выхода.

— Ваша Светлость, — окликнул его камергер, — обед подавать?

— Я не голоден, — буркнул герцог и вылетел из замка как сумасшедший.

Я с недоумением пожала плечами. Псих он и есть псих, а мне пора побеспокоиться о собственных нуждах.

— Жако, если ваш хозяин сыт, то я буквально умираю от голода. Где там у вас стол накрывают?

Лакей глянул на меня с едва скрываемой брезгливостью и осторожно поинтересовался:

— Разве мадемуазель не желает переодеться?

— Желает, — согласно кивнула я, — ты же не думаешь, что я всю жизнь хожу в ночных рубашках. Но проблема в том, что есть я хочу больше. Идем, оценим стряпню вашего повара.

Ухватив ошеломленного камергера под локоток, я направилась в ту сторону, куда несли

блюда со снедью.

Часть 4

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

Выскочив из замка, Его Светлость рванул в сторону конюшен с такой скоростью, с какой не бегал даже в детстве, спасаясь от отцовского ремня. Кровь в его жилах бурлила, в паху пульсировала тягучая боль, а разум застилал туман, не дающий думать ни о чем, кроме желанного тела. Все в этой женщине — ее внешность, голос, запах, даже неприлично-вызывающее поведение — заставляло его испытывать острое желание на грани сознания. Он едва не сорвался и не взял ее прямо там, на куче из платьев собственной матери. О, боже, знала бы покойная герцогиня, до чего докатился ее сын! Да она бы в гробу перевернулась!

Девчонку спасло только то, что она вовремя сообразила выскочить в коридор, где в это время сновали слуги. Присутствие любопытных глаз заставило Язона обуздать свои инстинкты. Но когда он увидел ее лежащей под лакеем... в одной сорочке... с призывно раскинутыми ногами... при этом точно зная, что под сорочкой у нее ничего нет, и этот счастливчик всем телом ощущает сейчас то, что недоступно ему, герцогу д'Арвентиль... он словно сошел с ума.

Язон и сам не понял, откуда в нем взялось столько силы. Он вздернул парня одной рукой так, будто тот весил не больше тряпичной куклы. В голове билась только одна мысль: МОЯ! МОЯ! МОЯ! Какая-то нечеловеческая жажда крови обуяла его, требуя только одного: уничтожить наглеца, посмевшегося прикоснуться к прекрасному телу мадемуазель Катрин. И лишь ужас, плескавшийся в расширенных зрачках парня и шедший от него кисловатый запах страха заставили Язона усмирить свой пыл. Он откинул наглеца, как ненужную вещь, и понял, что практически поймал свою цель.

Ее губы были нежными и сладкими, как аромат садовой лилии, тело податливым и теплым. Оно идеально прилегало к нему всей поверхностью, заставляя бурлить кровь и сбиваться дыхание. Язон помнил, как ухватил ее за ягодицы, вдавливая в себя, чтобы она тоже ощутила всю силу его желания... И именно в этот момент ее поведение изменилось.

Она словно закрыла между ними дверь, оставляя его скулить и биться снаружи, как выкинутого за порог щенка. Она сказала, что он пытался ее изнасиловать! Какой позор для хозяина замка. Мадемуазель в его доме подверглась нападению, и кто виновник? Он сам!

От ненависти и отвращения к самому себе, Язон одним ударом распахнул дверь конюшни, едва не сорвав ее с петель. Накинул на Демона уздечку, даже не вспомнив про седло, и птицей взлетел на спину коня. Умное животное моментально подчинилось всаднику и уже через мгновение пулей вылетело за стены замка.

***

Всю жизнь мечтала почувствовать себя хозяйкой замка. Ну ладно, не всю, а каждый раз, когда в руки попадался очередной любовно-исторический роман с мускулистым, длинноволосым и обязательно полуобнаженным красавцем на обложке. Эх, закрою глаза и представляю себя в этих мощных руках. Приятно, наверное, когда такой мужчина тебя обнимает...

И вот теперь сбылась мечта идиотки. Все, как положено: замок — средневековый, каменный — одна штука; герцог — представительный, средних лет — одна штука. Плюс

сотни три-четыре бродящих без дела слуг и странные дикие звери, совершающие по вечерам паломничества в лес. В общем, есть над чем задуматься.

Сразу после обеда меня сопроводили в выделенные покои. Ну как сопроводили... два амбала, затянутые в доспехи, как в консервную банку, с небритыми мордами и свалывшимися под шлемами волосами, зажали меня с двух сторон и этак тонко намекнули, что будут меня сопровождать, когда мне захочется прогуляться. Приказ герцога, так сказать. Во избежание. Пришлось зажать нос и всю дорогу дышать в ворот сорочки, потому что идущий от "рыцарей" стойкий аромат лука и чеснока вызывал у меня приступы тошноты.

Когда я закрывала за собой дверь, brave ребята располагались по обе стороны от нее, собираясь подпирать стенку. Я же решила заняться более тщательным изучением своего нового дома.

В старинных замках всегда полно секретов, тайных ходов, призраков и прочих интересных вещей. Вот бы и мне найти что-нибудь этакое... О! А это что за веревочка над кроватью. Ну-ка дернем!

В ответ раздался приглушенный расстоянием тоненький перезвон, будто где-то за стеной в колокольчик позвонили. Незаметная дверца, скрытая за портьерой, бесшумно отъехала в сторону и из проема показалась любопытная мордочка Розетты.

— Мадемуазель! Вы нашли колокольчик! — обрадовалась моя горничная.

— Что я нашла?

— Колокольчик! — она подошла к кровати и подергала за веревку. Из прохода между портьер раздался звон. — Он находится в комнате личной горничной Ее Светлости. А поскольку Его Светлость выделил вам покои своей матери, то я заняла комнату личной служанки. Теперь я всегда буду рядом, стоит лишь дернуть за веревочку.

— Ага, — пробормотала я, переваривая услышанное, — дерни за веревочку, дверь и откроется.

— Нет, никаких дверей открывать не надо. Я услышу и приду сама.

Я вздохнула. Навязчивое внимание начинало раздражать, но в присутствии горничной были свои плюсы.

— Значит так, — сказала я встав и уперев руки в бока, — приготовь-ка ты мне ванну да побыстрее. Я в вашем дурдоме третий день и ни разу не помылась. У меня уже голова чешется, как бы вшей не нахватать.

— Что вы, мадемуазель, барышням негоже мыться так часто! — замахала на меня руками Розетта. — У вас же куча притираний. И розовая вода, и уксус. А вши — это признак святости! Преподобный отец Франциск каждое утро на проповеди учит, что мыться вредно! Вот смоете с себя святую воду, которой вас крестили, и тогда дьявол придет за вашей душой.

Я приподняла брови, скривила губы и похлопала ресницами, всем своим видом выражая изумление и сарказм.

— Да ты что! — "восхитилась" я. — Значит, в замке никто не моется? И герцог тоже?

— О, ну мы раньше иногда полоскались... в реке, — Розетта отвела взгляд. — Не всем же быть святыми, как наш преподобный. А Его Светлость купался почти каждый день. Он же на Востоке служил, а у этих нехристей бани в почете, — она понизила голос и округлила глаза, будто собиралась сообщить мне какую-то страшную тайну. — Говорят, завалятся туда все вместе, и мужчины, и женщины, и устраивают там оргии!

Я чуть не заржала как самая настоящая лошадь, представив себе эти "оргии". На сколько я помнила, на Востоке мужчины и женщины даже ели отдельно, а не только купались!

— Почему ты говоришь "купался"? — поинтересовалась я, с трудом сдержав смех. — Разве теперь ваш герцог не моется?

— А зачем? — она простодушно пожала плечами. — Сколько в грязи не возись, все равно на утро будешь такой, как вчера.

— О-очень интересно, — протянула я, готовясь услышать еще одну душещипательную историю.

Но Розетта видимо поняла, что сболтнула лишнее. Испуганно ойкнув, она обеими руками зажала свой рот и нырнула назад за портьеру.

— Эй! А ванна?! — крикнула я ей в спину.

Надеюсь, что dust у них есть.

***

Обыскав всю комнату на предмет тайных ходов и убедившись, что таковых здесь нет, я вернулась к кровати и с тоской посмотрела на разложенные поверх покрывала платья. На столике у окна стояла корзинка, полная лент, цветных ниток и утыканых иглами подушечек. Я выудила оттуда странного вида ножницы, скептически покрутила в руках и вздохнула. Бродить по замку без трусов? Кажется, я превысила собственный лимит безумства, не удивительно, что герцог набросился на меня. Странно, что отпустил, видимо, хваленое благородство не просто выдуманная черта книжных героев.

Первой жертвой моего энтузиазма стали шелковые панталончики со смешными бантиками по бокам. Я просто обрезала их как можно короче и аккуратно сшила шаговый шов, на месте которого шел разрез. Правда, с ним пришлось повозиться. Я поняла, что ходить так проблематично, а потому распоролла свою работу и начала изобретать ластовицу. Часа через два кропотливой работы и сотню-другую потерянных нервных клеток я наконец-то закончила. Подрубила края, нашла шлейки на месте пояса и вдела в них атласную ленту. Это было лучше, чем веревочка в кулиске — хоть с узлами мучиться не придется, если срочно приспичит.

Надев обновку, я критически осмотрела себя в зеркало. Что ж, не "Lola Luna", это точно, но лучше прежних панталон.

Теперь следовало чем-то прикрыть верх. Эх, как мне не хватало родной синтетики, которая и тянется во все стороны, и не рвется! Но, как говорил поручик Ржевский, за неимением барышни, подойдет и горничная. Вооружившись ножницами, которым самое место в историческом музее, я решительно начала кромсать одно из платьев. Отрезала корсаж, аккуратно удалила с него лишние бантики, ленточки и кружева, а потом подрубила места срезов. "Корсет не надену ни за какие деньги! — думала я, пыхтя над своим рукоделием. — Это средство средневековой пытки пусть носят местные дамы, им уже ничто не повредит. А я привыкла дышать полной грудью и не собираюсь издеваться над своим телом."

После корсажа пришлось заняться сорочкой и юбкой. Первую я просто укоротила по колено и отпоролла с нее кружева, а вот со второй пришлось повозиться. Резинки в этом мире еще не придумали, а я была не тем человеком, который мог ее изобрести. Вспомнились прочитанные книги, в которых предприимчивые попаданки насаждали в унылом средневековье технический прогресс. Жаль, что моих знаний недостаточно даже для того, чтобы изобрести туалетную бумагу, вот она бы точно пригодилась!

За окном уже вечерело, а я едва не плакала от боли в исколотых пальцах, упорно сшивая плотный бархат.

Наконец, мои усилия увенчались успехом. Я сделала последний стежок, закрепила узел и оборвала нитку.

Так, теперь собираем все в кучу. Сначала надеваем укороченную сорочку, потом корсаж. Плотно зашнуровываем. Грудь тут же вполне аппетитно приподнялась кверху. Можно подумать, что в пышных складках сорочки на самом деле скрывается богатство размера этак четвертого... хотя на самом деле больше второго мне вряд ли грозит.

Теперь надеваем юбку. Ох и намучалась же я с ней! Зато получилось вполне прилично для первого раза. И ничего, что швы кривоваты, а вместо привычной "молнии" несколько перламутровых жемчужин. Я их срезала с другого платья и приспособила вместо пуговиц. Конечно, я бы не рискнула в таком виде выйти в город, но вот побродить по этому замку — вполне самое то.

Когда я, напевая и пританцовывая, крутилась возле зеркала, в двери кто-то постучал.

Странное дело, до этого врывались без стука... Интересно, кто это такой вежливый на ночь глядя?

За дверями обнаружился Его Светлость. Он смотрел на двери с непонятной тоской и переминался с ноги на ногу. Но стоило ему увидеть меня, как его глаза округлились, а челюсть с тихим стуком рухнула вниз.

— Э-э-э, — многозначительно выдал мужчина, стараясь не опускать взгляд ниже моего носа.

— Я вас внимательно слушаю, — благосклонно кивнула я и царственным жестом пригласила войти, — заходите, гостем будете.

Герцог прочистил горло и выдал, отступая назад:

— Простите, с незамужней дамой наедине — это неприлично.

— Да ладно, — протянула я и панибратски похлопала оторопевшую Светлость по плечу, — после того, как мы с вами дважды проснулись в одной постели, какие между нами могут быть формальности?

А вот теперь я очередной раз увидела, как он краснеет. Красиво так, медленно, начиная от кончиков идеальной формы ушей и заканчивая благородным челом.

Смущенно откашлявшись и шаркнув ножкой, Его Светлость бочком протиснулся мимо меня в двери. Причем он так старался меня не задеть, что едва дышал. Я решила, что он мне должен, и в самый ответственный момент вильнула бедром, на мгновение прижимаясь к твердым герцогским ягодицам.

Его Светлость влетел в комнату с такой скоростью, будто брал стометровку. Малиново-красный, с горящими праведным гневом глазами и вставшими дыбом волосами, он пыхтел, как старый самовар и едва не плевался кипятком!

— Вы... вы... — мне показалось или он заикается?

— Я, — согласно кивнула.

— Вы это нарочно сделали?! — ух, какие молнии у нас глазки мечут!

— Что? — я приняла вид наивной провинциалки.

— Вы нарочно провоцируете меня? Сначала бродили по замку в одной простыне, теперь этот неприличный наряд... И ваше поведение — оно не в ходит ни в какие рамки! Вы решили свести меня с ума?

— Да ни в жизнь! — ляпнула я и чуть не добавила: "Вот те крест".

Он пару раз глубоко вздохнул, словно беря себя в руки, и уже спокойнее произнес:

— Хорошо. Будем считать, что это случайность.

Вот оно — аристократическое воспитание! Только что метал гром и молнии, а через минуту — сама холодность и вежливость. М-да, жаль, я так не умею. Я ему еще долго буду вспоминать палача и забег по коридорам.

— Хм... так, о чем вы там желали поговорить? — спросила я менторским тоном, сложила руки на груди и прислонилась плечом к стене, всем своим видом выражая внимание.

Герцог несколько ступешевался под моим пристальным взглядом, но быстро вернул на лицо былое высокомерие.

— Поскольку вы моя гостья, мадемуазель, то я был бы счастлив видеть вас за ужином рядом с собой.

— Примерно, как и за обедом, — не сдержала я ехидного замечания.

— Простите. Я был неправ. Ваша неземная красота, — при этих словах мои брови изумленно полезли вверх, челюсть вниз, а мозг начал лихорадочно вспоминать, откуда у меня взялась "неземная красота", — лишает разума и заставляет совершать необдуманные поступки!

С этими словами Его Светлость рухнул передо мной на одно колено, схватил за руку и облобызал ее с таким усердием, что я еле сдержала порыв вытереть свою конечность о подол. Фу-у-у, ну и странности у этого герцога!

— Эм-м-м... Ваша Светлость, вам плохо? — я с опаской отступила на пару шагов.

Он тягостно вздохнул, поднялся на ноги и небрежным жестом поправил кружева на манишке.

— Нет, мадемуазель, рядом с вами мне настолько хорошо, что я теряю голову как подросток. Простите мне мою импульсивность, но вы невероятная женщина.

И вот на этой романтической ноте в моем животе звучно заурчало.

— Я буду ещё невероятней, если вы меня покормите, — сердито пробурчала я, пряча заалевшее лицо.

Мне тут целый герцог чуть ли не в любви признаётся, а у меня все мысли только о еде!

— Да, простите меня, я глупец, — он протянул мне руку, предлагая взять его род локоть. — Позвольте мне побыть вашим кавалером и сопроводить к столу.

— Закопать топор войны? Хм... я готова попробовать, но ничего не обещаю.

Положив ладонь на герцогский локоть, я позволила вести себя в столовую. По дороге нам попало несколько слуг, которые с опаской жались вдоль стен и кидали в мою сторону изумленные взгляды.

— Ваша Светлость, — начала я осторожно, едва мы перешагнули порог столовой, — вы случайно не знаете, почему ваши люди так смотрят на меня?

В огромной комнате, напоминавшей размерами спортивный зал среднестатистической школы, стоял длинный стол, накрытый на две персоны. Причём приборы были расположены в противоположных концах стола. Все как в исторических фильмах. За обедом я была одна и не сильно обратила внимание, с какой стороны мне накрыли, но теперь нас двое... Интересно, мы будем молчать во время трапезы или нам дадут по рупору?

Герцог нахмурился, подождал пока я сяду и занял место напротив меня. Только после этого он ответил, тщательно подбирая слова:

— Мадемуазель Катрин, вам не стоит обращать внимание на всех, кто обитает в этом

замке. В основном это простые и необразованные люди, которые всю жизнь провели за работой и боятся всего неизвестного. Я буду вам весьма благодарен, если вы не станете придавать их взглядам большое значение. Лучше расскажите, как вы попали в мой замок? Откуда вы?

— Даже не знаю, что вам сказать, — смутилась я. — Вряд ли вы поверите, что я пришла из другого времени и, судя по всему, из другой страны.

— Ну почему же? С некоторых пор я могу поверить во что угодно, даже в русалок и привидений. К тому же вы уже сказали, что там, откуда вы пришли, прошло две тысячи лет от рождества Христова. Вряд ли вам удастся меня поразить еще больше.

Я наградила Его Светлость скептическим взглядом.

— Даже не знаю с чего начать. Давайте лучше вы мне скажете, что у вас за страна и какой нынче год.

— Я не могу этого сделать, — он невесело усмехнулся, беря в руки наполненный до краев бокал, — мы давно уже сбились со счета во времени, слишком долго находимся здесь. Но, судя по всему, между нами с вами разница в пятьсот лет. И как называется эта страна я тоже не знаю, хотя, может это и не страна вовсе, а самое настоящее чистилище, и мы все его пленники. Как вы сюда попали?

Герцог выглядел таким печальным, что мне на мгновение стало его жаль. А потом я вспомнила причину моего попадания в этот замок и первые сутки, проведенные в нем, и меня вновь обуяла жажда мести.

— Даже не знаю, что произошло, — начала я историю своих приключений, — шла спокойно в банк, никого не трогала, смотрю, женщина на костылях мучается, не может на крыльцо подняться. Дай, думаю, помогу. Ну вот, и помогла на свою голову! Она меня толкнула, только я почему-то упала не на асфальт у себя в городе, а на кучу гнилых листьев у вас в лесу. Причем ночью, хотя до этого был белый день!

— Какая загадочная история, — пробормотал Его Светлость, прихлебывая вино.

— Вы мне не верите? — я почувствовала, как во мне закипает гнев. — А говорили, что вас ничем не удивить!

— Попробуйте эту изумительную баранью лопатку, — герцог неожиданно сменил тему. — Нашему повару давно не приходилось хвастаться своими кулинарными талантами, но сегодня он превзошел себя.

Я так поняла, что меня вежливо попросили заткнуться и жевать молча? Ну уж нет, я за едой люблю обсудить пару-тройку тем.

— Ваша Светлость, — я сделала вид, что в упор не замечаю тонких намеков, — а что за звери ночью бродят по коридорам? Почему они не на привязи и где вы держите их днём?

Мужчина закашлялся. Рядом с ним тут же нарисовался лакей, протягивая стакан воды.

— Какие звери? — просипел охрипший герцог.

— Ну как же, — я окунула ложку в густой соус и с нескрываемым удовольствием облизала. Его Светлость залпом опрокинул в себя бокал, не отрывая взгляда от моего рта, — вот уже две ночи меня терроризирует странное двуногое животное мужского пола, в существование которого вы упорно отказываетесь верить. Причём каждый раз оно забирается в мою постель и засыпает, а когда наступает утро, вместо него рядом со мной оказывается вы. Это у вас аттракцион такой "запугай даму до смерти"?

Мужчина побледнел до такой степени, что уже не отличался от собственной рубашки, которая была удивительно белоснежной для того, кто давно не мылся.

— Вы не послушались меня и выходили ночью из комнаты, — тихо произнес он.

— Да нет, что вы. Они сами ко мне заявили. Сначала волк и лиса, а потом тот оборотень...

— Оборотень?

— Да, я думаю, что у вас по замку бродит оборотень. Но он, вроде бы смирный, пока ни на кого не нападал.

— Что ещё происходит здесь по ночам? — герцог сверлил меня напряженным взглядом.

— Послушайте, это же ваш замок, — я раздраженно кинула салфетку, — вы мне расскажите, что здесь за чертовщина творится?

Он несколько минут молчал, не сводя с меня испытывающего взгляда, потом тяжело вздохнул и залпом опустошил ещё один бокал.

— Я не знаю, что вам сказать, — тихо пробормотал он. — Этот замок проклят, и я вместе с ним. От заката и до восхода я не знаю ни о чем, что здесь происходит... и мои люди тоже. Это наше общее проклятие.

— От заката?

Я не удержалась и обернулась к окну. За полупрозрачными шторами темнело вечернее небо, на котором уже вспыхивали первые звезды, а солнце стремительно уходило за верхушки сосен, окрашивая низкие облака в розовый цвет.

— Я был уверен, что и вы тоже, — продолжал герцог, — поэтому ни о чем не спрашивал. Но сегодня утром я понял, что проклятие не действует на вас. Следы вашего присутствия не исчезли с наступлением утра. Пожалуйста, расскажите, что произошло ночью?

— Да ничего особенного не случилось, — поспешила я успокоить Его Светлость, а то уж слишком удрученным он выглядел, даже есть перестал. — Но в вашем замке где-то прячется целая куча диких животных. Я не знаю, откуда они взялись вечером и куда подевались утром, только прошлой ночью я видела, как эти звери уходили в лес и их было так много, что они заняли всю дорогу от замка до первых деревьев. А потом появился этот оборотень. Я, между прочим, уже рассказывала вам о нем.

— Действительно, я что-то такое припоминаю.

— Припоминаете?! — я едва не вскочила со своего места. — Да я вам еще в первый день твердила об этом, а вы меня — к палачу!

Он уже привычно покраснел, опустил взгляд и проговорил примирительным тоном:

— Я еще раз смиренно прошу прощения. Позвольте мне загладить свою вину.

— И как? — я с интересом взглянула на него. — У вас есть варианты?

— Есть. Позавчера в лесу мой слуга нашел кое-что интересное. Я спрятал эту вещь, чтобы не смущать умы моих людей, но на следующее утро она не исчезла. Я думаю, она принадлежит вам.

Я даже замерла от открывшихся перспектив. Какую-то мою вещь можно было найти в здешнем лесу?! Только мою сумку! За это я была готова расцеловать не только скромно алеющего герцога, но и огромного мохнатого парня, который появляется здесь по ночам! Кажется, в сумке должен валяться телефон. Если батарейка еще не села, я сниму здесь такое видео, что ютубу и не снилось!

— Где она, эта вещь? — я нетерпеливо перегнулась через стол, практически распластавшись на столешнице.

Его Светлость опустил взгляд в вырез моей рубашки, гулко сглотнул и ослабил ворот

своей, будто тот мешал ему дышать.

— У меня в комнате, — сипло произнес он.

— Так идемте скорее! Это наверняка моя сумка и в ней есть вещи, которые убедят вас в том, что я говорю правду!

Он аккуратно промокнул салфеткой уголки своего аристократического рта и уложил ее рядом с тарелкой уголок к уголку. Большого сноба я еще не встречала! Меня тут нетерпение разрывает на части, а он хоть бы поторопился.

Наконец, Его Светлость соизволил оторвать свой мускулистый зад от стула. Я едва не пританцовывала, ожидая скорую встречу с такими нужными и милыми сердцу вещами.

Каждая женская сумка настоящий клад, где в течении долгого времени, будто в бездонном колодце, пропадают тысячи мелочей. Но стоит возникнуть непредвиденной ситуации, как именно эта сумка выступает в роли спасительницы: у вас разбились очки, ах! А в сумке как раз завалялись те, что вы сунули туда год назад. Коварный гвоздь зацепился за вашу модную юбку? Тысяча чертей, как говорил наш друг-гасконец, но в вашей сумке абсолютно случайно проживают нитки четырех цветов, несколько иголок и даже булавка, пристегнутая когда-то на всякий случай.

А еще там есть набор цветных ручек, корректор, записная книжка в твердой обложке, куча таблеток "от горла", "от живота" и "от головы", помятая пачка "орбита", влажные салфетки и даже, в потайном карманчике, несколько гигиеничных прокладок. В той же сумке на самом дне валяется чуть поплывшая шоколадка, несколько слипшихся карамелек, забытые стики с черным кофе и кошелек, в котором сиротливо торчат несколько банковских карт. Жаль, в этом средневековье банкоматов нет.

На выходе из столовой герцог любезно пропустил меня вперед, но я бесцеремонно ухватила его за руку и потащила за собой. Так что изумленным слугам оставалось лишь молча наблюдать, как я волоку их сурового хозяина за собой как на буксире. Он, правда, пытался упираться и даже пару раз чуть не вырвал из моей крепкой хватки свою конечность, но я вцепилась будто клещ и думала лишь о том, как побыстрее заполучить назад свое имущество.

Перед глазами замаячил список необходимых вещей. Так, первым делом запасные очки, хватит плавать в тумане! Затем косметика и кофе. От местного мыла стянуло всю кожу на лице, а в сумке — это я точно помню! — был увлажняющий лосьон. И я просто брежу бодрящим, черным, ароматным напитком!

На пороге своей комнаты Его Светлость все-таки затормозил и отобрал у меня присвоенную конечность.

— Я не знаю, как мне поступить, — признался он, отводя взгляд. — С одной стороны, я не могу пригласить вас в свою спальню, это погубит вашу репутацию. А с другой, оставить вас ждать на пороге это нарушение этикета.

Мне послышалось или он и вправду это сказал? Сейчас, когда я в двух шагах от своей сумки?

— Послушайте, Язон, — я отбросила церемонии и уперла руки в бока, — мы с вами уже два раза просыпались в одной кровати. Как думаете, что еще осталось от моей репутации? Да вы как честный человек просто обязаны на мне жениться!

Его Светлость побледнел и рванул ворот рубашки. Его лицо начало медленно наливаться багровый цветом.

— Что вы сказали? — просипел он.

— Сумку мою давай! — не выдержала я.

Отпихнув с дороги ошарашенного аристократа, я фурией ворвалась в его спальню. Взгляд суматошно заметался по всем горизонтальным плоскостям, выискивая знакомый лакированный бок.

Из глубины комнаты показался Жако в своей неизменной ливрее. В руках он держал небольшой факел, которым зажигал свечи в канделябрах. Я даже не заметила, что уже стемнело.

— Ваша Светлость, — камергер невозмутимо поклонился, — мадемуазель.

— Жако, — нахмурился герцог, — скажи, когда в последний раз ты зажигал свечи?

— Не могу сказать точно. Я сбился со счета на тридцать седьмой тысяче дней.

— Почему же сегодня вспомнил об этом?

— Стемнело, мой господин. Солнце зашло.

Его Светлость очень медленно начал поворачиваться к окну, и я вслед за ним. Действительно, на улице царила глубокая темнота, но на небе не было видно ни огромной луны, ни созвездий. Что это? Большая облачность или происки какой-то третьей силы?

— Ночь, — еле слышно прошептал герцог и улыбнулся.

Я заметила кресло в самом дальнем углу, на котором лежала моя сумка. Двинулась в ее сторону, но что-то заставило меня оглянуться.

Это было невероятно! Факел упал из рук лакея, а сам он вдруг подернулся черной пеленой. И в это же время, практически одновременно, мощная фигура герцога скрылась за густыми клубами такого же тумана. Он окутывал их как кокон и казался абсолютно непроницаемым.

Раздался низкий утробный рык, что-то упало. Будто замороженная, я не могла отвести взгляд, а когда туман начал рассеиваться, то увидела, как с пола поднимается знакомый оборотень! И в его косматой гриве торчали не только зубцы из герцогского гребня, но и бантики с панталон покойной герцогини. Похоже, я неплохо вчера повеселилась!

***

Буквально за две секунды в моей голове произошел настоящий переворот. Так это герцог и есть оборотень! Какой кошмар!

Я залилась краской, вспоминая, что плела ему вчера ночью, но это были еще цветочки.

Здоровый двуногий волчара высунул длинный розовый язык и облизнулся, а затем издал долгий призывный вой, задрав морду к потолку. Я икнула и завела руку за спину, пытаюсь нащупать кресло, а потом не глядя рухнула в него, судорожно прижимая к груди свою многострадальную сумку.

Боже мой, какой позор! Перед глазами промелькнула позапрошлая ночь, когда вот этот самый монстрик вылизывал меня своим языком. Как же я теперь герцогу в глаза смотреть буду?!

Между тем, мохнатое чудовище окинуло меня плотоядным взглядом из-под мохнатых бровей и двинулось в мою сторону.

Рядом с клыкастым ухажером стоял знакомый волк, тот самый, что держал меня вчера вечером в герцогской спальне, не давая ступить и шагу. Теперь-то я поняла, кого за это благодарить! Похоже, что верный Жако даже в зверином облике не забывал о своих обязанностях. Но вот сам факт превращения герцога и камергера в животных не укладывался

у меня в голове.

Едва оборотень шагнул в мою сторону, как я в одно мгновение взлетела на спинку кресла и не своим голосом заорала:

— СИДЕТЬ!!!

Монстрик тут же рухнул на пятую точку, не сводя с меня влюбленного взгляда, волк завертелся на одном месте, заскулил, но сразу был придавлен мощной лапой своего господина. За дверями что-то заскреблось, заставляя меня похолодеть. Не хватало здесь только наших диких приятелей...

Так, стоп! Если герцог и Жако оборотни, то и все остальные звери тоже днем превращаются в людей? Господи, куда я попала?!

— Ваша Светлость? — осторожно позвала я, с трудом удерживаясь на своем насесте.

Монстрик широко зевнул, сверкнув внушительным оскалом, и вновь уставился на меня. Мне показалось, что в его глазах мелькнуло узнавание.

— Язон? — повторила я попытку.

Ответом мне был тоскливый скулеж. Поняв, что нападать на меня никто не собирается, а животное вполне адекватно и понимает меня, я вздохнула и расслабилась, медленно сползая назад в кресло. Волк попытался рыпнуться под мощной дланью, даже пару раз клацнул зубами, но мой поклонник поднял его за шкуру, как щенка, молча прошагал к двери и выкинул бывшего камергера в коридор, где тут же раздался многоголосый визг и тьяканье. Затем герцог-оборотень шагнул в мою сторону.

Я даже пикнуть не успела, как он уже схватил меня в объятия и в одно мгновение вскочил на подоконник. Я завизжала, когда холодный ночной воздух ударил мне в лицо. Монстр оттолкнулся мощными ногами, и в следующий миг я задохнулась от ужаса, когда поняла, что он вместе со мной выпрыгнул в окно.

Пока летели, я вспоминала все свои грехи и просила за них прощения. К сожалению, список оказался намного длиннее, чем наш полет, закончившийся жестким приземлением. Ноги оборотня амортизировали удар о землю, но при этом он так сжал меня, что я едва не оставила на его груди свой ужин.

И снова под стенами замка раздался громогласный звериный рев. Мой монстрик разве что в грудь себя не бил, издавая такие жуткие звуки. И словно по его приказу из замковых дверей в распахнутые ворота потекла живая звериная река.

Мой мохнатый кавалер коротко взрыкнул, прошелся по моему лицу мокрым языком и вдруг помчался в сторону ворот.

Я сжалась в его объятиях, судорожно прижимая к груди собственную сумку. Если честно, то в тот момент я вообще забыла о том, что держу ее в руках. Скорость оборотня была такой, что деревья по обе стороны дороги превратились в одну сливающуюся линию, в ушах свистел ветер, а глаза я позорно закрыла, уповая на политику страуса: если я чего-то не вижу, значит оно не происходит.

Пару раз мохнатый герцог останавливался и оглашал окрестности раскатыстым ревом, а затем вновь срывался на бег. И что-то мне подсказывало, что вся живность из замка следует за нами по пятам. Чудовищный оборотень в роли предводителя звериного стада — что может быть естественнее. Я вспомнила розовые атласные бантики в его косматой гриве и с облегчением вздохнула: мне повезло, что изменения, произошедшие с монстриком, не коснулись Его Светлости. Представляю удивление Язона, если бы утром он проснулся с косичками по всей голове, да еще с таким креативным украшением. Тогда бы он гонялся за

мною с несколькими намерениями.

Наконец, оборотень остановился и аккуратно опустил меня на подстилку из прелой листвы. Я поправила одежду и осмотрелась. Багровый свет луны оказался достаточно ярким, чтобы разглядеть, где мы находимся. Это была небольшая поляна, окруженная величественными деревьями и похоже, что кроме нас здесь больше никого не наблюдалось.

Зато не так далеко слышались весьма недвусмысленные звуки: в лесу явно велась охота! Вот теперь-то мне ясно, почему в замке полная кладовка продуктов, а Его Светлость распустил поваров. Зачем они тем, кто каждую ночь надевает звериную шкурку и скачет по лесам на четырех лапах?

И все-таки мне интересно. Это же все не просто так. Может, проклятье какое-то или колдовство... но без сверхъестественных сил здесь точно не обошлось!

Пока мой мохнатый аристократ крутился по поляне, метя территорию, я вспомнила о насущном. Расстегнула сумку, пошарила в ней не глядя, на ощупь отыскивая очки, и вздохнула с облегчением, когда они наконец-то попали мне в руку. Водрузила на нос свои окуляры в стиле "злая училка" и осмотрелась.

Какая благодать! Туман исчез, резкость навелась — жить можно. А вон и герцог наш в подштанниках с начесом... И что это он делает?

Его Светлость явно вжился в роль дикого зверя: скакал от дерева к дереву, рыча и кромсая бедные стволы так высоко, как только мог достать. Когти точил, что ли? Или самоутверждался?

Вот он подбежал, свесив язык, совсем как собака, обнюхал меня, поскулил и бросился в кусты напролом. Я опешила. Меня бросили!

Осмотрелась. Вокруг непроходимый лес, по которому бегают толпа озверевших местных жителей, во главе с собственным сеньором. А я тут вся такая, в юбке ручной работы, с маникюрными ножницами наголо. Кстати, эти ножнички я выудила на дне своей необъятной сумки и теперь крепко сжимала в руке. Мало ли что, хоть глаз выколю, если кто-то перепутает меня с дичью.

Неожиданно вокруг меня установилась странная, неестественная тишина. Будто кто-то накрыл меня стеклянным колпаком, отрезая от остального мира. Я увидела, как прозрачные стены этого колпака заполняются клубами черного дыма, скрывая от моего взгляда окружающее пространство и лес. Я затаила дыхание. Закинула сумку на плечо, поправила очки и замерла в ожидании, сжимая в одной руке маникюрные ножницы с загнутыми концами, а в другой — пилочку для ногтей. Уж не знаю, что за чертовщина здесь творится, но на всякий случай вооружена и быстро бегаю!

***

Над моей головой что-то гулко бахнуло, треснуло, гротескная молния разорвала тьму пополам, и на моих глазах из ниоткуда появилась дебелая баба лет тридцати, с густо выбеленным лицом и огромной грудью, готовой вот-вот выпрыгнуть из тесного декольте.

— Э-э-э, — многозначительно промычала я, разглядывая эту жертву средневековой моды.

Фижмы метра два в поперечнике, талия стянута так, что бедняга непонятно как дышит, горы бархата и атласа, ворох кружев — и из всего этого торчат пухлые руки с ямочками, напудренные плечи, лебединая шея и недовольная щекастая физиономия, утяжеленная

тонной косметики.

Причем макияж, так сказать, тоже весьма специфичен: кожа покрыта белилами, на круглых щеках наведен румянец, свои брови выщипаны, а сверху черной краской прорисованы другие — две идеальные дуги. Вместо ресниц — метровые опахала, и штук десять "мушек" на лице, плечах и монументальной груди.

Высоко взбитые и завитые волосы мадам, явно искусственного происхождения, венчала пара павлиньих перьев, скрепленных большим блестящим камнем. Бриллиант что ли? И вот такими сверкающими бриллиантами красotka была увешана с ног до головы, точно кремлевская елка фонариками.

— Здравствуйте! — я решила быть вежливой.

Красавица манерно поджала губы, щелчком закрыла веер из белых перьев, который держала в руках, и окинула меня недовольным взглядом.

— Плебейка, — процедила она презрительно. — Не знаешь, как нужно обращаться к лицам дворянской крови?

— А?

Я вроде идиоткой никогда не была, а тут реально тупила. Смотрю на нее, как на чудо природы и чувствую, что меня смех разбирает. А она еще и про дворянскую кровь втирает!

Я откашлялась и уже спокойно спросила:

— Женщина, а вы, собственно, кто будете?

— Я Конкордия де Мерле де Борсарна! Маркиза де Буасьен! И я та, кто может вернуть тебя домой. Ты ведь хочешь домой, девочка? — добавила она вкрадчиво.

— Домой?! — у меня в голове будто лампочка зажглась сигнальная и настойчиво замигала. — Так это твоя работа? Ах, ты!

И я со всей дури огрела мадам сумкой по голове, ломая ее напудренную башню из буклей.

Под моей рукой что-то хрупнуло. Мадам отскочила, судорожно поправляя парик. Сломанное павлинье перо печально повисло над ее левым глазом. Сдув его, чтобы не мешало, маркиза уперла руки в метровые фижмы и разъяренно прошипела:

— Дура! Ты не выберешься отсюда, если я этого не захочу! Останешься навсегда!

— В принципе, не так уж и плохо, — съязвила я, готовясь нанести еще один удар, — герцог-то вон живет и не жалуется!

— О нет, — захохотала она и вдруг выбросила в меня сжатый кулак, из которого вылетела туча злющих жужжащих пчел. — Ты такого не заслужила! Ты всего лишь пешка в моей игре. Будешь влачить свое жалкое существование и с ужасом ожидать старость в этом мире с застывшим временем!

Пока я, визжа на ультразвуке, отбивалась от пчел, она взмахнула руками, окутывая себя черным дымом и исчезла, бросив напоследок:

— Хочешь вернуться — будешь послушной. Завтра ночью в это же время на этом месте. Это мое последнее предложение!

Размахивая руками как ветряная мельница, я бегала по поляне, отбиваясь сумкой от смертельного роя, но, похоже, проигрывала эту битву. Пчелы жалили нещадно, куда попало, у меня огнем горели руки и ноги, лишь лицо мне удавалось еще кое-как сберечь.

Когда чертова ведьма исчезла и наколдованные ею купол пропал, я ломанулась в густой кустарник, надеясь там найти спасение. Споткнулась в темноте о корявые корни, полетела кубарем, завывая на одной ноте, и свалилась мешком на дно оврага, прямо в жидкую грязь,

которая, похоже, никогда не высыхала. Судорожно всхлипывая, я еле-еле собрала ноги в кучу. Доползла до ближайшего куста, села на корточки и накрыла голову сумкой. Даже не заметила, что пчелы давно исчезли в неизвестном направлении, также, как их хозяйка.

Там меня и нашел герцог. Вернее, монстрик, в которого он превратился.

Мой верный рыцарь мчался через рвы и буераки, ломая сухой валежник и распугивая лесную живность своим мощным ревом. Наверное, перенервничал, когда не нашел меня там, где оставил. Спустившись в овраг, он с тихим поскуливанием склонился надо мной и тщательно обнюхал. Лизнул в исцарапанное лицо, закапав слюной и без того грязные очки, и начал осторожно выковыривать меня из-под куста.

Я взывала от боли. Искушенные пчелами руки и ноги горели невыносимым огнем. Все зудело и чесалось и, похоже, мне становилось все хуже и хуже. Но я продолжала отчаянно цепляться за свою дурацкую сумку, точно она была единственной постоянной величиной в этом безумном мире.

Расстроено повизгивая, оборотень подхватил меня на руки и прижал к мохнатой груди. Внезапно, он словно что-то учуял. Его черные губы приподнялись, обнажая зубы и десны, а из сомкнутой пасти вырвалось злобное рычание. Я сжалась. А кто его знает? Вдруг он решил избавиться от меня?

Но нет, глаза зверя были направлены поверх моего плеча, туда, откуда я свалилась. Неловко вывернув голову, я обшарила взглядом то место. Мне показалось или там и в самом деле мелькнула какая-то тень?

***

На полянке нас ждала целая кучка пушистых кроличьих тушек. Я нервно сглотнула. Монстрик мой, какая лапа, позаботился о моем меню!

Жаль его разочаровывать, но есть бедных зверьков сырыми я наотрез отказалась, как не пытался он убедить меня, что это вкусно. Поняв, что спорить бесполезно, он поднялся во весь рост, задрал морду и призывно взвыл. Со всех сторон раздался ответный вой.

Несколько волков скользнули на поляну из глубины леса. Уж не знаю, как они там общаются между собой, только серые зверюги вдруг подхватили зубами каждый по одной тушке и неспешно затрусили в сторону замка. Ничего себе сервис! Да я прямо как Шина — Королева джунглей! Еще бы кто придумал, как от этого зуда избавиться!

Оборотень несся по лесу легкими прыжками, не замечая препятствий. Я пригrelась в его объятиях, мечтая о завалившемся в сумке пинцете и флакончике духов. Эх, окажусь в своей комнате, первым делом вытяну жала. Похоже, некоторые из них до сих пор торчат из меня как занозы. Потерянные ножнички с пилочкой жалко до слез. Ну маркиза, ну гадина, теперь держись! Я тебе свой маникюрный набор ни за что не прощу!

Я хмыкнула, вспоминая дебелую даму с раскрашенным кукольным лицом. Ну и мода — убиться можно! И эта жертва аристократии решила, что может диктовать мне условия. Мне?! Эмансипированной женщине двадцать первого столетия?!

Оборотень внес меня в герцогскую спальню, теперь я уже знала почему. Растянулся на кровати, наблюдая за моими манипуляциями. Я зажгла пару канделябров и уселась рядом с монстриком, выковыривая пчелиные жала. Высунув язык, мой верный паладин зализал все укусы на руках и ногах. Сразу полегчало, зуд начал потихоньку уходить. Оставалась еще парочка вздувшихся опухолей на спине, но раздеваться я не решилась. Забралась к оборотню

под бок, морщась от неприятной боли в спине, и обреченно выдохнула.

Вот и еще один день моего заточения подошел к концу. И теперь у меня очень много вопросов. Завтра Его Светлости не отвертеться, пусть только попробует избежать ответа!

Часть 5

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

Утро началось как по писаному. Его Светлость потянулся, ощущая себя необыкновенно отдохнувшим. Давно так хорошо себя не чувствовал.

На душе было легко и светло. Он повернул голову к окну, за которым голубело небо, и уставился на него мечтательным взором. На губах его блуждала отрешенная улыбка.

Рядом что-то завозилось, обреченно вздохнуло. Пнуло Его Светлость пару раз по почкам, испуганно ойкнуло и вскочило, прикрывая одеялом стратегические места.

Язон опешил.

С противоположной стороны кровати на него смотрело взлохмаченное чудо с перекошенной физиономией.

— Мадемуазель Катрин? — он так удивился, что даже не подумал встать.

— Вот только не надо спрашивать, что я здесь делаю! — ворчливо предупредила девушка и запустила руку под одеяло, явно что-то пытаюсь там отыскать.

Язон застыл, когда почувствовал ее пальцы на своем бедре. Девушка скривилась. Похоже, его нога была не совсем то, что она искала.

— Где же она? — бормотала про себя странная мадемуазель, шаря руками под одеялом. — А-а-а! Вот! — и она со всей силы дернула.

Герцог подскочил, когда из-под него со скоростью пули вылетело нечто грязное, рваное, да еще и с прилипшим мусором на боку. Обнаруживать по утрам в своей кровати эту странную девицу он уже привык, до сего дня ею все и ограничивалось. Но вот находить там еще и посторонние предметы... К этому Его Светлость был не готов.

— Что это? — брезгливо спросил он, выбираясь из загаженной постели.

Он откинул свой край одеяла и онемел: на некогда белоснежных простынях расплывались безобразные грязные пятна. Складывалось ощущение, что здесь спала целая рота, причем в грязных сапогах.

— Сумка моя, не видно, что ли?

Девица трепетно прижала к груди грязное нечто и недовольно воззрилась на Язона.

— Вам бы помыться не помешало, — выдала она, разглядывая его сверху до низу и обратно. — Да и мне тоже.

Его Светлость задумчиво почесал подбородок и вдруг оторопел. Вместо гладко выбритой кожи пальцы весьма недвусмысленно нащупали пробивающуюся щетину. Этого просто не могло быть!

Вскочив, он обмертвев бросился в гардеробную, где висело большое зеркало. Гладкое стекло не умело лгать. Холодная поверхность отразила взволнованную физиономию Язона, щеки и подбородок которого покрывала утренняя щетина.

Язон оторопел

— Эй, вы там что, повесились? — Недовольная мадемуазель бестактно ввалилась в

гардеробную и восхищенно присвистнула, обводя взглядом вешалки с герцогскими придворными туалетами. — Ого! Это что, все ваше? — изумилась она.

— Мое, мое, — Его Светлость вовсе не был настроен на конструктивный диалог, но противная девица не собиралась отступать.

— И сколько их тут штук? А камни настоящие? Это бриллианты, да? Я читала, ими одно время даже туфли украшали. А потрогать можно? А ничего, если я парочку отколупаю?

Его Светлость схватился за голову и застонал:

— Да делайте вы что хотите! — и выскочил вон из гардеробной.

— Да? — обрадовалась девушка, — вот спасибо! А можно я эти штаны примерю? А то в юбках по лесу бегать неудобно...

Язон затормозил у самого порога и развернулся лицом к нахалке. Та довольно шустро обрывала с его любимой батистовой рубашки умопомрачительно дорогие валансьенские кружева. Рядом лежали замшевые бриджи, дожидаясь своей очереди.

— Что вы сказали про лес?

— А? — она подняла голову, мельком взглянула на него и вновь вернулась к своему занятию. — Ничего особенного. Просто по ночам, когда вы превращаетесь в оборотня, у вас проявляется дурная привычка таскать меня "на природу".

— Я превращаюсь в оборотня? — герцог опешил. Рукой нащупал стоявший в стороне пуфик, сел, не глядя, и судорожно сглотнул. — Я помню... вы вчера вечером сказали...

— Ага! — девица наконец-то закончила издеваться над рубашкой. — Вот я вам вчера только рассказывать начала, а вы вдруг бах! — и в оборотня! А товарищ ваш этот, как его, камергер, оказался настоящим волчарой!

Прямо на глазах у Его Светлости она повернулась спиной, рывком сняла свою рубашку, грязную и рваную, и надела новую.

Язон густо покраснел и закашлялся.

— Что вы имеете ввиду?

— Только то, что вы, Ваша Светлость, в монстра по ночам превращаетесь, а ваши люди в диких животных. А еще вы пол ночи бегаєте по лесу, жрете кроликов прямо с шерстью, метите территорию и воете как заправский кобель! — и она скинула юбку.

Его Светлость еле успел глаза закрыть. Но все равно заметил плавный изгиб бедер, слегка прикрытый его рубашкой. Боже! Неужели она не думает, что творит! Да он же сейчас взорвется!

Девица явно не подозревала о мучениях герцога и спокойно подвязывала ленточкой бриджи, пока Его Светлость пытался обуздать норовистую плоть в своих штанах. Плоть обуздываться не желала, упрямо наливаясь кровью и поднимая голову. Похоже, кому-то надоело добровольное воздержание.

— Можете открыть глаза, — буркнула мадемуазель.

Язон сглотнул, надеясь, что она ничего не поняла, незаметно поправил ширинку и откашлялся. Только после этого рискнул взглянуть на предмет своих эротических желаний.

— Кстати, — заявило это чудо, — а кто такая Конкордия?

Все возбуждение с герцога как рукой сняло.

— Кто? — прохрипел он не своим голосом. — Откуда вы ее знаете?

— Да приставала тут ночью одна. Дебелая такая тетка. Лет тридцать, не меньше. Модная до дрожи: фижмы метра два в ширину, а парик — в высоту. Утверждала, что мое

появление здесь ее рук дело.

Язон застонал. Его самый страшный кошмар возвращался.

— Она вам что-то сделала? — обеспокоенно спросил он.

— Ага. Пчел откуда-то на меня напустила. Пришлось побегать.

— Так это вы потому в таком виде?

— А вы как думали! Побегайте ночью по лесу, спасаясь от сумасшедшего роя. Еще не в таком виде будете!

— О, боже! — простонал герцог, ероша свои волосы. — Вы не пострадали?

— А не заметно?! — вспыхнула мадемуазель и задрала штанину.

Бриджи, сидевшие на Язоне как влитые, на девушке свободно болтались. Нога оголилась до самого бедра. Герцог сглотнул, поерзал, ощущая явный дискомфорт ниже пояса, и уставился на изящную округлую голень, на которой виднелись безобразные красные пятна.

— Я вчера еле жала повытаскивала. Хорошо, что вы помогли — зализали ранки. Наверное, у вас в образе оборотня слюна лечебная, зуд сразу сняло.

Герцог вытаращил глаза, причем так, что впору было беспокоиться за их сохранность. В его голове не укладывались услышанные слова. Он! Вылизывал! Мадемуазель! Все! Его репутация окончательно погублена! Теперь он, как благородный человек, обязан на ней жениться!

Волну злости и негодования, поднявшуюся из глубины его существа, перебила приятная тяжесть в паху и неприличные фантазии. Его Светлость в красках нарисовал себе первую брачную ночь, вспотел от внезапной волны жара, окатившей его тело, и понял, что он, вроде как, уже созрел для женитьбы.

— Мадемуазель Катрин, — произнес он, с трудом скрывая волнение, — я понимаю, что мы с вами почти не знакомы, но ваша красота, — он запнулся и голодным взглядом облизал ее грудь, обтянутую белым батистом, — ваша красота свела меня с ума.

Оторопевшая мадемуазель громко икнула, когда распаленный страстью герцог бросился к ее ногам, схватил за руку и восторженно облобызал вожделенную ладонь.

— О, прекраснейшая из прекрасных, — с известной долей экспрессии воскликнул он, закатывая глаза от восторга, — я сражен вашей несравненной красотой в самое сердце! Сжальтесь над несчастным! Будьте моей женой!

Катерина несколько секунд молча взидала сверху вниз на взлохмаченную шевелюру Его Светлости. В голове пытались перевариться и усвоиться его последние слова. Что он сказал? Она не ослышалась? Замуж? Кому? Ей?

Она нервно огляделась. Жуть какая! Как можно выйти замуж за человека, которого видишь четвертый день и который, к тому же, живет в средневековом замке, а по ночам покрывается шерстью и воем на луну?!

— Э-м-м-м, — невразумительно промычала она и попыталась осторожно вытянуть свою лапку из страстного плена герцогской руки. Язон неохотно отпустил. — Не думаю, что нам стоит торопиться. Сначала мы должны проверить свои чувства.

Что касается чувств, то Язон был в них уверен. На все сто. Об этом недвусмысленно говорило приятное шевеление в паху. Причем, если бы воспитание позволило, он бы начал доказывать эти чувства прямо сейчас, не дожидаясь первой брачной ночи.

— Я понимаю! — он вновь ухватил мадемуазель за руку и запечатлел на ней смачный поцелуй. — Вам нужно время. Но не лишайте меня надежды на счастье с вами.

И в этот момент у него был такой несчастный вид, что Катерина невольно ощутила укол

совести. Ну вот, хороший человек страдает. Влюбился, видимо, бедняга. Или от долгого воздержания мозги вскипели?

Раздался деликатный стук в дверь.

Язон со вздохом поднялся на ноги и, как галантный кавалер, пропустил даму вперед, позволяя ей первой выйти из гардеробной. В спальне уже сновали горничные, а вездесущий Жако отдавал приказы командным тоном. Причем физиономия камергера была на редкость довольной.

— Что здесь происходит? — осведомился Его Светлость.

— Вы только не переживайте, мессир, — отозвался Жако, возбужденно сверкая глазами. — Но смею предположить, действие проклятия ослабло!

И он указал рукой на грязное постельное белье, которое две пухленькие горничные ловко сворачивали в один узел. Одна из них подхватила с кресла замызганную сумку мадемуазель и уже собиралась кинуть ее в камин, но Катерина немедля вцепилась в свою собственность.

— А ну отдай!

Горничная оглянулась на камергера, камергер на герцога, герцог уставился на аппетитные бедра мадемуазель, эротично обтянутые его бриджами. Кто бы мог подумать, что это такое горячее зрелище — женщина в мужской одежде. Причем именно в его.

— Алле! Я здесь! — Катерина теряла терпение. Долго он еще пялиться будет на ее зад? Извращенец!

Герцог вздрогнул, выходя из ступора. Взгляд его переместился выше, но до лица так и не добрался, застрял на пол пути. Слишком уж привлекательной оказалась грудь мадемуазель в разрезе его рубашки. Ему даже показалось, что он заметил, как сквозь тонкую ткань просвещают маленькие розовые соски.

Перед внутренним взором тут же проплыли картины того, что и как он мог бы сделать с этими нежными бутонами, попадись они ему. В голове образовался прекрасный розовый туман, в глазах потемнело. Обнаженная женская грудь стояла перед его мысленным взором, и сейчас он примерялся, с какой стороны начать ее изучать.

Катерина поняла, что дела не будет. Герцог застыл на одном месте, глядя ей в ворот так, словно голодный волк на кусок мяса. Она даже испугалась, что он ее сейчас слюной закапает. Нужно было срочно приводить его в чувство.

— Язон? — она шагнула ближе и участливо спросила: — Вам плохо?

— Нет, — еле выдавил из себя очарованный герцог, — мне хорошо.

Катерина хмыкнула. Язон вдруг обнаружил, что она стоит почти вплотную к нему. Это было слишком большим искушением.

Руки герцога молниеносно обвили вокруг женской талии, сдавили, точно железным кольцом. Катерина пискнула от испуга и вдруг оказалась с силой вдавлена в мужское тело. Твердый рот смял ее губы, горячий язык с ошеломляющей настойчивостью скользнул в глубину ее рта, не давая сказать и слова. Зато нижней частью своего тела она сполна ощутила всю силу и объем герцогского желания. И, судя по всему, оно было далеко не средних размеров! Бедняга вдруг понял: вот он, средневековый сексуальный маньяк!

Пальцы Катерины разжались, сумка выскользнула из рук и с глухим стуком шмякнулась на пол. Смущенные горничные тихо выскользнули за двери вслед за озадаченным Жако.

Наверное, я должна была возмутиться, залепить пощечину и облить Язона ведром презрения. Но ничего этого делать мне не хотелось. В конце концов я тоже не железная, да и мужчины у меня давно не было... Может и правда, пора переводить наши отношения в новую плоскость? Он ведь и замуж обещал...

Пока тело таяло в горячих герцогских руках, перед внутренним взором возникла прошлая ночь. Лес, луна, поляна... и розовощекое напудренное лицо под гигантским париком с буклями и двумя павлиньими перьями. Лицо почему-то страшно хотелось назвать мордой. Оно тарасило на меня, поджав губы, и при этом в его взгляде было столько негодования и злости, что я испугалась. Мне вдруг показалось, что это не воображение мое разыгралось, а я на самом деле вижу мадам Конкордию, или кто там она.

Ошеломленная, я рванулась из крепких объятий, уперлась Язону в грудь и попыталась его оттолкнуть. Это было все равно, что толкать бетонную плиту! Он даже не шелохнулся.

— Э-м-м, Язон?! — я с трудом смогла увернуться от его ищущего рта. — Вам не кажется, что мы недостаточно знакомы?

— Я готов начать знакомиться прямо сейчас! — заверил меня Его Светлость и попытался запустить руку в ворот моей рубашки. — Ай!

Я извернулась и вцепилась зубами в герцогскую длань. Светлость взвыла, потрясая раненой ладонью, и я смогла вывернуться из его рук. На всякий случай, схватила сумку и отпрыгнула подальше. На Язона было страшно смотреть.

Всклокоченный, в небрежно распахнутой рубашке и мятых бриджах, он смотрел на меня с таким выражением, что мне невольно захотелось назад к моему монстрику. Странное дело, двухметровое, мохнатое когтисто-зубастое чудовище я не боялась, а вот галантный кавалер герцог де Верней вызывал у меня смутные опасения. И эта Конкордия... смотрела так, будто я целовалась с ее мужем! Эх, что-то здесь дело нечисто, пора брать "языка".

***

Оставив Его Светлость приходить в себя, я плавно переместилась в покои герцогини и заглянула в каморку Розетты. Девушка, которая всю ночь бегала по лесу на четырех лапах, утром проснулась в прежней комнате, но сразу же прибежала на новое место жительства. Не сходя с места, я потребовала горячую ванну, мыло и мочалку. Два часа молча ждала, пока нагреют воду, пока втащат в комнату огромное медное корыто на ножках, пока отыщут банные принадлежности, но когда десять горничных начали в двадцать рук снимать с меня одежду, я озверела!

— А ну вон отсюда все! — заорала я так, что едва не сорвала горло.

Пухлые тетki в белых чепцах ошарашенно замерли, уставившись на меня.

— Но мадемуазель... — начала одна.

— Вон!!! — я демонстративно указала на дверь.

Они медленно, гуськом, то и дело оглядываясь, побрели к дверям.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — по привычке лягнула я, заметив среди них чепчик Розетты. Все десять с надеждой уставились на меня. — Идите с миром, дети мои, — благосклонно кивнула им на двери, — а ты, дочь моя Розетта, останься. Спинку мне потрешь.

Наконец-то вся эта толпа убралась и закрыла дверь с той стороны.

Постанывая от удовольствия, я быстренько скинула с себя все тряпки, залезла в парующую воду и с наслаждением вытянулась в медном корыте.

— Ка-а-айф! — простонала таким тоном, что горничная густо покраснела. — Ну, что стоишь? Давай, чем у вас там вшей гоняют?

***

Поскольку одежду свою я испортила, а повторять вчерашний опыт не было желания, я позволила Розетте нарядить меня в нечто сиреневое, пышное, с кучей нижних юбок и километрами кружев. Правда, от корсета и кринолина напрочь отказалась, а волочащийся подол приказала подшить. Кажется, я уже начинала привыкать к роли этакой принцессы на горошине.

В замке царил настоящий ажиотаж! По коридору носились толпы слуг с неподкупными лицами, причем, у каждого в руках был либо предмет мебели, либо рулон ткани, либо пара канделябров, подозрительно похожих на золотые.

Я высунула нос из дверей и тормознула знакомого парня. Это был тот самый красавчик, который вчера уронил на меня поднос и сам упал сверху. Ухватив ошарашенного лакея за рукав, я ловко затащила его в комнату и прикрыла дверь.

— Ну, и что здесь происходит? — уперев руки в бока, поинтересовалась я.

Парень помялся, переступая с ноги на ногу, и неловко промямлил:

— Прошу прощения, мадемуазель, не велено говорить...

Я нахмурилась:

— Кем не велено? Кому не велено?

— Его Светлость запретили вам говорить.

Я сдвинула брови, придавая лицу грозное выражение. Это еще что за тайны!

— Молодой человек, или вы мне сейчас все выкладываете, или я сама выбью из вас все подробности! — и я демонстративно потрясла у него перед носом своими кулачками.

Лакей вытянулся в струнку, хоть и побледнел. Вот что значит выучка! Нормальный мужик уже послал бы куда подальше, а этот стоит, глазками хлопает и на дверь косится. Ну уж нет, никуда я тебя отпускать не собираюсь, пока ты мне не скажешь в чем дело!

— Итак... — я подтащила кресло, села в него напротив бедного лакея, откинулась на спинку и положила ногу на ногу. — Я тебя внимательно слушаю.

Парень громко сглотнул, уставившись на мои ноги, оголившиеся чуть ни не до самых коленей. Я видела, как он тщетно пытался смотреть в сторону, но взгляд то и дело возвращался к моим икрам. Что ж, похоже в этот раз я выбрала правильную жертву: сейчас он мне все расскажет!

Призывно улыбнувшись, я переложила ноги с одной стороны на другую в лучших традициях "Основного инстинкта". Лакей нервно отер пот со лба и, кажется, уже был готов упасть в обморок.

— Ма... мадемуазель... — заикаясь, проговорил он, — Его Светлость по три шкуры сс всех спустит, если кто проболтается. Он сказал, что это... это... surprise.

— Его Светлости здесь нет, — резонно заметила я, дразня парня голыми коленками, — а вот я есть. И я могу начать снимать шкуру прямо сейчас!

Мягким кошачьим движением я поднялась с кресла и начала наступать на молодого слугу. Тот инстинктивно попятился, пока не уткнулся спиной в дверь, и вот тут- то я его и

поймала! Схватила за грудки, придавила своим вторым размером и хорошенько встряхнула.

— Ну?! — заявила грозно. — Я слушаю!

— Его Светлость желают устроить бал в вашу честь! — выпалил бедняга на одном дыхании, а потом его глазки закатились под лоб, и он благополучно съехал вниз по стене.

Я опешила. Слабоватые здесь мужики какие-то. То после совместно проведенной ночи в мужья набиваются, то в обморок падают, как кисейные барышни... А я-то думала, что это в мое время сильный пол помельчал, оказывается нет, и пятьсот лет назад вот такие хлюпики попадались.

Я осторожно потыкала в парня носком туфли, убедилась, что он прилег надолго, и решительным движением распахнула двери.

А что, если бал в мою честь, я имею право заказывать антураж и музыку!

***

Его Светлость обнаружился в главном зале, в окружении слуг, которые наперебой давали советы по украшению стен. Они были так увлечены, что даже не заметили моего появления. Я немного постояла в сторонке, послушала, убедилась, что вкус у местного населения отсутствует напрочь, и решила вмешаться.

Правда, сделала это, как всегда, оригинально.

Для начала поправила вырез платья так, чтобы грудь выгодно приподнялась, затем пощипала себя за щеки, облизала губы и придала взгляду загадочную томность. Ах, да, еще бы не забывать вздыхать многозначительно после каждого слова...

И вот в таком виде я приблизилась к герцогу.

Увидев меня, Его Светлость споткнулся на полуслове, шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы и шаркнул ножкой, а его глаза подозрительно забегали, будто искали, куда спрятаться.

— Всем привет, — я растянула губы в приветливой улыбке, продемонстрировав действие зубной пасты и профессиональную работу стоматологов двадцать первого века. Ближайшие из слуг испуганно отшатнулись, герцог побледнел. — А когда нас кормить будут? Уж полдень близится, а завтрака все нет.

— Я сейчас же распорядюсь, — заволновался Его Светлость, оглядываясь на слуг с таким видом, будто искал у них поддержки. — Вы желаете чего-то особого на завтрак или я могу выбрать на свой вкус?

— Нет уж, благодарю покорно, — хмыкнула я и демонстративно покосилась на ярко-розовый шелк, которым драпировали каменные стены зала, — со вкусом, по всей видимости, у вас проблемы.

Он опустил глазки. На суровом мужественном лице отразилась такая же суровая и мужественная работа мысли. Густые брови зашевелились, сходясь в одной точке на переносье, челюсти сжались чуть сильнее, от чего губы превратились в узкую полоску, а от крыльев носа пролегли резкие складки — ни дать, ни взять — роденовский "Мыслитель"! Ему бы еще позу соответствующую — и было бы полное совпадение.

— Я выслушаю ваши пожелания, мадемуазель, — наконец выдал мужчина.

— Хочу омлет на молоке, свежую сдобу, масло, мед и пару чашек горячего шоколада, — оттарабанила я заранее продуманный список. Надеюсь, что уж такие простые продукты у них найдутся, тем более что в кладовой я вроде бы видела яйца...

— Жако! — герцог кивнул своему подхалиму.

— Будет исполнено, Ваша Светлость!

Вот это выучка, как в армии, — восхитилась я. Еще бы взял под козырек... точнее под парик свой дурацкий, с буклями. Интересно, он его хоть на ночь снимает?

— Вы можете отправляться в свои покои, мадемуазель, — сухой голос герцога вывел меня из задумчивости, — ваш завтрак доставят вам в комнату, как только он будет готов.

— Да уж нет, — я скромно опустила глазки, изображая полную невинность, — можно я тут останусь? Приму участие в общем сабантуе.

— В чем? — он несколько опешил.

— Ну, вы же здесь к празднику готовитесь? Вот, хочу поучаствовать. Надоело одной в четырех стенах сидеть.

Герцог нахмурился, сверля меня подозрительным взглядом, но я упорно смотрела в пол.

— Откуда вы знаете, что мы к празднику готовимся? — спросил он вкрадчивым тоном.

— Ниоткуда! — поспешно ответила я. Подставлять своего осведомителя мне не хотелось, все-таки порядки здесь дикие, цивилизация и билль о правах человека сюда еще не добрались. Мало ли, отдадут бедного парня палачу, а меня потом совесть замучает.

— Тогда, почему вы так решили?

— Зал украшаете, слуги бегают с умными лицами, перестановки какие-то, — я начала поочередно загибать пальцы. — И все такие сосредоточенные, таинственные, будто готовится что-то грандиозное. Праздник? — я подняла глаза на герцога и придала взгляду выражение наивного ожидания.

Его Светлость заметно смягчился. Вот шовинист средневековый! Вид наивной дурочки приводит его в восторг, а эмансипированная женщина двадцать первого века ввергает в ступор. Тьфу!

— Вы правы, моя дорогая, — он как-то вдруг оказался почти вплотную и слегка сжал мою ладонь в своей огромной лапище, а потом поднес к губам и поцеловал, не отрывая от меня мечтательного взгляда. — Мы готовимся к празднику, и у нас есть для этого повод.

— А гости будут? — пропищала я сладким голосом и едва удержалась, чтобы не вырвать руку и не вытереть ее о подол.

— Вы моя гостья, зачем мне другие? — буквально промурлыкал Его Светлость, наклоняясь ко мне так близко, что я почувствовала на щеке его дыхание.

Вдоль позвоночника пробежались, группируясь в стройные ряды, мириады мурашек, а в животе зашевелилось что-то, подозрительно напоминающее... нет, не бабочек, а, скорее, чувство невесомости, от которого предательски ослабли ноги и щеки полыхнули жаром.

Я неловко прочистила горло и попыталась отодвинуться, но это было практически невозможно. Вторая герцогская рука обвила мою талию железным кольцом, и я в одно мгновение оказалась прижатой к сильному мужскому телу. Он прижал меня так, что мою многострадальную грудь расплющило о его твердый торс, а наглый герцогский нос зарылся в волосы на моей макушке, шумно втягивая исходящий от них запах.

— М-м-м... как вы приятно пахнете, мадемуазель, как английская роза... — я не видела, но мне показалось, что на этих словах Язон закатил глаза.

— Вы не могли бы меня отпустить? — просипела я, пытаясь вырваться и вдохнуть хоть глоток воздуха.

— Я знаю, что должен вас отпустить, — его сокрушенный тон никак не вязался с тем, что его руки сжались на мне еще сильнее, — но это выше моих сил. Вас послало само

провидение, теперь я в этом не сомневаюсь. Господь обратил свой взор на нас, грешных, и послал ангела спасти наши души...

Я так опешила, что даже вырваться на мгновение перестала. Да уж, ту толстую тетку на костылях вряд ли можно назвать провидением, да и я не слишком на ангела смахиваю, хотя и страдаю, иногда, приступами наивной доброты. И чего же он теперь от меня ждет? Чего ему надобно?

— Мне кажется, — начала я миролюбиво, — что мы с вами друг друга не поняли. Я здесь оказалась случайно и у меня нет ни малейшего намерения нарушать ваш привычный уклад. То, что произошло — всего лишь досадное недоразумение...

Мое словоизлияние прервал дикий вопль наподобие "ЙОХУУУ!!!", а затем в зал ворвалась целая толпа в белых передниках и таких же колпаках. Впереди летел, махая руками и крича во все горло мужик лет сорока: низенький, круглый, как колобок, с необъятным брюшком, красными щеками и такими густыми усами, что под ними невозможно было различить губы.

— Ваша Светлость! Слава Всевышнему! Мадемуазель, спасительница наша! — этот колоритный персонаж подлетел ко мне на крейсерской скорости, ухватил за руку, рухнул на колени и прижал мою ладонь к своим усам, явно намереваясь облобызать.

Я от испуга застыла, как статуя, с вытаращенными глазами и только глупо хлопала ресницами.

— Мэтр Жерар, что происходит? — герцог опять нахмурил бровки.

— Куры, монсиньор, куры понеслись!

— К-куда понеслись? — икнула я. Ну вот, сейчас меня обвинят в том, что у них куры разбежались! Опять скажут — бесовское отродье.

— Замковые куры начали нестись, Ваша Светлость! Птичница нашла шестнадцать свежих яиц!

Лицо Его Светлости расплылось в блаженной улыбке, как и лица всех окружающих. По залу пронесся слаженный вздох восторга и благоговения, а потом я услышала, как кто-то в толпе слуг произнес робким шепотом:

— Ангел господень!

И вслед за этим умником и все остальные начали повторять:

— Ангел... ангел! Ангел!!! — и опускаться на колени.

— Вы — ангел, любовь моя, — с пафосом воскликнул герцог и тоже брякнулся на одно колено, — теперь я точно знаю, что сам господь послал вас как награду за наши страдания!

У меня был настоящий шок. Стою посреди средневекового зала, украшенного дурацким розовым шелком с идиотскими фестончиками, в одну руку вцепился усатый толстяк в поварском колпаке, в другую — герцог-оборотень, а вокруг толпа человек под тридцать и все, стоя на коленях с блаженным выражением на лицах, пялятся на меня и едва слюну не пускают. Тут было от чего перепугаться!

— Э-э-э... милейшие... — робко проблеяла я, — вы меня ни с кем не перепутали?

— Нет, королева моего сердца, вас невозможно с кем-то спутать. Вы — единственная, мой ангел неземной, — произнес герцог восторженным тоном и снова впился мне в ладонь горячим поцелуем.

— Как-то быстро это все у вас, — я осторожно подергала за руки, но оба мужика вцепились в них, как клещи. — Пару дней назад к палачу отправляли, кричали, что я ведьма, а теперь уже ручки целуете...

Его Светлость сокрушенно вздохнул и виновато опустил голову. Вслед за ним и слуги повторили это движение, по залу пронесся виноватый вздох.

— Да, моя любовь, я не признал вас сразу, и вы вправе меня наказать, но поверьте! — он вострепнулся, вскакивая на ноги, пнул блаженно застывшего толстяка, так что тот не удержался и упал на спину, и вновь схватил меня в объятия. — Поверьте мне, что я жалею о своей недальновидности каждую секунду, я ловлю каждый ваш драгоценный вздох, каждый взгляд...

— Ну ладно, ладно, — я оскалилась, пытаюсь выжать из себя примирительную улыбку, — ангелу не мешало бы подкрепиться.

— Мэтр Жерар? — одна из герцогских бровей лихо заломилась, и в толстяка уперся проникновенный взгляд. — Моя невеста желает трапезничать!

Ого! Я потрогала свой лоб. Да нет, вроде температуры нет... а когда это я невестой стала?

— Э-э-эм-м-м... Ваша Светлость? — осторожно подергала я его за рукав, — что-то не припоминаю, когда это я стала вашей невестой?

Он окинул меня каким-то плотоядным взглядом и с пафосом произнес:

— Мадемуазель, прошу нижайше меня простить, но вы так поразили меня в самое сердце, что я принял желаемое за действительное. Вы достойны всего самого лучшего, и конечно же предложение руки и сердца должно проходить в более соответствующей обстановке. Это все, — он широким жестом обвел зал и толпу, — делается для вас. Для вас в этом замке за столько веков впервые зазвучит музыка, и я открою бал с самой прекрасной женщиной, которую только видел...

— Кошмар! — пробормотала я, опасливо отодвигаясь. — Так мне еще и плясать придется?

В этот момент какая-то неведомая сила заставила меня поднять взгляд к каменным сводам замка. Будто кто-то взял меня за волосы и потянул, вынуждая посмотреть вверх.

Под куполообразным потолком сгустился знакомый черный туман, который прямо на глазах начал разглаживаться, превращаясь в плоскую поверхность цвета обсидиана. Буквально в считанные мгновения передо мной образовалось нечто вроде черного полированного зеркала, в глубине которого я с изумлением и досадой разглядела напудренные щеки и башнеобразный парик.

"А это чучело здесь что делает?" — подумала я.

"Помни! Этой ночью, после заката!" — прогремел у меня в голове потусторонний, будто усиленный эхом, голос, и жертва средневековой косметологии разразилась противным, каркающим смехом.

Туман начал рассеиваться, черное зеркало превратилось в дым и растаяло точно по мановению волшебной палочки. Я невольно сглотнула: тетка явно умела колдовать, а это уже могло стать проблемой. Но и сдаваться я не собиралась. Если нужно встретиться с ней один на один — я встречусь. И пусть тогда пеняет на себя!

Исполненная решимости, я взглянула на герцога.

— Так, когда, вы говорите, бал будет?

— Завтра! Как вы понимаете, подготовка займет весь сегодняшний день, а ночью...

Язон виновато отвел глаза.

— А ночью вы все превращаетесь в зверюшек и метите территорию вокруг замка, — подсказала я.

Народ обалдел. Как я поняла, о собственной ночной жизни не знал никто, кроме герцога, которому я же и рассказала. Видимо, наивные люди считали, что по ночам они просто впадают в глубокий сон, а утром чинно просыпаются в своих постельках. Что ж, многие знания — многие печали. Может и не стоило раскрывать им эту "жуткую" тайну, но что поделывать — дело уже было сделано.

По рядам слуг пронесся нестройный гул. Люди начали перешептываться, с тихим недоумением глядя то друг на друга, то на меня, то на Их Светлость. Язон моментально взмахнул рукой, призывая всех к порядку.

— Да! — заговорил он зычным, уверенным голосом — ни дать, ни взять, предводитель племени. — Все это время мы вели двойное существование и обитали в двух телах! Днем мы ходили на двух ногах и пытались сохранить подобие порядка в этом замке, а ночью наши тела обрастали шерстью, и мы теряли человеческий разум. Но теперь этому приходит конец! Спасительница уже здесь! Замок оживает! И я уверен, как только благородная мадемуазель Катрин согласится стать моей женой — проклятие исчезнет, и мы будем спасены!

Успокоенный народ прокричал троекратное "Ура!" — и разве что чепчики в воздух не полетели.

В этот момент у меня громко и настойчиво забурчало в животе. Все моментально притихли, герцог мило покраснел, а мэтр Жерар вскочил с колен и захолопотал вокруг меня, как наседка.

— Барышня желают трапезничать! — суетливо приговаривал он, раздвигая локтями толпу.

Пока мы с герцогом устраивали здесь образцово-показательное выступление, в зал набилась уйма народу. Мужчины, женщины, старики и совсем еще дети — все глазели на меня приоткрыв рот. И в каждом взгляде я видела ожидание чуда!

В какой-то момент мне стало не по себе. Я вдруг поняла, что эти люди действительно видят во мне спасительницу! Сколько веков они заточены в этом замке и ведут полужизнь? Может быть, я действительно попала сюда не просто так? Может, это моя судьба?

На пороге зала я не выдержала и оглянулась. Язон стоял на том же месте, растерянно опустив руки, а на его лице застыло выражение мрачной решимости. Вокруг него тихо перешептывалась толпа.

— Ваша Светлость, — обратилась я к хозяину замка, как можно учтивее.

— Да, мадемуазель? — он встрепенулся, его взгляд посветлел.

— Вы не могли бы чуть позже уделить мне внимание? Нам нужно серьезно поговорить...

— Для вас — все что угодно, моя дорогая.

— Где мне вас ждать?

— Жако! — герцог щелчком подозвал камердинера. — Проследи, чтобы мадемуазель накормили, а потом проводи ее в зимний сад.

Затем его взгляд вновь упал на меня.

— Идите, моя дорогая, — сказал он другим, ласкающим тоном, — я буду ждать вас в зимнем саду ровно через час.

Часть 6

Ровно через час я, сытая и, на сколько это возможно, довольная жизнью, уже ждала Язона в зимнем саду. Надо отметить, что место это было необычайно прелестным по сравнению с остальной каменной громадой замка. Стены здесь заменяли высокие арочные

проемы, крепящиеся на мраморных столбах, куполообразный потолок украшал витраж с изображением средневековых рыцарей и дев, а по всему помещению в живописном беспорядке стояли огромные деревянные кадки с цветущими растениями. Я с удивлением узнала миндальное дерево, жасмин, клематис и вьющуюся розу. Мраморные столбы увивали дикий виноград и глициния, чьи пышные соцветия душистыми гирляндами свисали вниз.

Между кадками, под сенью раскидистых ветвей и яркой зелени, примостилась плетеная мебель — низенькие столики с гнутыми ножками и такие же кресла, в которых яркими пятнами выделялись бархатные подушечки с золотой бахромой. На одном из столиков я увидела серебряный кувшинчик с высоким горлом и изящной тоненькой ручкой и серебряную же вазу, наполненную свежими фруктами.

— Персики! — обрадовалась я, протягивая свои заgreбущие ручки. — Какая прелесть!

— Они лежат здесь с того самого дня, как проклятие накрыло наш замок, — сокрушенно произнес Жако. — Не гниют, не усыхают, как и все мы...

— А ты бы хотел, чтобы проклятие исчезло? — я с комфортом расположилась в одном из кресел, взяла персик, придирчиво осмотрела его идеально-бархатистую поверхность и с огромным удовольствием впила зубами в сочный бочок.

— Это единственное, о чем мечтает весь замок! — Жако сжал руки и закатил глаза, будто вознося молитву.

— Да, но никто не знает, что случится, когда проклятие исчезнет, — решила я поумерить его пыл. — В большом мире прошли уже сотни лет! Передовые технологии, интернет, канализация — и всякое такое. К тому же вы все снова начнете стареть и умирать!

Последнее мне показалось самым серьезным аргументом в пользу так называемого проклятия. Жить вечно и не стареть могли только вампиры в фэнтезийных книжонках. Правда, для этого им приходилось пить кровь, а тут вечная молодость и долголетие достались практически бесплатно!

— Я бы с радостью постарел и умер! — с горячностью заявил камердинер. — Если бы моя дочь наконец-то разрешилась от бремени!

— Что?! — я подавилась нежной мякотью и закашлялась. — Какого бремени?

— Моя дочь, Луиза, беременна. Она ждала дитя, когда на нас обрушилось черное колдовство, и до сих пор его ждет.

Он произнес это с такой глубокой печалью в голосе, что я невольно прониклась. Отложила надгрызенный персик и уже более серьезно взглянула на мужчину.

— И много таких в замке?

— На сносях? Да человек десять есть.

— И младенцы есть? — я вдруг поняла, что с волнением ожидаю ответа.

— И младенцы, и дети постарше...

Я задумалась. Оставаться вечно молодым — это одно, а вот оставаться вечным младенцем — это совсем другое, такого я бы и врагу не пожелала! Сразу вспомнился фильм "Интервью с вампиром" и одна из его героинь — девочка по имени Клодия, которая навсегда осталась ребенком.

"Вот злобная старушенция! — подумала я, вспомнив ту тетку, что отправила меня сюда, толкнув со ступенек магазина. — Наверняка, без ее участия здесь не обошлось... А может, они за одно с этой, напудренной? Или вообще, одно и то же лицо? Здесь же есть магия, а значит, все возможно!"

Хлопнула застекленная дверь зимнего сада. К нам быстрыми шагами приближался

герцог.

— Жако, можешь быть свободен, — Его Светлость царственным жестом отпустил слугу.

Тот привычно изогнул спину в угодливом поклоне и бесшумно удалился, но я успела поймать брошенный на меня взгляд, полный мольбы и надежды.

— Вы желали поговорить со мной? — Язон нежно облобызал мою руку и опустился в соседнее кресло.

— Да. Если уж вы по каким-то своим причинам выбрали меня на роль спасительницы, то должны, хотя бы, поделиться со мной информацией. Расскажите, что вам известно об этом проклятии. И еще, это правда, что беременные женщины не могут родить, дети не вырастают...

— ...а умирающие не умирают, — закончил герцог с горькой усмешкой. — Это правда. Наш замок проклят. И только я один в этом виноват!

Я невольно придвинулась ближе, ожидая, что сейчас узнаю какую-нибудь страшную и кровавую тайну. Наверняка, хозяин заколдованного замка совершил какое-то ужасное преступление, раз был так жестоко наказан вместе со своими людьми.

— Да в принципе и рассказывать нечего, — он вздохнул и потер складку между бровей, — я был молод, глуп и самонадеян. И считал, что нет такой силы, с которой я бы не смог совладать...

Постепенно, шаг за шагом, герцог начал рассказывать свою историю. И чем дальше он говорил, тем больше во мне поднималось удивление, перешедшее под конец рассказа в откровенную ярость.

— Так это что же получается, — протянула я, мысленно складывая все кусочки мозаики в объемную картину, — эта ваша Конкордия — настоящая ведьма?

— Скорее колдунья, — невесело усмехнулся Его Светлость.

— Блин. Прямо сказка какая-то получается... только страшная.

Я встала из-за стола. В голове кипело столько мыслей, что не было никакой возможности усидеть. Тело требовало движения.

Заложив руки за спину и придав лицу выражение глубокой задумчивости, я пару раз прошлась вдоль павильона. Одна назойливая мысль не давала покоя. Она вилась у меня перед глазами, точно муха, и отогнать ее не было ни малейшей возможности. Наконец, не выдержав, я обернулась к герцогу. Тот сидел, не шевелясь, и внимательно наблюдал за мной.

— Значит, эта Конкордия вас прокляла вместе со всем замком и его обитателями? И каждое утро вы просыпаетесь в том же месте и в том же положении, что и в первый день после проклятия? Но при этом помните все, что было вчера. Так?

— Так.

— И в замке тоже ничего веками не меняется, что бы здесь не происходило, утром все возвращается на свои места.

— Правильно.

— Плюс, как я поняла, по ночам все жители превращаются в диких животных, а вы вообще в какого-то фантастического монстра!

Герцог скривился, будто раскусил лимон:

— Это уже вы мне сказали, мадемуазель. До вашего появления, мы все были уверены, что ночами крепко спим.

— И вас не смущало, что днем вам не хочется есть? И отсутствие других человеческих потребностей?

Он пожал плечами:

— Я какое-то время даже думал, что умер и попал в ад.

— Ладно, — я остановилась напротив него и примирительно кивнула, — не буду спорить. Но ведь сейчас, когда я здесь, все изменилось? Замок оживает? И ваша подруга в фижмах тоже активизировалась. Чует мое сердце, не к добру это, — последнюю фразу я пробормотала себе под нос.

— Конкордия опять являлась вам? — забеспокоился Его Светлость.

— Да нет, — поспешила я его успокоить, — все нормально. Вы мне вот что скажите. Вы и в самом деле считаете, что я именно та, кто спасет вас от проклятия?

— Да, — просто ответил он, но при этом в его голосе прозвучала такая непоколебимая уверенность, что я невольно прониклась уважением.

— И каким же образом? Выйдя за вас замуж?

— Да, — он отвел глаза и печально вздохнул, — но все не так просто. Ведьма поставила одно условие, практически невыполнимое.

— Это какое же?

— Я должен вас полюбить... и любовь эта должна быть взаимной.

Я скептически осмотрела его с ног до головы, отметив и мрачное выражение лица, и напряженную позу, и смешную по меркам XXI столетия одежду.

— Судя по сегодняшнему утру, полюбить меня вы более чем готовы, — не сдержала едкого замечания.

— Слово герцога д'Арвентиль, в моем замке вам бесчестие не грозит! — Его Светлости яростно сверкнул глазами и сжал кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. — Признаюсь, с утра я был немного не в себе, но сейчас уже взял себя в руки и рассчитываю на ваше согласие стать моей женой.

Он проворно вскочил на ноги и с грациозностью Казановы бухнулся передо мной на одно колено. Я даже отшатнулась от неожиданности, но он успел поймать мою ладонь и тут же прижал к губам. Кажется, я уже начинаю привыкать видеть его в такой позе.

— Вы единственная женщина, которую я возжелал за все века моего заточения в этом замке! Разве это ни о чем не говорит? — патетически воскликнул он, лобзая тыльную сторону моей кисти.

Я подавила желание вырвать руку и обтереть ее о подол. Эх, нелегко даются мне все эти средневековые тонкости ухаживания!

Между тем герцог продолжал:

— Посмотрите вокруг, ваше появление здесь принесло перемены! Замок начал просыпаться! Какие еще нужны доказательства?

— А любовь? — пробормотала я, обескураженная его напором.

— Что — любовь? — нахмурился он.

— Ну, вы же сказали, что должна быть взаимная любовь, чтобы проклятие пало.

— Она будет! — уверенно заявил он, подтверждая свои слова резким кивком. — Когда вы станете моей женой, у нас появится много времени для любви!

Я неловко откашлялась и выпутала руку из его цепких пальцев.

— Знаете, — произнесла, отходя от него и не скрывая сомнения в голосе, — вряд ли что-то получится. У нас с вами слишком разные понятия о любви.

С этими словами я вышла, оставив герцога стоять на коленях посреди зимнего сада, залитого солнечным светом.

***

Вечер наступил слишком быстро. Я не успела принять окончательное решение и теперь с тоской смотрела на заходящее солнце, сидя у себя в комнате.

Что мне делать? Пойти на встречу с ведьмой и вернуться домой? Это был самый простой вариант, но перед глазами постоянно маячили одухотворенные лица замковых слуг, их взгляды, в которых застыла тоска и надежда. А вдруг я действительно их единственный шанс на спасение? Смогу ли я вернуться к прежней жизни и забыть эти дни, как кошмарный сон, если буду знать, сколько младенцев здесь так и не появилось на свет, сколько старцев и безнадежно больных молят о смерти, сколько детей никогда не станут взрослыми, навсегда оставшись в этом месте без времени?

Моя совесть не даст мне спать спокойно. Права была та мегера с костылями, когда сказала, что я ей подхожу. Вот уж точно, я не смогу покинуть этот мир, не попытавшись помочь ему.

Но с другой стороны тут же возникает вопрос: как? Условие для снятия проклятия — обоюдная любовь. Язон должен полюбить, и его избранница должна ответить взаимным чувством.

Я вздохнула и с тоской огляделась. Пышное убранство комнаты не вызывало ничего, кроме ностальгии по лаконичности и удобствам XXI века. Остаться здесь навсегда? Бр-р-р!

— Мадемуазель, — в комнату осторожно вошла Розетта. В ее глазах светилось неприкрытое обожание. — Позвольте я зажгу свечи, уже темнеет.

Я равнодушно кивнула. Последние солнечные лучи скользнули по противоположной стене, бросая красноватые блики на старинный гобелен, и комната погрузилась в полутьму. На небе медленно всходила багровая луна.

Розетта зажгла пару серебряных канделябров и поставила их на столик поближе ко мне.

— Чем там занят Его Светлость? — поинтересовалась я, как бы между прочим.

— Проверяет, все ли готово к завтрашнему дню.

— Он не теряет надежды, — хмыкнула я и покачала головой, удивляясь собственным мыслям.

— Мы все не теряем надежды, — неожиданно серьезно ответила служанка. — Мы верим, что вы и есть та, что снимет проклятье.

— Да, но для этого мы с герцогом должны полюбить друг друга! А я что-то не замечаю в себе признаков этого светлого чувства, — я не сдержала иронии.

— Любовь вообще странная штука, — вздохнула Розетта. Она делала вид, что стирает пыль с лакированного столика, а сама искоса поглядывала на меня. — Никогда не знаешь, где тебя настигнет...

— О-о! Да ты еще и философ! — я рассмеялась. — Наверное, часто влюблялась?

Она хотела что-то ответить, даже открыла рот, но именно в этот момент наступил пресловутый "час X". Девушка задрожала, глаза ее закатились, тело окутал уже знакомый мне темный туман. Я лишь услышала, как она падает на пол — и в следующий миг к моему креслу подбежала рыженькая лисичка с симпатичным хвостом и глазками-бусинками.

Откуда-то из замковых коридоров донесся знакомый звериный рык.

— Ну вот! — пробормотала я, подбирая подол и готовясь к очередному прыжку из окна. — Опять та же песня!

Лисичка твякнула, явно меня узнавая, и закужила вокруг моих ног, то и дело задевая хвостом. Она вопросительно смотрела то на меня, то на двери в коридор, за которыми уже раздавались быстро приближавшиеся шаги.

Монстрик ворвался в комнату с привычным заунывным воем. Подхватил меня на руки, обнюхал, завилял хвостом, радостно свесив язык и сверкая внушительными клыками. Я запустила пальцы в его косматую, нечесаную гриву, отчего-то искренне радуясь, и он тут же смачно лизнул меня в щеку — точь-в-точь как преданный пес любимую хозяйку. Затем, привычным жестом прижал меня к своей мохнатой груди, в три прыжка достиг окна и взлетел на подоконник.

Когтистая лапа ударила по стеклу, разбивая цветной витраж. Я только хмыкнула — утром это окно вновь станет целым. Монстрик одобрительно заворчал, разглядывая армию своих слуг, сплошным потоком рванувших по направлению к лесу, поудобнее перехватил мое тельце и — сиганул вниз.

Как и в прошлый раз, я не сдержала поросячьего визга. Приземлившись на замковый двор, монстрик пару минут тряс головой, видимо, впечатленный моими вокальными данными, а потом огромными прыжками ринулся нагонять своих подданных, часть из которых уже исчезла среди деревьев.

Вот и знакомая полянка. Именно здесь он оставил меня в прошлый раз, здесь у меня на сегодня назначена встреча.

Монстрик принюхался, оскалил зубы и зарычал, вглядываясь в густые заросли и прижимая меня к себе еще крепче. Попятился, не сводя настороженного взгляда с того места, где прошлой ночью я видела Конкордию. Кажется, он чувствовал ее присутствие и сейчас.

— Нет-нет-нет! — я вцепилась в его гриву, когда он решительно развернулся и направился прочь. — Оставь меня здесь! Да пусти же, безмозглое животное!

Он рыкнул на меня, я громко икнула и притихла, оглядываясь по сторонам и пытаюсь запомнить дорогу. Вот сейчас он оставит меня под каким-нибудь кустом, и тогда я смогу потихоньку вернуться на эту поляну, встречу с ведьмой, обговорю условия моего возвращения и благополучно отправлюсь домой, в родной мир с унитазами, центральным отоплением и бесперебойной подачей горячей воды!

Монстрик словно что-то почувствовал, заскулил так тоскливо, что у меня на глаза навернулись слезы. Мне стало его очень жаль. Ну и что, что лохматый? Ну и что, что вонючий? Это все поправимо! А вот сердце у него преданное и доброе, не в пример его второй, герцогской половине. Его Светлость только и думает, как бы запустить свои шаловливые ручки мне под подол! Что же это у нас получается? И герцог, и оборотень — одно и то же лицо, но за красивой внешностью аристократа скрывается обычный похотливый кобель, а вот у его второй половины внешность пусть и не очень, зато намерения чисты.

Я искоса взглянула на своего монстрика. Да, на своего. Мне захотелось прижаться к нему, как к большому плюшевому мишке. Да он, в принципе, и был таким — большим, лохматым и добродушным.

Оборотень лизнул меня и с тоскливым воем посадил на кочку, скрытую под слоем прошлогодней листвы. Ну хоть не на голую землю — и то ладно!

Я посмотрела ему вслед, вздохнула и приняла позу Аленушки с известной картины Васнецова. Вот только реки здесь не было, да и вместо братца Иванушки предлагалось

чудовище, больше подошедшее бы для другой сказки. Я надеялась выждать пару минут, пока он отойдет подальше, а потом уже искать дорогу назад, на поляну, где была назначена встреча с ведьмой.

— И долго ты здесь сидеть собираешься? — прозвучал над ухом знакомый женский голос с визгливыми нотками. — Я уже заждалась.

От неожиданности я подскочила, запуталась в подоле и едва не упала на незваную гостью, стоявшую почти вплотную ко мне. Ее спасли огромные фижмы, на которые я наткнулась всем телом, благополучно съехала вниз и распласталась на земле у ее ног.

— Какой прием! Я польщена! — пропела она противным фальцетом, брезгливо пнула меня ножкой и добавила: — Ну так как, домой хотим?

— Как ты меня нашла? — я собрала конечности в кучу и попыталась встать.

— От Его Светлости такая вонь, что только мертвый не найдет его по запаху, — пожалала она плечами.

— Слушай, — я, кряхтя, поднялась и отряхнула подол, — вот одного не пойму. На кой черт ты меня сюда притащила, чтоб потом назад отправлять?

Конкордия нахмурила бровки-ниточки, так смешно смотревшиеся на выбеленном лице, и погрозила пухлым пальчиком:

— Но-но-но! С чего это ты решила, что я буду раскрывать все секреты? Ты свое дело сделала, теперь можешь возвращаться и жить прежней жизнью. Я даже приготовила подарок для тебя.

— Это какой? — я с подозрением покосилась на ее руки, кто знает, что у нее еще в рукаве.

— Тебе понравится! — она довольно кивнула. — Я сделаю так, чтобы ты ни о чем не вспомнила, когда попадешь домой. Ты просто начнешь жизнь с того момента, когда столкнулась со мной, только на этот раз нашей встречи уже не будет. Так как, по рукам?

Я задумалась. Дома ждала благоустроенная квартира, удобства, интернет... а еще нудная работа, невыплаченный кредит и полное отсутствие личной жизни. Здесь же...

Мои раздумья прервал раскатистый рык, разорвавший тишину ночного леса. Судя по треску кустов, мой монстрик учуял ведьму и сейчас со всех ног ломился сюда сквозь густой подлесок.

— Ну! Думай быстрее! — прошипела Конкордия. — Если согласна, давай руку и повторяй за мной!

Я колебалась. На протянутой ко мне ладони ведьмы раскручивался, набирая силу, маленький темный вихрь.

Чем ближе становилось рычание, тем больше оно напоминало скулеж и подвывание собаки, которую собирался бросить любимый хозяин. И что-то вдруг так сильно сжало мое сердце, что на глазах невольно выступили слезы.

Монстрик был уже в десятке метров от нас. Конкордия взмахнула рукой, темный вихрь сорвался с ее ладони, обнося нас туманной стеной, внутри которой мы с ней стояли друг против друга. Я видела сквозь неплотную завесу, как монстрик раз за разом с остервенением бросается на нее. Он так рвался ко мне, так скулил и завывал, что я не выдержала.

Как там говорится, мы в ответе за тех, кого приручили? Я отступила от ведьмы, убирая руки за спину, и покачала головой:

— Извини, я не могу его бросить. Я не бросаю своих питомцев.

— Что-о-о?! — на лице женщины выражение недоумения в считанные секунды

сменилось гримасой ненависти. — Ну что ж, ты сама напросилась!

Я еще успела пригнуться, когда первый сгусток тьмы вырвался из ее ладони, увернулась от второго и третьего, а вот следующий пропустила. Он ударил меня прямо в грудь. Очень больно!словно раскаленный нож вошел в мое сердце, заставляя задохнуться от крика. Я схватилась руками за грудь, опустила глаза. По сиреневому шелку платья расплзлась черная клякса.

— Что это? — прошептала я помертвевшими губами, ощущая, как мое тело охватывает ледяное оцепенение.

И тут же еще один удар обрушился на мою голову.

Сознание начало меркнуть. Я почувствовала, как медленно оседаю на землю, а Конкордия шагнула ближе, с любопытством рассматривая меня.

— Что ж, — пробормотала она с недовольством в голосе, — ты сама виновата. Согласилась бы добровольно, я бы вернула тебя домой, как и обещала. Мне же много не надо, лишь возможность принять твой облик!

— Зачем? — прохрипела я.

— Глупая! — она презрительно усмехнулась. — Так ничего и не поняла!

И в этот момент свет померк для меня.

Часть 7

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

В этот раз, едва выплыв из сонного забвения, он сразу почувствовал неладное. Еще не открыв глаза, он понял, что что-то не так. Что-то изменилось в привычных утренних ощущениях.

Герцог прислушался к себе. Кажется, он ощущал прохладу и ветерок. Кажется, слышал пение птиц. Кажется, ему в глаза било солнце и, кажется, он лежал не в своей постели, а на голой земле. Это было невероятно!

Открыв глаза, Язон резко сел и с изумлением огляделся. Он действительно был в лесу и, судя по всему, провел ночь, лежа на небольшом пригорке. Утренняя роса намочила жалкие обрывки одежды, прикрывающей его тело. Болели мышцы, требуя немедленной разминки, ломило спину. Язон медленно поднялся на ноги, пытаясь сообразить, что же все-таки произошло.

Осмотр местности не дал ничего нового. Обычная поляна, таких куча в этом лесу. Правда, среди поляны он увидел дорожку из примятой травы, шириной примерно в фут. Эта дорожка замыкалась кольцом, с диаметром около десяти футов. Внутри этого круга ничего не было, но Язон не смог заставить себя туда войти. Он просто обошел вокруг странного места, чувствуя недоумение и тревогу.

За спиной зашуршали ветки. Герцог резко обернулся, моментально принимая защитную стойку. Каково же было его изумление, когда вместо неведомого врага, на поляну вышло несколько замковых слуг, подслеповато шурясь на ярком солнце.

— А вы что здесь делаете? — Язон грозно нахмурил брови, внутренне расслабляясь.

— Дык это... — старик в линиялом сюртуке почесал плешивый затылок. — Ваша Светлость, тут такое дело...

— Говори!

Слуги странно переглянулись.

— Проснулись мы, вот, в лесу, Ваша Светлость... Кто где. Может это... проклятье закончилось? Как бы проверить?

Язон задумался на мгновение, обводя взглядом небольшую толпу. Со всех сторон прибывали люди, верой и правдой служившие ему в замке вот уже несколько веков. Каждый вечер, на закате, они падали и засыпали там, где их застал последний луч солнца, и каждое утро, с первыми лучами, просыпались в своих постелях. А теперь привычный ход вещей неожиданно оказался нарушен, и Язон не знал, стоит ли этому радоваться.

Неожиданная мысль заставила его встрепенуться.

— Мадемуазель Катрин! Где она? Кто знает?

Толпа заволновалась. Слуги оглядывались вокруг, спрашивая у вновь прибывших, видел ли кто-нибудь герцогскую невесту. Но те лишь недоуменно пожимали плечами. Проснувшись этим утром, многие были настолько дезориентированы, что вообще не понимали, чего от них хотят.

— Где Жако и Розетта?

— Здесь, Ваша Светлость, — верный камергер с трудом пробился сквозь толпу и предстал перед светлые очи герцога.

— Здесь, Ваша Светлость, — с другой стороны поляны раздался тоненький голосок горничной.

Девушка только-только показалась из-за деревьев. Запыхавшаяся, разруганная, видимо, бежала. Язон с недовольством отметил разводы грязи на ее лице, прошлогодние листья в волосах и потрепанное платье. Судя по всему, она тоже ночевала на земле.

— Где твоя госпожа? — сурово сдвинув брови, спросил он.

Розетта запнулась на полушаге, согнулась в неловком книксене и невнятно заблеяла:

— Н-не могу з-знать, В-ваша Светлость!

— Что значит "не могу знать"? Разве не ты приставлена к мадемуазель Катрин личной служанкой? Разве не твой долг следовать за ней по пятам, куда бы она не пошла? Отвечай!

Губы горничной задрожали, глаза наполнились слезами.

— Простите, Ваша Светлость, не доглядели! — пролепетала она, глядя в землю.

Язон заскрежетал зубами.

Неужели Катрин пропала?

Неужели она бросила его, ушла в свой мир, именно сейчас, когда он прилюдно сделал ей предложение и объявил о будущей свадьбе? Нет, судьба не может быть к нему настолько жестока! Его Светлость стиснул челюсти, мысленно приказывая себе отставить панику.

— Обыскать лес и замок! — приказал он тоном, не терпящим возражений. — Я хочу знать, что произошло!

***

Поиски в лесу не дали никаких результатов, зато в замке обнаружился настоящий сюрприз. Часть слуг проснулась на мощеном бульжником дворе, часть — прямо в коридорах. Люди недоумевали, обнаруживая, что провели ночь в непривычных местах. Это и пугало, и обнадеживало одновременно.

Кто-то выразил робкую мысль, что проклятье пало, и все дружно ринулись проверять.

Одни помчались в кладовые, другие на птичий двор, третьи в конюшни и хлева. Кое-кто догадался вылезти на замковые стены, в надежде разглядеть, не изменилось ли что-то в бесконечном лесу, окружающем замок... И только несколько человек задались весьма резонным вопросом: а куда делся хозяин?

К тому времени, как герцог со своей свитой достиг подвесного моста, в замке царил настоящий хаос. Перепуганные люди столпились у ворот, а на птичьем дворе кудахтали, кричали, мекали и блеяло животное царство, требуя есть, пить, и оправляя естественные надобности. Замок ожил, сомнений в этом не осталось ни у кого.

— Жако! — Язон взглянул на старого слугу, который моментально вытянулся в струнку. — Возьми несколько человек и проверьте в этом замке каждую комнату, загляните под каждый камень. Если мадемуазель Катрин где-то здесь, найдите мне ее. Или докажите, что ее нет. Я должен быть уверен в этом, чтобы решить, что делать дальше.

— Рожая! Рожая-а-ю-ю!!! — раздался со стороны хозяйственных пристроек истерический женский визг.

— Господи! — засуетилась толпа. — Рожает!

Кто-то из женщин приготовился упасть в обморок, кто-то взвыл в полный голос, будто за компанию с роженицей. Все уставились на герцога, не решаясь сдвинуться с места.

Язон и сам опешил сначала, такого он точно не ожидал. И все же армейская выучка заставила быстро взять себя в руки и принять прежний невозмутимый вид. Что и говорить — хорошая мина при плохой игре не раз выручала в дворцовых интригах или на поле боя, когда не было ни малейшего шанса на победу, но он продолжал излучать энтузиазм — и люди ему верили.

Вот и сейчас, грозно сдвинув брови, он четко поставленным голосом отдал приказ:

— Быстро звать повитуху! Чего стоите?

Роженица в хлеву продолжала завывать, больше от страха, чем от боли. Ее голос то звучал колоритным басом, то срывался на визгливый фальцет. И распахнутых дверей замка, отдуваясь и сопя, уже бежала пожилая толстая повитуха, вся красная и потная от напряжения. Следом за ней рванули и несколько служанок, таща в руках котлы с горячей водой и чистые холстины. Только теперь до всех присутствующих дошло, что в замке вот-вот появится на свет первый ребенок!

— Ваша Светлость, — одна из кухарок робко приблизилась к герцогу. — А нам как быть? Замок ожил, главный повар готовится к сегодняшнему празднеству, но он не знает, что делать.

— Что значит "не знает, что делать"? Мне научить его фаршировать птицу или помочь отмерить сколько нужно специй для грога?! — Язон с трудом сохранял хладнокровие.

— Простите, Ваша Светлость, — кухарка покаянно склонила голову. — Он интересуется, что делать, если замок ожил и в самом деле. Если мы сегодня потратим продукты на праздничный обед, завтра они могут не восстановиться!

Язон несколько секунд молча обдумывал услышанное. А ведь и правда! Судя по всему, время сдвинулось и вновь обрело привычный ход. Но ведь замок все еще продолжает находиться в этом замкнутом пространстве, окруженный стеной из бесконечного леса. Значит, проклятье вовсе не исчезло, а всего лишь немного изменило действительность. Если завтра и в самом деле время начнет новый виток, а не пойдет по уже привычному кругу, что тогда?

— Мы должны найти мадемуазель Катрин, — слегка севшим голосом пробормотал

герцог. — Когда мы ее найдем, я на ней женюсь. И тогда проклятье падет окончательно! Передай мэтру Жерару, чтобы готовил самую роскошную трапезу, на которую только способен!

"Или я спасу всех одним махом, — подумал Язон, морщась от женских визгов, долетавших со стороны хлева, — либо мы все здесь умрем."

Кухарка с поклоном исчезла в толпе. Молодой герцог коротко выдохнул, чувствуя, как на плечи ложится непомерная тяжесть, и вдруг почувствовал непреодолимое желание посмотреть вверх.

Задрав голову, он несколько минут бездумно смотрел на кучевые облака, собиравшиеся в тяжелые темные тучи, наполненные влагой. Сильный ветер гнал их откуда-то с запада, из-за леса, предвещая грозу. Вскоре небо оказалось затянуто непроницаемой пеленой, солнце исчезло, и на замковый двор упала густая тень. Первые крупные капли сорвались вниз, застучали по каменной мостовой.

Внезапный ливень застал врасплох. Люди забегали, прикрывая головы от дождя, кто-то охал, кто-то искал укрытия под навесом. Это был первый дождь за все время проклятья.

А потом грянул гром, и яркая молния прошла небо насквозь, заставив напуганный люд сбиться в кучу и судорожно креститься. Язон остался стоять в одиночестве, посреди двора, оцепеневший и промокший насквозь. Холодные капли били его по спине и плечам, стекали по лицу, оставляя мокрые следы на смуглой коже. Он машинально поднял руку и провел ладонью по подбородку. Да, так и есть, вчерашняя щетина никуда не делась, наоборот, подросла и уже покалывала пальцы, давая о себе знать.

— Ваша Светлость! Не стойте под дождем! Простудитесь! — закудахтал кто-то из женщин.

Он медленно повернулся и взглянул на своих слуг, похожих сейчас на испуганных детей, прячущихся от грозы. Сколько всего их в замке? — он ни разу не задумывался об этом, особенно все эти годы, когда люди перестали рождаться и умирать. Двести человек? Триста? Он вдруг понял, что не знает и половины из них. Как они жили все это время? Днем — молчаливые тени, бесцельно блуждающие в коридорах мрачного замка, ночью — дикие звери, ищущие пропитание в заколдованной чаще. И за все это время никто из них не возмутился, не пытался роптать на судьбу или обвинять своего господина в том, что случилось.

Чувство, подозрительно похожее на признательность, заставило Язона невольно покраснеть. Он резко отвернулся, будто бы пряча лицо от дождя.

"Я должен ее найти! — билась в голове одна-единственная мысль, больше ни о чем не давая думать. — Найти и сделать так, чтобы она приняла мое предложение! Ради этих людей, ради детей, которые смогут родиться, ради стариков, которым положено умереть."

— Ваша Светлость!!! — громкий крик заставил Язона обернуться к замку. В распахнутом окне его собственной спальни махал руками и пританцовывал верный Жако. Лицо слуги расплылось в довольной улыбке: — Мы нашли! Нашли! Она оставила вам письмо!

***

Мне снилось, будто я лежу в вагоне на верхней полке, расслабившись и ни о чем не подозревая. Меня слегка покачивает под мерный стук колес, навеявая дрему. Но вот поезд

резко дергается вперед, и меня по инерции откидывает назад, спиной вниз. Я срываюсь со своего узкого ложа и падаю, но так и не успеваю коснуться грязного пола: кто-то невидимый подхватывает меня, и я чувствую, как вокруг сжимаются холодные стены.

Сон казался настолько реальным, что я невольно проснулась, открыла глаза и вдруг поняла, что покачивание так никуда и не делось, а действительность намного загадочнее сна!

То, что лежала я не в кровати, было понятно с первого взгляда. Но то, что это какой-то ящик со стеклянной крышкой, до меня дошло не сразу. Первый делом я уставилась вверх, пытаясь сообразить, что это за странные сосульки над моей головой, а уже потом меня прошел холодный пот. Это же не сосульки! Это сталактиты! Я в пещере, и дай бог мне сил выбраться отсюда живой и невредимой!

Я забарахталась на своем ложе и только тогда поняла, что не могу встать. Крышка была очень плотно подогнана, но такая прозрачная, что если бы я не дотронулась до нее, то так бы и не узнала, что она есть. Руки нащупали несколько круглых отверстий на уровне лица. Судя по всему, тот, кто поместил меня сюда, позаботился о том, чтобы я не смогла задохнуться. И я даже знала, кто это мог бы быть.

— Вот гадина! — прошипела я, беспомощно скользя ногтями по гладкой поверхности стекла. — Дай только доберусь до тебя!

— Очнулась? — насмешливый женский голос заставил меня скосить взгляд в сторону говорившей.

Конкордия сидела напротив меня в роскошном бархатном кресле, разложив широкие юбки, и лениво щипала гроздь винограда. Крупные ягоды выглядели такими сочными и такими аппетитными, что мой рот невольно наполнился голодной слюной. Рядом с ведьмой стоял одноногий мраморный столик, на котором высилась фарфоровая ваза, полная свежих фруктов.

— Что ты со мной сделала? — я повернулась к ней лицом, изогнув шею под немислимым углом, потому что полностью развернуться не могла — узость пространства не позволяла.

— Ничего особенного, — она пожала плечами и закинула в рот еще очередную виноградину.

Я проводила ее движение жадным взглядом и сглотнула застрявший в горле комок.

— Хочешь ягодку? — мучительница, явно издеваясь, протянула мне пару виноградин на раскрытой ладони.

— Слушай, что тебе нужно? — не вытерпела я. — Зачем ты меня засунула в эту коробку?!

— Это не коробка, — покачала она головой, — это гроб.

— Чего? — я громко икнула. — Это шутка?

Беспомощно оглядела себя и почувствовала, как внутри все холодеет от страха. Это действительно был гроб! Такой, как в сказках! Убранный бледно-розовым атласом и гирляндами из роз, с прозрачной стеклянной крышкой. Он висел на толстых, позеленевших от времени цепях, которые крепились к четырем колоннам, упиравшимся в свод пещеры, а я вдруг поняла, что никакие это не колонны, а самые настоящие сталагматы, которые образуются со временем в очень старых пещерах, глубоко под землей!

— Ну какая же это шутка, разве я похожа на шутника? Это самый легкий и безболезненный способ избавиться от тебя, — заявила ведьма, небрежно бросая на стол

общипанную кисть и вставая на ноги. — Видишь ли, — задумчиво начала она, подходя ближе, — если бы ты добровольно согласилась дать мне свой образ, я бы отправила тебя назад, в твой мир и твоё время. Но ты оказалась слишком упряма для этого! Придется поддержать тебя здесь, пока я воспользуюсь твоей внешностью.

Мой лоб внезапно покрылся холодным потом, ладони повлажнели, а сердце забилось с удвоенной скоростью, заставляя меня вздрогнуть всем телом.

— Что ты собираешься делать? — почти прошептала я, все еще не веря, что моя сказка постепенно превращается в триллер.

— Ну какая же ты глупая! Это даже не интересно! — ведьма сморщила пуговичный нос. Она нагнулась ко мне так близко, что я смогла рассмотреть толстый слой штукатурки на ее розовощеком лице и мысленно удивилась, как все это искусство держится и не отпадает кусками? — Я же вроде как злодейка? Значит, хочу привести в исполнение свои злодейские планы, чего непонятно? Кажется, Его Светлость вчера объявил о помолвке? Так не будем же расстраивать его отсутствием невесты, — и она щелкнула пальцами почти перед самым моим носом.

Я невольно моргнула, а когда открыла глаза, вместо ведьмы передо мной кружил знакомый темный вихрь. Всего пара секунд — и он развеялся, разлетелся по пещере черными хлопьями сажки, а я беспомощно захлопала ресницами, отказываясь верить тому, что видели мои глаза.

Прямо в двух шагах от меня, довольно улыбаясь, стояла худая девчонка лет двадцати пяти, с короткой стрижкой боб, уложенной волосок к волоску. Ее волосы полыхали насыщенным гранатовым цветом, в зеленых глазах танцевали задорные огоньки, а веселый смех звучал под сводами пещеры как перезвон серебряных колокольчиков.

Платье из воздушного муслина будто сиреневая пена укрывало ее фигуру, оставляя пространство для фантазии. Девчонка подняла тонкую руку и вдруг погрозила мне наманикюренным пальчиком. Я поняла, что сейчас потеряю сознание.

— Ну, как я тебе? — она хвастливо покрутилась, будто и в самом деле ждала от меня слов восхищения. — Знаешь, я в тебе не ошиблась. Сразу поняла, что твоя экзотическая внешность и дерзкий характер привлекут герцога. Я столько лет пыталась добиться его благосклонности и все зря. Он постоянно ускользал из моих рук. Но теперь-то уже никуда не денется! Он влюблен в тебя до безумия, настолько, что предложил стать его женой. Не будем же разочаровывать Его Светлость!

— А тебе это зачем? — я не могла оторвать взгляд от своей копии, но, как всякая женщина, искала в ней именно изъян. — Неужели ты так его любишь?

— Что? — она на мгновение остолбенела, а потом легкомысленно рассмеялась. — Нет конечно! Но это не имеет значения. Он посмел меня оскорбить, пусть же теперь заплатит за это оскорбление собственным счастьем и собственной душой. Знаешь, что я для него приготовила?

Хищная усмешка раздвинула ее губы, и на моих глазах сквозь знакомые черты на мгновение проступил образ прежней Конкордии.

— Сейчас я не могу убить тебя. Ты нужна мне живая. Но в миг, когда герцог поцелует меня под волшебной радугой Вечного леса и признается мне в любви, ты навеки уснешь в этом гробу. И тогда я сниму маску. Уж очень мне хочется посмотреть на лицо Его Светлости, когда он поймет, что навеки привязан не к той! — и она разразилась демоническим хохотом.

Я уперлась руками в прозрачную крышку, напрягая все мышцы, отчаянно пытаюсь сдвинуть ее хоть на один волосок. Но мои бесплодные попытки всего лишь вызвали новый приступ смеха. Ведьма взмахнула руками, поднимая вокруг себя клочья тумана, закрутилась в вихре, окружившем ее плотной стеной, и вдруг исчезла, оставив после себя многократное эхо, еще долго блуждавшее под сводами пещеры.

Мне не оставалось ничего, как только попробовать помолиться. Если в этом месте есть бог, он просто обязан мне помочь!

Часть 8

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

В спальне герцога, на кровати, лежал небольшой надушенный листок, на котором витиеватым почерком было написано всего несколько слов: "Милый, отбыла по делам, вернусь к балу. Жди" — и отпечаток губ в виде поцелуя. Его Светлость сначала аккуратно присел на краешек ложа, не сводя с записки настороженного взгляда, потом медленно протянул руку и прикоснулся к листку кончиками пальцев.

— Где вы его нашли? — спросил он столпившихся вокруг лакеев.

— Дак на этом самом месте и лежал! — тут же лихо отрапортовал Жако.

— И никто не знает, откуда он здесь взялся? — герцог обвел слуг испытывающим взглядом.

— Нет, Ваша Светлость!

Язон задумался. Что же это получается, Катрин ушла по собственной воле? Он не мог вспомнить, что произошло этой ночью, но вчерашний вечер из памяти не исчез. Молодой человек прекрасно помнил и свое предложение, и то, что Катрин ему практически отказала, и даже тот не слишком приятный разговор в зимнем саду. Еще тогда его мучило подозрение, что он что-то сделал не так, но что именно — герцог не мог догадаться и это его сильно нервировало. Можно было спросить напрямик, что именно не понравилось девушке в его словах, но вчера он не успел, а сегодня ее уже не было, и где искать — никто не знал.

Оставалось лишь поверить этой странной записке, готовиться к балу и ждать.

— Праздничный ужин отменяется? — осторожно поинтересовался Жако, видя, что герцог погрузился в раздумья.

— Нет, все остается в силе. Готовьте главный зал. Пусть музыканты настроят лютни и начистят тромбоны. Сегодня вечером у нас будет бал. И самая важная гостья за последние пятьсот лет!

"Где же ты, Катрин?" — Его Светлость с тоской уставился на окно, за которым расходились грозные тучи, открывая ультрамариновое небо.

— Радуга! — донесся со двора чей-то радостный вопль, и еще с десятков голосов подхватили его: — Радуга! Смотрите, радуга!

Слуги в спальне глянули на герцога, не решаясь рвануть на улицу всей толпой. Хозяин апартаментов сам направился к окну и выглянул наружу. Задрал голову вверх, шурясь от яркого солнца, внезапно вышедшего из-за тучи, и с удивлением уставился в небо. Там действительно сияла и переливалась всеми семью цветами идеальная дуга, перекинувшаяся над замком с запада на восток. А чуть дальше еще одна, и еще, и еще... Язон насчитал их штук пять, расположенных по нисходящей, и каждая была немного уже и бледнее предыдущей, но при этом такой же завораживающей и прекрасной.

— Радуга — это знак счастья и удачи, — сказал кто-то из слуг.

— Судя по количеству, удачи у нас должно быть очень много, — проворчал герцог.

— Говорят, если пройти по радуге, то на том конце можно найти горшочек с золотом, — мечтательно добавил Жако.

Язон одарил камердинера саркастичным взглядом:

— И зачем тебе здесь золото? На что ты его тратить будешь?

— Или не золото, — робко пискнул один из поварят, которые каким-то непостижимым образом оказались в герцогской спальне.

Его Светлость нахмурил брови, сурово взирая на стайку мальчишек в белых колпаках:

— А что еще?

Самый смелый решительно подтер нос рукавом и выложил:

— Еще исполнение желаний.

— Одного желания! — уточнил второй.

— Например, можно загадать распознавать ложь!

— Или находить клады!

— Или видеть невидимое глазу!

— Или стать самым метким стрелком! — наперебой загалдели мальчишки.

— Все! Хватит! — оборвал их резким окриком герцог. — Одно желание у меня есть. Я хочу, чтобы сегодня вечером все прошло идеально! Не каждый день ваш синьор женится. И вообще, кто вас сюда впустил?

Старый камергер неловко откашлялся:

— Так это мэтр Жерар их отправил.

— В чем дело? — Язон уставился на поварят, прячущихся один за другим.

Мальчишки пошушукались под грозным взглядом герцога и вытолкнули вперед козла отпущения — самого маленького и толстого, похожего на розовощекий, упитанный колобок, с льяными кудряшками, торчащими во все стороны из-под белого колпака.

— Мэтр Жерар велел донести Вашей Светлости, — начал бедняга всхлипывая от страха и поминутно шмыгая носом, — что нонче в замке сильно голодный люд. И что бабы хлеба просят для дитят. А он, мэтр Жерар значит, не знает, что делать. И без дозволу Вашей Светлости кладовую открыть не разрешает.

— Голодный люд? — будто бы не веря, переспросил Язон. За пятьсот лет проклятия если кто из его людей и ел днем, то на утро все съеденные продукты возвращались на свои места в целости и сохранности. А теперь что? — И много их?

— Да почитай весь замок, — важно произнес поваренок, видя, что сеньор не собирается испускать молнии или отдавать его на расправу палачу. — Будет что передать мэтру Жерару?

Язон задумался на пару минут.

— Да, — сказал он наконец, — передай мэтру Жерару, пусть открывают кухню в людской и готовят обед на всех. И отдельно пусть позаботятся о стариках и той... что родила. Ребенку ведь молоко нужно.

— Есть молоко, Ваша Светлость, — довольно хмыкнул камердинер, — коровы-то доиться начали! А вы чего стоите? Кыш отсюда! — шикнул он на поварят, и те, сбившись в стайку, будто испугнутые воробьи, вылетели из комнаты.

— Как думаешь, может и мне прогуляться к радуге? — Язон вопросительно взглянул на верного слугу. — Чем черт не шутит.

— Приказать подать вам коня?

— И пару человек из стражи в сопровождение. Капитану стражи передай, пусть займут посты на стенах и опустят решетку, на всякий случай. Если в замке столько изменений за один день, неизвестно, что в лесу делается. У Конкордии хватит сил придумать новое испытание для нас.

С учтивым поклоном, старый камердинер и остальные слуги покинули герцогскую спальню.

Оставшись в одиночестве, Язон еще раз перечитал записку. Что-то в ней не давало ему покоя, какая-то крошечная деталь, постоянно вертевшаяся перед глазами, но ускользавшая от осмысления. Молодой герцог не мог долго ломать себе голову, его буквально обуяла жажда деятельности. Спрятав записку в ящик секретера, он решительно развернулся и вышел.

***

— Попала ты, Катя, так попала! — с бессильной злостью пробормотала я, когда поняла, что выбраться самостоятельно из этого стеклянного ящика не представляется возможным. — Как последняя дура!

Повернуться я не могла, а потому в скором времени почувствовала, как затекает спина и начинает болеть позвоночник. Все, что мне удалось, это упереться ладонями в прозрачную крышку гроба. Она была гладкой и холодной. Я нащупала круглые отверстия для воздуха, засунула туда пальцы и пошевелила ими. А что, пусть хоть они побывают на свободе! В голове толпились невеселые и тусклые мысли, я раздумывала о своей печальной участи и скором конце.

— Что-то сказка моя совсем не сказочная, — жаловалась я вслух сама себе. — Ни тебе прекрасного принца, ни любви до гроба, ни полцарства в придачу. Сначала на чудовище блохастое натолкнулась, потом палачу отдали, потом выкинули, как мусор, в лесу. Каждый день ревнивые дамы убить пытаются, а теперь вообще замуровали. И вместо принца чудище мохнатое, с репьями на заднице.

Я сокрушенно вздохнула. Монстрика было жалко, привыкла я к нему, да и вообще, из него бы вышел отличный домашний питомец — большой, теплый и очень пушистый (это если бы он дал себя отмыть и расчесать). И характер у него замечательный: дрессировке поддается, своих знает, чужих не пускает. Мне такой сторож на даче бы не помешал.

Расшалившееся воображение тут же подсунуло картинку: довольный монстрик, отмытый и вычесанный, в растянутых трениках и резиновых калошах, лежит в шезлонге с газетой и лениво порыкивает на соседей, которые, поминутно замирая и вздрагивая, крадутся вдоль забора. Я не сдержала истерический смешок.

А потом вспомнился герцог, и я опять поскучилась. Его Светлость был слишком хорош, настоящий образец мужской красоты; все в нем казалось идеальным, без единого упрека, кроме характера. Если монстрик представлял собой воплощенное добродушие, то его человеческая половина наоборот, обладала несносным характером. Но от правды не деться, герцог был очень привлекательным мужчиной, и я испытывала к нему вполне закономерное влечение. Если бы еще он не оказался таким кобелем, я бы с удовольствием провела с ним пару ночей, а так...

Я посмотрела на свои пальцы, торчащие из дырочек в крышке, и всхлипнула.

А так пусть разбирается сам со своими фанатками. Может и правильно, что та ведьма его заколдовала. Посидел пару-тройку веков в своем замке, подумал. А вдруг даже умнее

стал?

Над ухом раздался тоненький писк, похожий на комариный. Назойливый такой и противный, что захотелось потрясти головой и прочистить ухо.

Я недовольно сморщилась, изловчилась и задрала подбородок вверх, пытаюсь взглядом отыскать причину дискомфорта. Увиденное заставило недоуменно заморгать. Появилось практически непреодолимое желание протереть глаза.

Прямо надо мной, в полуметре от моих глаз, танцевали крошечные существа, каждое из которых было размером с бабочку-капустницу. Субтильные человекоподобные тельца, тонюсенькие ручки и ножки, несоразмерно большие головы и разноцветные крылышки за спиной. Странные гости зависли в воздухе, трепеща крылышками, будто колибри, и именно от них шел тот противный комариный писк.

Пока я ошалело разглядывала новых действующих лиц, одно из них подлетело немного ближе, и я смогла рассмотреть его личико: черты оказались вполне человекоподобными, точнее, как у героев аниме: огромные темные глазищи, фарфоровые щечки и крошечный рот. Голову существа венчала шапка золотистых ворсинок, напоминающих волоски на пчелином брюшке, тельце было абсолютно обнажено, а гендерные признаки напрочь отсутствовали. Существо тоже разглядывало меня с взаимным интересом.

— Галюны, — обреченно вздохнула я. — Первые признаки кислородного голодания.

Существо спустилось еще ниже и опасно ступило на стеклянную крышку. Вслед за героем-первопроходчиком и остальные рискнули подлететь ближе.

Несколько мгновений мы общались взглядами, причем мой, скорее всего, выражал покорность судьбе и замаячившему на горизонте сумасшествию. А вот в глазах существа царил чисто научный интерес.

— Человек! — крошечные губки на кукольном личике шевельнулись, и я услышала голосок, тоненький, как мышинный писк. — Как ты сюда попал?

— А? — мне показалось или к зрительным галлюцинациям еще и слуховые прибавились?! — Ты кто? Сгинь, нечистая!

Существо с важным видом прошлось прямо над моим лицом, сложив ручки за спиной, остановилось и повторило еще раз:

— Как ты сюда попал?

— Ла, — машинально поправила я, уставившись странному глюку прямо между ног, где все было гладко и красиво, как у пластмассовой куклы.

— Что? — огромные глаза удивленно моргнули.

— Попала. Я женского рода.

— Это не имеет значения! — существо небрежно взмахнуло ручкой. — Что ты делаешь в нашей пещере и зачем залез-ла в этот странный ящик?

— Сама не знаю, — пробормотала я вполголоса и уже немного громче добавила: — А ты кто?

— Фея, — существо приложило ручку к груди и согнуло ножки будто в реверансе.

Я не сдержалась и гыгыкнула.

— Кто? — переспросила еще раз, думая, что ослышалась.

— Цветочная фея! — повторило существо, недовольно сузив глазки.

— Подожди, подожди, а что цветочные феи делают в пещере? Вы же, вроде, должны жить на поляне, полной цветов?

— Мы и жили, — существо согласно кивнуло, — пока кто-то не заколдовал наш лес.

Весь мир перевернулся в один момент. Небо и земля поменялись местами, а вечная весна превратилась в вечную осень. Все наши цветы погибли, лес облетел и пришел в запустение. А нам пришлось прятаться от холода в этой пещере. Там, дальше, есть горячий источник, он нас и спасает.

— А едите-то вы тут что? — удивилась я.

Малыш волне натурально всхлипнул, моментально растеряв весь свой гонор, и шмыгнул носом.

— Мы ж цветочной пылью и нектаром питаемся, — сказал он плаксивым тоном, — а теперь приходится поститься и есть споры грибов и мха. А это очень грубая пища для нашего желудка.

— Да-а, дела, — глубокомысленно изрекла я. Кажется, не только герцог и его люди пострадали от колдовства Конкордии. Вот и еще жертвы обнаружались. Судя по всему, лес-то этот не просто так здесь стоял, и эта ведьма нарушила естественный ход вещей, перенесла сюда замок с его обитателями. — Говоришь, у вас тут вечная весна была? А кроме вас тут еще кто-нибудь живет?

— Эльфы живут лесные, — сказала фея, — но они очень боязливые, так просто не подойдут.

— Ух ты! — я прямо загорелась. Неужели, здесь и эльфы есть?! Перед внутренним взором тут же предстали красавцы блондинистой наружности, длинноухие и безобразно привлекательные. — А где они?

— Да вон, за камнями прячутся, — малыш махнул ручкой куда-то себе за спину.

Я попыталась поднять голову и посмотреть, где же там эти красавцы, но не увидела ничего, кроме кучки небольших валунов, сваленных у внутренней стены пещеры. Кучка была слишком мала, чтобы за ней мог спрятаться двухметровый накачанный эльф из моих эротических фантазий.

— И где же они? — нетерпеливо заерзала я на своем неудобном ложе.

— Да вот же, — фея опять тыкнула полупрозрачным пальчиком в сторону камней.

— Не вижу.

— Ну говорю ж, прячутся. Боятся!

Остальные феечки, по одной, тоже начали спускаться на стекло, правда, где-то в районе живота и груди. Ближе к лицу они подходить не желали, видимо, предпочитая оставаться на безопасном, как им казалось, расстоянии.

— А вы, значит, не боитесь? — хмыкнула я, разглядывая весь этот рой. Феечек оказалось целых пятнадцать штук, не считая предводителя, который с важным видом вышагивал вдоль моего носа, заставляя немилосердно косить глаза.

— И мы боимся.

— А зачем тогда пришли?

— Любопытство сильнее, мы никогда не видели человека так близко — вздохнула фея, будто извиняясь. — К тому же нам было интересно, зачем ты туда забралась.

— Да я, в принципе, и не забиралась, — тоскливо протянула я. — Меня сюда засунули. Теперь вот пытаюсь выбраться — и никак.

— А зачем?

— Что "зачем"? Зачем засунули или зачем выбираться?

— И то, и это.

— Ну-у, — я глубокомысленно возвела очи долу, — зачем меня сюда засунули, это

вопрос философский, и дать на него ответ может только тот, кто это сделал. А вот как выбраться — это вопрос насущный, над которым я сейчас безуспешно работаю.

Фея смешно сморщила личико и раздраженно затрясла головой.

— Много непонятных слов, — сообщила она писклявым голоском, — ничего не ясно.

— Я не сама сюда залезла, — повторила я еще раз, удивляясь непонятливости крошечных существ. — Меня засунули против воли. Ясно?

— А кто это сделал?

— Похоже, та самая особа, что и превратила вашу вечную весну в вечную осень.

Честное слово, во время всего этого диалога я героическими усилиями сдерживала нервный смех. Стоило лишь представить, как я выгляжу со стороны, лежащая в стеклянном гробу и разговаривающая с крошечным крылатым существом неопределенного пола, как меня пробирала мелкая дрожь, а в горле начинало першить от попытки сдержать истерический хохот. Но когда из-за края атласного покрывала, на котором я лежала, показался остроконечный зеленый колпачок, рыжие вихры и расширенные от страха зеленые же глаза, уставившиеся на меня в немом изумлении, я не выдержала и разразилась гомерическим хохотом.

Обладателя зеленых глаз будто ветром сдуло. Феечки синхронно взлетели в воздух, все пятнадцать, вместе со своим предводителем, и уже оттуда укоризненно посмотрели на меня.

— Что это было? — сражаясь с хохотом, выдавила я из себя.

— Ну вот, ты его напугала! — главная феечка недовольно покачала головой.

— Кого напугала? Кто это был?

— Эльф!

— Кто?! — я почувствовала, как меня начинает буквально потряхивать от зарождающейся истерики.

— Лесной эльф! Ты его напугала, и теперь он вряд ли рискнет подойти еще раз.

— О-о-о, — все, хохотать я больше не могла. У меня болел живот, а по лицу катились слезы. — Э-эльф, — простонала, мысленно махая платочком двухметровым красавцам-клонам незабвенного Леголаса, — лесно-о-ой! А чего такой ме-е-елкий? Тоже на диете?

— Почему "мелкий"? — искренне удивилась феечка. — Вполне нормальный. Лапушок даже повыше своих собратьев. Почти со взрослую белку.

— Лапушок, — я икнула и заржала как лошадь, самым безобразным образом. — А тебя как зовут?

— Сирень, — феечка опустила на крышку и учтиво шаркнула ножкой, — а это мои друзья: Маргаритка, Астра, Глициния, Медуница...

Она загибала полупрозрачные пальчики, перечисляя названия цветов, которые, судя по всему, являлись именами остальных феечек, не решавшихся приблизиться. Если честно, я не запомнила и половины. Из головы не шел новый эльфячий образ: крошечное, размером с белку, существо, со смешным зеленым колпачком на рыжих вихрах и расширенными от страха глазищами. Эх, что я за попаданка такая неудачная? Оказалась в сказке, а мужиков нормальных тут нет! Даже глазки строить и то некому. О герцоге я в тот момент почему-то не думала.

— Ладно, — сказала я, немного отдышавшись, — вы весну свою вернуть хотите?

— Конечно хотим! — весь разноцветный рой спустился поближе и замер, поглядывая на меня с интересом. — А как?

— Для начала скажите, есть ли у вас магия?

— С магией нынче туговато, — тяжело вздохнула Сирень. — Наши силы быстро иссякают и очень медленно восстанавливаются, но если тебе нужно вырастить какой-то цветок чтобы вернуть нашу весну, мы готовы пожертвовать тем, что у нас есть.

— Да нет, — я машинально погрызла нижнюю губу, — выращивать ничего не надо. А вот выпустить меня отсюда вы можете?

Сирень и остальные феечки сбились в кучу на крышке гроба и зашептались, посекудно бросая в мою сторону загадочные взгляды. У меня же страшно зачесалось между лопаток. И вот пока я ерзала, пытаюсь хоть как-то облегчить свою участь, мои уши вдруг уловили странный шум, похожий на шум ливня за окном: свист ветра в ветвях, стук дождя по густой листве, отдаленный раскат грома.

Феечки тоже всполошились. Вспорхнули вверх, заметались по пещере в хаотичном беспорядке, запищали что-то, перекрикивая друг друга. Откуда-то из темноты к ним выпорхнуло еще несколько десятков таких же существ. Сбившись в стаю, будто яркие мотыльки, они вдруг рванули в сторону выхода.

— Эй! Куда?! — заорала я во всю мощь своих легких, сообразив, что теряю единственный шанс на спасение.

Но на меня даже никто не глянул. Вздурораженные феечки на мгновение замерли у самого порога, а потом решительно вылетели наружу, оставив меня скрипеть зубами от досады.

— Противные создания! — прошипела я, кипя от злости. — И с чего я взяла, что они похожи на мотыльков? Самые настоящие мухи! Глупые и назойливые.

Я тоскливо вздохнула и уставилась на свисающие надо мной сталактиты. Мозг отказывался осознавать действительность, отказывался воспринимать всерьез то, что сейчас происходило. Я все еще продолжала надеяться, что эта история всего лишь кошмарный сон, навеянный прогулкой на солнцепеке, просроченным пивом или несвежей шоколадкой. Ведьмы, феи, эльфы — разве такое бывает на самом деле?

— Тебе нужно выбирать! — произнес у самого уха чей-то тоненький голосок.

Он неожиданности я вздрогнула и скосила глаза в сторону говорившего. Это был он, тот рыженький эльф, которого я напугала своим смехом. Из-за покрывала торчали только его глаза и зеленый колпачок, но теперь он смотрел не с опаской, а внимательно и серьезно.

— Откуда ты знаешь, что мне нужно? — не сдержавшись, фыркнула я. — Куда сбежали твои друзьяки?

— Кто же дружит с цветочными феями? — он изумленно вытаращился на меня. — Это самые глупые и самые капризные существа Вечного леса. Вот увидишь, скоро они вернуться и опять будут разглядывать тебя как диковинку.

— А эльфы не такие? — я с сомнением посмотрела на его рыжие вихры и усыпанный веснушками крошечный курносый нос.

— Может и такие, — легко согласился Лапушок. — Но сейчас только глупый и капризный эльф может помочь тебе выбраться отсюда.

— Так помоги же! — от нетерпения я даже забыла о крышке и резко дернулась, собираясь сесть. Мой лоб со всего размаха врезался в толстое стекло, и я со стоном повалилась обратно.

— Ну нет, — покачал головой мой новый знакомый, — эдак ты точно не выберешься. Это ж зачарованный горный хрусталь! Здесь без магии не обойтись.

— А она у тебя есть? — я прикрыла глаза от досады и боли и ощупала наливающуюся

пишку. Только такого украшения мне не хватало. Еще фингал под глазом и все — первая красавица. Его Светлость будет ослеплен моей красотой.

Воспоминание о герцоге, мелькнувшее на задворках памяти, почему-то заставило меня вздохнуть. Не может же быть, чтобы я к нему хоть что-то испытывала, нет? Но сердце говорило обратное. Оно буквально сжималось при одной мысли о том, что Конкордия может преуспеть в своем желании женить его на себе.

Маленький эльф что-то говорил, буравя меня укоризненным взглядом, рядом с ним появились зеленые колпачки его товарищей, но я уже не обращала на них внимания. Я внезапно осознала, какое коварство задумала эта ведьма!

Сегодня вечером Язон планирует бал (хотя какой бал для одной единственной гостии?), но даже не это главное. Сегодня он собирается официально, перед всеми своими подданными попросить моей руки! Но меня-то там нет! Зато есть Конкордия, которая надела мой облик, как маску. И она хочет занять мое место!

Я застыла с открытым ртом.

— Боже, — выдохнула мимо воли, — если он ее поцелует, мы все погибли! И я уж точно!

И вот когда я наконец-то осознала всю глубину своего положения, внутри меня будто включился зайчик-энерджайзер.

— Выпустите меня отсюда! — заорала я, барабанила руками по стеклу или горному хрусталу, как его назвал Лапушок.

— Тише ты! — шикнули на меня. — Не мешай рисовать нейтрализующие руны.

Я глянула на говорившего и поперхнулась собственным криком. Прямо перед моими глазами сидел рыжий эльф с кудлатой бородой, а на его носу поблескивало пенсне! Эльф сосредоточенно что-то чертил пальцем в воздухе и беззвучно шевелил губами.

— Чего? — Вот уж не думала то сказочные эльфы знают такие заумные слова.

— Это дядюшка Ясень, — прошептал мне на ухо Лапушок, — он самый мудрый в этом лесу.

— Мы не можем сами открыть крышку, она слишком тяжелая для нас, — пояснил эльф, деловито поправляя пенсне. — Но мы вполне можем отключить магию, которая удерживает ее на месте.

— Неужели вы это сможете? — прошептала я, разглядывая бородатого эльфа как восьмое чудо света. Он был размером с ежа и такой же толстый. Всю одежду его составляли бриджи, чулки, башмаки с блестящими пряжками, курточка и рубашка с кружевным жабо — все зеленого цвета, только разных оттенков. А еще колпачок, лихо заломленный на одну сторону.

— В принципе, почти готово, — он добавил еще одну линию к тому незримому узору, который уже нарисовал в воздухе, — но сначала ты должна кое-что пообещать.

— Все что угодно! — горячо заявила я.

— Помогая тебе, мы отдаем последнюю магию. И ты тоже должна нам помочь.

— Как?

— Ты должна изгнать из Вечного леса ту ведьму, что принесла сюда осень, и вернуть нам весну.

— Как же я это сделаю? Она же ведьма! А у меня даже ногтей нет чтобы ей лицо расцарапать!

— Зачем тебе ногти? — дядюшка Ясень удивленно покачал головой. — Я дам тебе кое-

что получше! Ты согласна сразиться с ведьмой?

Я задумалась. Ситуация становилась абсурдной. Я еще и избранная на борьбу с местным злом, как в тех книжках, которые прочитала? И что теперь, мне выдадут бронелифчик, говорящий меч и ехидного коня? Или ехидный меч и говорящего коня — не помню. А с другой стороны, что еще остается, выбора-то все равно нет. Либо попытаться сразиться с этой Конкордией и надрать ей задницу в лучших традициях женских драк XXI-го века, либо лежать здесь и молча дожидаться конца. Решение было очевидно.

— Я согласна! — твердо заявила я. — Давайте свои эльфийские артефакты.

Бородатый эльф взмахнул рукой, и я увидела, как в воздухе засветилась тонкая вязь наисложнейшего плетения. Это был тот рисунок, который он выводил, а теперь замкнул. Это были те самые нейтрализующие руны, которые он активировал одним движением пальцев. Я уставилась на них, не скрывая восторга. Вот она, настоящая эльфийская магия в действии!

От восторга я едва не захлопала в ладоши, но быстро опомнилась и напустила на себя суровый и неприступный вид. Сдвинула брови и поджала губы, выставив вперед подбородок. Именно так по моему мнению должны были выглядеть борцы со злом, отправляясь на задание.

— Открывай! — крикнул эльф, спрыгивая с крышки.

Я толкнула ее руками. Какая тяжеленная!

Медленно, очень медленно, с противным режущим звуком она начала поддаваться под моими усилиями, буквально по сантиметру сползать в бок, пока я, наконец, не сдвинула ее настолько, что она легла по диагонали. Теперь можно было попытаться и вылезти.

Запыхавшаяся, с горящими щеками и бешено колотящимся сердцем я выползла из этого гроба и облегченно вздохнула, почувствовав под ногами твердую землю. Вытерла рукавом пот со лба, поморщившись от прикосновения к синяку, и только тогда огляделась, ища своих спасителей.

Маленькие лесные эльфы стояли рядочком и с любопытством разглядывали меня. Ни один из них не достигал ростом даже моих коленей, но при этом все они выглядели очень миловидно, а их одежды были настолько франтоватыми, что я сразу записала маленький народец в великих модников.

Бородатый дядюшка Ясень обошел меня и начал сосредоточенно карабкаться вверх по стенке гроба, пыхтя, как еж, и цепляясь за цветочные гирлянды. Я не удержалась и подсадила его. Эльф оказался удивительно теплым и мягким, будто я котенка в руках подержала!

Он ответил мне учтивым кивком, одернул курточку и шаркнул ножкой. После чего с долей пафоса произнес:

— От имени всех лесных эльфов приветствуем тебя, избранная! Ты поклялась, что спасешь Вечный лес от злой ведьмы. Подтверждаешь ли ты свою клятву?

— Подтверждаю! — твердо ответила я.

Нет, я, конечно, человек спокойный и всегда только за мир. Но делишки этой дамы в физмах заставили меня пылать от гнева. Слишком уж раздольно она чувствует здесь себя. Пора бы указать ей на выход!

— Тогда вот обещанные подарки! — и дядюшка Ясень взмахнул обеими руками, описывая в воздухе круг.

Когда его руки сомкнулись, воздух сгустился и задрожал внутри импровизированного круга. Что-то вспыхнуло, что-то треснуло. Кажется, за порогом пещеры бушевала настоящая

гроза.

Я подалась вперед, с восхищением вглядываясь в светящийся круг, даже руку протянула, собираясь ткнуть в него пальцем. Но он схлопнулся, обдав меня ароматом свежей зелени, а на крышке гроба остались лежать три предмета, при виде которых мои брови недоуменно полезли вверх.

Лук с колчаном, в котором лежала всего одна стрела, маленькое ручное зеркальце размером с ладонь, не стеклянное, а из тщательно отполированного металла, и деревянная шкатулка, украшенная искусной резьбой.

— Что это? — спросила я, кивая на эльфийские подарки.

— Это твое оружие против ведьмы, — с гордостью заявил дядюшка Ясень.

— Гм... да вообще-то, как вам сказать, — начала я, не скрывая сомнения в голосе, — у меня со зрением небольшие проблемы. Вряд ли я попаду из лука в Конкордину, разве что привяжу ее к дереву и буду стрелять в упор.

— Нагнись-ка поближе, — он поманил меня пухлым пальчиком и я, ничего не подозревая, наклонилась к нему.

Эльф молниеносным жестом выставил перед собой ладонь и дунул. Мне в лицо полетел какой-то сверкающий порошок. Защипало глаза.

— Ай! — заорала я, зажмурившись, махая руками и подпрыгивая на месте. Глаза жгло, будто в них перцу насыпали, по щекам градом катились слезы. — Ты совсем сумасшедший! Думаешь, если я окончательно ослепну, это как-то поможет мне лучше целиться?

— Хм, какая ты крикливая, — этот мелкий поганец был абсолютно спокоен. — От пылицы древокоста еще никто не ослеп, а вот слепцы, наоборот, прозревали. А ну-ка, открой глаза!

Я машинально подчинилась.

Ого! Словно пелена с глаз упала! Все предметы вокруг обрели давно забытую четкость и яркость. Не веря в чудо, я несколько раз крепко зажмурилась, потом поморгала, поводила глазами туда-сюда. Неприятное жжение быстро проходило, оставляя после себя дикий восторг. Ура! Долой очки и контактные линзы! Вот она — медицина будущего, а не какая-то там лазерная терапия.

— Здорово! — восхищенно выдохнула я. Потом восторг поубавился. — За зрение спасибо большое, только у меня все равно нет опыта в стрельбе из лука. Сомневаюсь, что я его вообще смогу натянуть.

— Это же эльфийский лук! — дядюшка Ясень сердито запыхтел. — Он пропитан магией леса. Мы дарим его тебе на благое дело. В твоих руках он будет послушен, а стрела остра и точна! Она всегда попадает в цель, главное, чтобы ты сама знала, в кого стреляешь!

— Не уверена, что смогу убить собственными руками, — я с сомнением глянула на стрелу.

— Никого ты не убьешь, поверь, — отмахнулся бородатый эльф. — Стрела всего-навсего лишит ведьму ее колдовской силы, так что не имеет никакого значения, будешь ли ты целиться в бровь или в глаз. Можешь хоть в пятку, лишь бы попала. Пока ведьма может колдовать, мы бессильны против нее, но едва она лишится своих сил, Вечный лес сам избавится от нее.

— Ладно, — я покосилась на колчан, расписанный странными символами, — с этим разобрались. А зеркальце зачем? Да еще такое странное?

— Нормальное эльфийское зеркальце! Намагическое и заговоренное! В нем отражается

истинная суть вещей. Какой бы облик не приняла ведьма, это зеркало отразит ее черную душу.

— Ага, полезная вещица, учитывая, что наша "звезда" щеголяет сейчас в моем образе! — пробормотала я, разглядывая холодную полированную поверхность.

Не сдержавшись, я взяла в руки эльфийский подарок. Зеркало было чересчур легким для своих размеров, но я промолчала: магия! В обрамлении вьющихся по краю рун отразилось мое лицо. Сдвинутые брови, нахмуренный лоб, губы, сжатые в узкую полоску. И взгляд, будто светящийся изнутри.

— Не вижу ничего необычного, — разочарованно протянула я, — разве что морщины на лбу и круги под глазами.

— Так это ты и есть, а кого ты там хотела увидеть? Маленького зеленого эльфа? Смотри лучше сюда! — и он ткнул пальчиком в шкатулку. — Этот подарок самый важный, не вздумай его потерять! И не смей открывать до времени.

— А что там?

— Узнаешь, когда время придет.

— И как же я узнаю, что оно пришло?

— Сердце тебе подскажет.

Часть 9

Ну вот и все. Лук в руках, колчан за спиной, а зеркальце и шкатулка прочно привязаны к поясу каким-то хитрым эльфийским узлом. Осталось только вернуться в замок и разобраться этой дамой.

У выхода из пещеры я остановилась и осторожно выглянула наружу. Кажется, здесь действительно только что прогремела гроза: в воздухе пахло озоном и мокрой травой, яркое солнце сверкало в каплях воды, покрывавших листву на деревьях, а в небе, среди быстро отползавших туч, сияла радуга. Огромное семицветное коромысло, перекинувшееся над лесом. Она была похожа на ворота в сказочный мир.

— Радуга! Радуга!! — звенели вокруг тоненькие голосочки, похожие на нестройный перезвон серебряных колокольчиков.

Это были феечки, кувыркавшиеся в воздухе не хуже цирковых эквилибристов. Крошечные тельца, пестрые крылышки — точь-в-точь стайка разноцветных мотыльков над цветочной поляной.

Я вышла наружу и остолбенела. Вокруг меня простирался дремучий лес, полный вековых деревьев с необъятными стволами. Их раскидистые кроны возносились высоко вверх, упираясь в небо, а толстые узловатые корни торчали в земле, сплетаясь в замысловатые узоры. Между деревьев виднелись пригорки, покрытые прошлогодней травой, и нигде ни одного намека, в какой стороне искать замок.

— Как же я найду обратный путь? — задумалась я, оглядываясь вокруг.

— Ну, дорогу тебе покажут. Каждый лесной житель знает, где стоит замок, — успокоил дядюшка Ясень, сунул два пальца в рот и так залихватски свистнул, что у меня ухо заложило.

Феечки тут же, как по команде, совершили синхронный разворот на девяносто градусов и послушно подлетели ближе. Загалдели все хором, перекрикивая и перебивая друг друга.

— А ну молчать, мелюзга! — бородатый эльф сурово сдвинул брови. — Вам задание.

Мальши послушно замолкли.

— Проведете нашу гостью до границы леса, да смотрите не заблудитесь! А то знаю я вас, начнете по сторонам глазеть — все на свете забудете.

— Проведем, проведем, — с готовностью запищали феечки.

— Но у нас нет сил лететь так далеко, — возразила уже знакомая мне Сирень. Кажется, из всех феечек только она одна обладала здравым смыслом.

— Так давайте я вас понесу! — я протянула руки, и крошечные существа тут же облепили меня от запястий до самых плеч. Кое-кому не хватило места на руках, так что парочка фей с комфортом устроилась у меня на голове. — Так, и куда идти? Замок-то где?

— На запад от солнца, — подсказала Сирень, без лишних заморочек примостившаяся прямо на моем ухе.

— А запад у нас где? — я закрутила головой.

По толпе эльфиков пронесся тяжелый вздох, дядюшка Ясень многозначительно постучал себя кулаком по лбу и ткнул пальцем в нужном направлении.

— А, — я смущенно заулыбалась, — спасибо за подсказку. И нечего так смотреть! Там же не написано, что это запад, откуда мне знать?

Вот действительно, откуда мне знать? Все нормальные люди давно обзавелись GPS-навигаторами, а я, если честно, даже компасом пользоваться не умею, просто не приходилось.

Сбоку засопел Лапушок. Достал из-за пазухи зеленый платочек и промокнул глазки, а потом с чувством высморкался в него. Остальные эльфы пожелали мне удачи и помахали во след.

Я шагнула на узкую тропинку, на едва видневшуюся в траве, но через десяток шагов не выдержала и оглянулась. Пещера исчезла, будто ее никогда и не было — позади меня возвышался обычный холм с пологими склонами, заросшими пожелтевшей травой.

***

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

Словно некая таинственная сила уводила его все дальше и дальше в лес. Язон прищоривал своего коня, торопился, будто чувствовал, что время поджидает. В душе зрело непонятное упрямство, откуда-то он точно знал, что должен успеть к радуге, пока она видна.

До заката оставалось не так уж много. Солнце давно пересекло зенит и теперь медленно клонилось к западу, но яркие полосы в небе продолжали сверкать и переливаться. Язон быстро сообразил, что это не обычная радуга, возникающая при дожде, а порождение магии. Вот только чья это магия и насколько она дружелюбна — он не знал.

В какой-то момент он настолько опередил своих людей, что они остались далеко позади. Демон летел стрелой, перескакивая рвы и поваленные деревья с такой легкостью, точно у него выросли крылья. Семь ярких цветов, соединенных в гигантскую ленту, манили его почти так же, как и седока, нетерпеливо понукающего своего скакуна.

Почти полчаса дикой скачки и опасного лавирования по пересеченной местности, и Его Светлость пущенной стрелой вылетел на открытое пространство. Это была небольшая полянка, примостившаяся в самой чаще леса. Герцог натянул поводья, заставляя Демона встать на дыбы. Взмыленный конь возмущенно заржал. Его бока ходили ходуном, с губ падали клочья пены. Язон спрыгнул с коня, накинул поводья на ближайший куст и медленным шагом направился к центру поляны, напряженно вглядываясь в заросли ежевики, из которых поднимался цветной столб света. Это была оно — место, где радуга соединялась

с землей.

— Ты пришел! — услышал он женский голос, встрепнулся и изумленно поднял взгляд.

В центре куста, полускрытая разноцветным сиянием, стояла знакомая женская фигура.

— Мадемуазель Катрин? — пробормотал Его Светлость, вглядываясь в смутные очертания. — Как вы туда залезли? И что там делаете? Почему вы ушли из замка?

— Язон, дорогой, сегодня же назначена наша помолвка, не так ли? — пропела фигура сладким голосом.

— Да, дорогая, — герцог остановился. Что-то не давало ему покоя.

— Сделайте мне в честь этого небольшой подарок.

— Все что угодно, — пробормотал Его Светлость, делая шаг ближе.

В это время в его голове шла мучительная борьба. Все существо Язона буквально разрывалось на две половины: одна рвалась вперед, в ежевичный куст, туда, откуда он слышал нежный голосок своей возлюбленной и видел ее аппетитные формы, полускрытые разноцветным сиянием. А вторая половина, наоборот, испытывала желание держаться подальше от этого места и этой женщины, которая манила его рукой.

— Подарите мне поцелуй под радугой.

— Зачем?

— Как? Вы не знаете эту легенду? — мадемуазель Катрин нервно рассмеялась. — Если влюбленные в первый раз поцелуются в центре радуги, их любовь невозможно будет разорвать. Сама магия природы благословит этот союз. Ну, идите же ко мне, — в голосе женщины появились томные нотки, от которых Его Светлость почему-то передернуло.

— А как же ваша записка? Вы обещали прибыть в замок к праздничному ужину, а теперь зачем-то ждете меня в лесу. Откуда вы знали, что я здесь буду?

— Ну, — она жеманно захихикала, — женское сердце такое непредсказуемое. Мне нужно было время подумать, вот я и пошла в лес прогуляться. Но мое любящее сердце подсказало мне, где я могу встретить вас. Можете называть это интуицией.

Язон нахмурился. Странное дело, он не испытывал влечения к этой женщине. Ничего не дрогнуло в его душе, не затрепетало сердце, не возникло ни малейшего желания при звуках ее голоса. Да и томные вздохи, которые она издавала, показались ему наигранными.

— Мадемуазель Катрин, — произнес он строгим голосом, невольно лежа руку на эфес меча, — выйдите, пожалуйста, оттуда.

— Выйти? Нет, дорогой, это вы должны ко мне присоединиться. Разве вы не хотите, чтобы наша любовь длилась вечно?

— Хочу. Но я не желаю лезть в эти заросли. Выходите! Или я сам вытащу вас оттуда!

— Ах, — женщина хихикнула и протянула к герцогу обе руки, — так идите же скорее, мой рыцарь! Спасите свою возлюбленную!

То ли в ее словах, то ли в тоне, которым она говорила, проскользнуло нечто такое, от чего Язон, будто бычок на веревочке, медленно двинулся вперед, недоумевая собственному поведению. В два шага он достиг края зарослей и уже раздвинул их руками, собираясь шагнуть в столб света, когда за его спиной неожиданно раздался знакомый голос, не скрывающий издевки:

— Так-так-так, и чем это мы тут занимаемся, благородные дамы и господа?!

— Ты! — закричала мадемуазель Катрин из куста.

Язон обернулся и вытаращил глаза. Прямо перед ним, буквально в нескольких шагах стояла его невеста собственной персоной, сжимая внушительный лук, а по ее рукам, груди и

волосам ползали странные существа, похожие на мотыльков.

— Что это? — выдавил он, чувствуя, как в горле образовывается комок.

— Это? — мадемуазель Катрин номер два небрежным движением смахнула с носа особо назойливое существо. — Это мои новые друзья. А это что? — и она ткнула концом лука в сторону ежевичного куста.

Язон ощутил непреодолимое желание почесать затылок. Рука потянулась сама собой, но он усилием воли заставил остановиться непослушную конечность. Дилемма была на лицо. Обе мадемуазель Катрин, похожие как две капли воды, смотрели на него с двух сторон и прожигали друг друга отнюдь не дружелюбными взглядами. Та, что выглядывала из куста, поминутно томно вздыхала и как бы между прочим поправила декольте, выставляя напоказ аппетитные формы. Герцог невольно засмотрелся, но тут же совсем неласково получил по мягкому месту от мадемуазель Катрин номер два. Девушка с луком уставилась на него, пылая праведным гневом, и яростно прошипела:

— Слюни подбери, Казанова!

— Милый, иди ко мне! — сладким голосом пропела мадемуазель Катрин из куста.

Язон тут же, как по команде, подавился слюной и закашлялся, неловко прикрывая рот. Ноги сами сделали шаг, другой, все дальше уводя его в ежевичные заросли, из которых поднимался радужный столб света. Феечки, облепившие мадемуазель Катрин номер два, стайкой взлетели в воздух и запищали что-то неразборчивое, мельтеша у него перед глазами. Его Светлость замахал руками, пытаясь отогнать назойливый рой, но не тут-то было!

— Ведьма его заморозила! — пропищало одно из крошечных существ, цепляясь тонкими ручками за локон девушки и качаясь на нем, как на качелях.

— И что нам делать? — мадемуазель Катрин номер два сузила глаза.

— А ничего ты уже не сделаешь! — самодовольно заявила из ежевичного куста мадемуазель Катрин номер один. — Теперь он мой. Ты опоздала!

Она протянула руки, и Его Светлость покорно нырнул в ее объятия. Заросли ежевики сомкнулись за его спиной, будто капкан, отрезая от остального мира.

***

Я осталась стоять посреди опустевшей поляны с разинутым ртом. Мой герцог, тот самый, который по законам жанра должен был сейчас собственной грудью защищать меня от злой ведьмы, добровольно бросился к ней в объятия! К горлу подкатил комок, пальцы сжались в кулаки от обиды и ярости. Что-то кольнуло в ладонь. Я опустила взгляд и уставилась на эльфийский лук, который продолжала сжимать в руках.

— Долго так стоять собираешься?! — пропищала мне на ухо Сирень. — Скорее! Или она его поцелует под радугой и очарует навсегда! И тогда проклятье исполнится, ты заснешь смертным сном! А в Вечном лесу наступит зима, и мы все погибнем!

Эти слова обрушились на меня, будто ушат ледяной воды. Я вспомнила, что в любой, даже самой доброй сказке, героям выпадают испытания. Теперь и мне придется пройти через них, и от того, выйду ли я с честью из этой борьбы или струшу и сдамся, зависит не только мое будущее, но и будущее всего этого сказочного мира и всех этих существ — пусть крошечных и забавных, но живых.

Решительно сжав зубы, я бросилась в колючие кусты, которые преградили мне путь. Ежевичные плети вцепились в мое платье и в волосы, будто живые хлестали меня по щекам,

по рукам, по груди, разрывая сиреневый шелк и оставляя на коже тонкие кровоточащие царапины. Где-то на задворках разума мелькнула мысль: я здесь покалечусь! — мелькнула и пропала, заставив лишь яростнее пробиваться сквозь плотные заросли ежевики.

В последнем усилии я рванулась вперед. Треснул подол, обрывки юбки остались висеть на кусте, а я вывалилась на открытое пространство, отдуваясь и пыхтя. Грязная, исцарапанная, с всклокоченными волосами и полная праведного гнева.

Влюбленная парочка стояла буквально в десяти шагах от меня, обнимаясь и сладко воркуя. Вернее, ворковала одна Конкордия, вцепившись в моего герцога как энцефалитный клещ. Я окинула ее придирчивым взглядом. И совсем не похоже! Как он только мог нас перепутать?!

— Язон! — крикнула я, когда руки моей неудачной копии переместились на затылок герцога и начали ненавязчиво склонять к поцелую.

Его Светлость встrepенулся, разрывая объятия, и оглянулся. У него был такой затравленный взгляд, что я на мгновение умилилась. Какой няшка! За такого не стыдно и в волосы вцепиться сопернице. Впрочем, у меня была идея лучше.

— Отойти от нее! — мой голос напряженно звенел, я не отрывала пристального взгляда от ухмыляющейся ведьмы.

— Ты проиграла, — самодовольно заявила она. — Прими поражение с достоинством.

— Ну уж нет!

Словно какая-то неведомая сила заставила меня решительно вскинуть лук. Мои руки зажали собственной жизнью, независимо от разума. Эльфийская стрела будто сама собой скользнула в ладонь, легла в гнездо и натянула тетиву. Каждое мое движение было четко выверенным, ни единого лишнего жеста, точно я всю жизнь только тем и занималась, что стреляла из лука по живым мишеням.

Ни единой мысли в голове. Сердце бьется размеренно и спокойно. Я делаю вдох, поднимаю лук на уровень плеч, а затем растягиваю его так, что касаюсь тетивой подбородка. Время замерло, только звон в ушах. Я смотрю в упор на Конкордию и вижу собственное лицо, читаю в ее глазах — моих глазах — превосходство. Но вот ее рот — мой рот — дергается в кривой ухмылке, я отвечаю ей тем же и... отпускаю тетиву!

И надо же было такому случиться, что именно в этот момент у Его Светлости выиграло благородство! Я только увидела, как он смазанной тенью бросился между мной и ведьмой, прикрывая ее собственной грудью, но не успел.

Эльфийская стрела вошла ей прямехонько в горло. Конкордия пошатнулась, уставилась на тонкое древко с ярким оперением и схватилась за него руками. Что-то отвратительно булькнуло, ведьма с противным чавканьем вырвала стрелу, и из-под наконечника хлынул густой поток, такой черный, что это вряд ли могла быть человеческая кровь!

— Убей ее! — завизжала Конкордина, тыкая в мою сторону окровавленной стрелой. — Убей!

Словно под действием злого заклятия, небо над головой заволочло тучами, буквально в один момент исчезло солнце, и на поляне воцарились густые сумерки. Резко похолодало, трава и деревья покрылись инеем, а я моментально продрогла и начала выбивать челюстью чечетку.

Герцогу, казалось, холод был нипочем. Его Светлость выхватил меч из ножен и на полном серьезе собирался исполнить приказ. При этом на его застывшем лице отразилась такая мучительная работа мысли, что я невольно его пожалела.

Герцог надвигался на меня с безумным блеском в глазах, размахивая мечом так, будто здесь была не я одна с бесполезным луком в руках, а целая армия с алебардами наперевес. Он мычал что-то нечленораздельное, его лицо превратилось в гротескную маску, а позади стояла Конкордина и визжала без умолку.

Я ошарашенно замерла, не зная, куда бежать. Все, сейчас он разрубит меня на куски, и на этом наступит конец моей недолгой карьере сказочной героини. Всклипнув, я начала мысленно прощаться с жизнью.

— Зеркало! — пропищал над ухом знакомый голосок, и десяток других, таких же тоненьких, подхватили: — Зеркало! Достань зеркало, Катрин!

Я будто очнулась. Руки лихорадочно ощупали пояс. Где же эта дурацкая кучка металла? Чем она может мне помочь?!

Пальцы нашарили плотный узелок, из которого торчала длинная ручка. Пятясь от обезумевшего герцога и поминутно рискуя свалиться ему в ноги, я вцепилась руками в зеркало, рванула, освобождая из хитроумного плена, и выставила перед собой.

Из полированной металлической поверхности на меня изумленно воззрилось взлохмаченное чучело с расцарапанными щеками.

— Ой, — пискнула я и развернула зеркало лицом к Его Светлости.

Вот уж не знаю, что он там увидел, да только отшатнулся с перекошенным лицом, и в этот миг яркий луч света упал на зеркало откуда-то с небес, отразился от него и солнечным зайчиком заскакал по визжащей ведьме, вновь принявшей свое обличие. И там, где он касался ее, кожа Конкордии начинала шипеть и дымиться!

Герцог остановился буквально в шаге от меня, тяжело дыша и изумленно разглядывая собственные руки, сжимавшие меч. Потом его взгляд упал на Конкордию, которая вертелась на одном месте и беспорядочно махала руками, в тщетных попытках отогнать назойливый солнечный луч. Обрывки черного тумана подобно клочьям сажки клубились вокруг нее, но ей почему-то не удавалось создать тот самый темный вихрь, который всегда уносил ее в безопасное место.

— Уберите! Уберите это от меня! — кричала ведьма, истерически завывая.

Воздух наполнился звенящими голосами и яркими точками, мельтешащими, будто гигантский рой светлячков. Это была целая армия крошечных цветочных феечек, каждая из которых сияла в темноте как рождественская гирлянда. Они окружили визжащую Конкордию, облепили ее плотным коконом и вдруг синхронно взлетели вверх, поднимая за собой трепыхающуюся ведьму.

— Эй! Вы куда?! — растерянно крикнула я, позабыв о герцоге.

А где финальный бой, труп злодейки и моя победная песнь над ним?! Опять обманули!

Какое-то движение заставило меня оторваться от фееричного зрелища феечек, тащивших по воздуху завывавшую ведьму. Его Светлость с надрывным стоном схватился за сердце и начал оседать, прямо на моих глазах перевоплощаясь в ночное чудовище. Никакого тумана больше не было, но покрытое шерстью тело мешком свалилось мне под ноги.

— Язон! — не думая, я бросилась перед ним на колени и схватила за голову.

Клыкастая пасть оказалась полуоткрытой, язык безвольно свесился наружу, глаза бессмысленно закатились. Он даже не вздрогнул, когда я ударила его по щеке, пытаюсь привести в чувство.

— Язон, миленький, что с тобой? — я едва не плакала. — Только не умирай, слышишь? Не смей бросать меня здесь, ты, коврик войлочный!

Потеряв последние проблески здравого смысла, я трясла его за плечи, как грушу. Голова монстрика безвольно моталась в разные стороны, но он не издал ни звука, и мне на мгновение показалось, что сердце в его мохнатой груди больше не бьется!

— Ты решила оторвать ему голову? — раздался из-под ближайшей коряги задумчивый голос. — Не думаю, что это хорошая идея, но ты можешь попытаться.

Я вскинула зареванное лицо.

— Дядюшка Ясень, — всхлипнула. Старый эльф укоризненно смотрел на меня, пожевывая кончик бороды. Из-за его спины выглядывали со-товарищи. — Он умер?

— Пока нет. Но непременно умрет, если ты не перестанешь его трясти.

— Что с ним? Что мне делать?

Эльф вразвалочку прошествовал к моему монстрику, деловито оттянул ему веко, заглянул в закатившийся глаз, потом в безвольно раскрытую челюсть. Зачем-то потрогал зубы оборотня, достал платочек, вытер пальцы и только после этого весомым тоном проговорил:

— Ты победила ведьму. Наша стрела, заряженная твоей любовью, лишила ее колдовских сил. Но проклятье осталось в силе. Теперь он останется таким навсегда, его люди уже никогда не примут человеческий облик. До самой смерти им суждено бегать по Вечному лесу в образе диких зверей.

Ледяная волна охватила мое тело, сковывая руки и ноги. Сердце дрогнуло, пропуская один удар, горло сжалось, лишая дыхания. Я вдруг ощутила такое резкое головокружение, что едва не потеряла сознание.

— Как же так? — прошептала, давясь слезами. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Можно, — эльф вернул платочек в карман и сложил руки за спиной, важно выпятив бочкообразный живот. — Но пойдешь ли ты на это?

— Что именно?

— Если ты хочешь снять проклятие, тебе придется исполнить условие, которое поставила Конкордия. Но и это не все. Тебе придется за него заплатить.

— Я готова, — решительно потрянув головой, я размазала слезы по щекам и с готовностью уставилась на эльфа. — Что надо делать?

— Подожди, не суетись. Ты уверена, что хочешь этого?

— Я не знаю, о чем речь! Скажи мне — и я смогу принять решение.

— Нет, ты должна сделать выбор сейчас. Точнее, слушай свое сердце. Это оно должно сделать выбор.

Я закрыла глаза и прислушалась к своим мыслям. Такая странная фраза "слушай свое сердце"! Как его слушать? Я что, кардиограф? Ну стучит, бьется быстрее, чем должно, словно я бежала стометровку. Так ведь это и не удивительно в данный момент.

— Ну? — дядюшка Ясень нетерпеливо дернул меня за рукав. — Что ты решила.

И не знаю, сердце это мое отозвалось или другой какой внутренний орган, только губы мои вдруг раскрылись, и я услышала собственный голос, глухой и серьезный, словно со стороны:

— Я согласна на все. Как мне его спасти?

— Ты должна поцеловать его под радугой, обещая вечную любовь.

— А плата?

— Ты останешься здесь навсегда. Вместе с нами. Вечный лес возьмет твою жизнь взамен жизней этих людей.

— А он? — холодея, шепнула я и кивнула на монстрика.

— Он вернется в свой мир и в свое время, вместе со своими людьми, в тот самый миг, когда был отправлен сюда. И все прошедшее станет для каждого из них просто сном.

Я посмотрела на монстрика еще раз. Знаю, герцог настоящий козел, но ведь это чудовище его неотъемлемая часть. Добрый, заботливый, любящий. Столько веков он как мог заботился о нуждах своих подданных, не опустил руки, не упал духом. Учился выживать в этом мире и учил этому своих слуг. Ведьмы больше нет, но осталось проклятье, и если я сейчас откажусь, все эти несчастные навсегда останутся здесь из года в год, из века в век влачить жалкое существование.

Но остаться в этом заколдованном мире вместо них? Совершенно одной? А в принципе, что ждет меня дома? Серые будни, кредит, низкооплачиваемая работа... нет ни родных, ни особо близких друзей, разве что пара бывших любовников, которым я давно не нужна.

Одна моя бесполезная жизнь взамен жизней трех сотен взрослых и детей.

Мои руки тряслись, а губы дрожали, когда я еле выдавила из себя:

— Я согласна.

Мой взгляд невольно упал на резную шкатулку, все еще болтавшуюся у меня на поясе.

— Это же оно? — спросила я, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Мой шанс на возвращение? Тот, который я должна отдать ему?

— Ну почему "должна"? — дядюшка Ясень пожал плечами. — Ты можешь воспользоваться им сама.

Я медленно покачала головой. Нет, я уже знала, что останусь здесь вместо него. Вот такая глупая сказка, в которой вместо принца лесное чудовище и которая заканчивается не свадьбой, а добровольным заточением.

Руки мелко дрожали, когда я снимала шкатулку с пояса. Сердце замерло, пропуская один удар, когда я ее открыла. Внутри, на подушечке из алого бархата лежало тоненькое золотое колечко.

— Просто одень его на палец и поверни, — прошептал рядом со мной голос эльфа-искусителя, — и тут же окажешься дома!

Я закусила губу, чтобы не разреветься позорно. Достала колечко, сжала его в кулаке, ощущая себя жертвой собственной доброты. А потом отогнула мохнатый мизинец на безвольной руке монстрика и надела на него колечко. Последний эльфийский подарок легко скользнул вниз, будто был отлит именно под этот палец, и засветился. Я почувствовала, как по щекам бегут предательские слезы. Но плакала я вовсе не потому, что мне предстояло провести вечность в этом сказочном мире, а потому что эта вечность будет слишком долгой и тоскливой без Него...

— Давайте, ребята, поможем нашей спасительнице! — скомандовал дядюшка Ясень, и все эльфики высыпали на поляну как из рога изобилия. Их было так много, что у меня в глазах зарыбило от всех оттенков зеленого.

Крошечные смешные человечки что-то шептали на незнакомом певучем языке и совершали руками странные пассы, а потом вдруг затанцевали вокруг меня с монстриком и запели, причем их мелодичные голоса звучали все громче и громче с каждым движением. И огромное безвольное тело оборотня вдруг медленно оторвалось от земли и поплыло, направляясь прямо в столб радужного света, который неиссякаемо бил из земли. Я поднялась на негнущиеся ноги и заковыляла следом. Каждый шаг мне давался трудом, ведь решалась моя судьба. А еще в голове, будто птица в клетке, билась одна-единственная

мысль, что я дура, что Язон моей жертвы никогда не оценит, что он вообще никогда не узнает о ней. А если узнает, то что для него случайная знакомая из другого времени, ведь в его собственном его ждут королевские почести, друзья и родные, и роскошные придворные дамы в восхитительных нарядах.

Тело монстрика плавно вплыло в радугу и опустилось на землю. Я шагнула вслед за ним, и столб света сомкнулся за моей спиной, точно переливающаяся завеса. Я подняла голову вверх. Надо мной сияло яркое ультрамариновое небо, такое ясное, какое я еще никогда не видела за всю мою жизнь, а вот радуги не было видно.

Встав на колени рядом с монстриком, я подняла его мохнатую голову и тяжело вздохнула. Моя решительность исчезала с каждой секундой, все-таки я оказалась не спасителем мира, а обычной трусихой, но пока она еще теплилась, я развернула к себе безобразную монстрячью морду, зажмурила глаза и прижалась губами к клыкастой пасти.

Я еще успела почувствовать, как резко вздрогнуло его тело, как когтистые лапы обхватили меня, сжимаясь на талии, еще успела услышать рычание, переходящее в стон. Еще успела открыть глаза и увидеть, как уродливая морда превращается в человеческое лицо. А потом все вокруг завертелось, заплясало, сливаясь в бесконечный поток ярких огней, и меня накрыло непроницаемой тьмой.

Часть 10 + Эпилог

Язон Валентин Марк Филипп граф де Верней, герцог д'Арвентиль.

Все, что он помнил, это как Демон вынес его из лесной чащи на открытое пространство, а еще помнил голос мадемуазель Катрин, такой странный, приторно-сладкий, липкий, будто патока. И помнил, как увязал в этом голосе, точно муха, попавшая в паутину. Все остальные события словно туманом заволокло.

Но вот среди серой массы прорезался лучик солнца. Тьма отступила, позволяя открыть глаза. Яркий свет ослепил Его Светлость, заставляя вздрогнуть и болезненно застонать. Герцог не мог понять где он и что происходит, он чувствовал себя так, будто его раскрутили на детской карусели и выбросили на обочину, не давая опомниться.

Странная тяжесть в руках заставила опустить глаза. Лапы, нет, теперь уже руки, сжались, удерживая на весу безвольное женское тело.

— Катрин? — выдохнул он, прижимая девушку к себе и с трудом осознавая, где находится. Огляделся вокруг — лесная поляна, ничего необычного. — Что происходит?

— Она пожертвовала собой ради тебя и твоих людей, — произнес раскатистый голос, шедший, казалось, отовсюду.

— Кто это? — пробормотал Его Светлость, обшаривая деревья напряженным взглядом, но ни единый листик, ни одна травинка не шевельнулись. Даже ветер затих в этот момент. — Выйди и покажись!

— Я тот, кто может вернуть ее тебе... если она нужна. Но взамен я потребую плату.

— Покажись, кто ты! Еще одно дьявольское отродье? Или это опять происки Конкордии?

— Нет, — неизвестный расхохотался. — Я гораздо могущественнее всех человеческих магов и заклинателей.

— Так чего ты боишься? — герцог презрительно сплюнул себе под ноги. — Безоружного человека? Выйди и покажись!

— Ну вот что за манера все портить! — недовольно проворчал таинственный бас,

постепенно превращаясь в тоненький голосок, и перед изумленным герцогским взглядом прямо из воздуха соткалось странное существо. Оно было размером меньше его сапога, с внушительным брюшком, короткими ручками и ножками, острыми ушами и роскошной рыжей бородой. Одежда всех оттенков зеленого цвета сидела на нем как влитая, поражая воображение своим покроем.

— Ты кто? — Его Светлость изумленно уставился на это видение.

— Можешь звать меня дядюшка Ясень, — эльф, а это был он, шаркнул ножкой.

— Живой эльф! — пробормотал Язон, протирая глаза одной рукой, а другой продолжая удерживать на весу отяжелевшее тело мадемуазель Катрин.

— Положи девушку, а то уронишь, — дядюшка Ясень кивнул на его ношу. — Как-никак, она спасла тебя и твоих людей. Имей уважение.

— Спасла? — Язон перевел взгляд на бледное девичье лицо, в котором не было ни одной кровинки. — Что это значит?

— Она заплатила своей свободой за то, чтобы ты и твои люди вернулись домой.

— Своей свободой?.. То есть, она останется здесь? Одна?

— Да, а вы все вернетесь в свой день и час и все, что случилось с вами в этом лесу, превратится в обычный сон.

— Но я не хочу возвращаться без нее! — воскликнул герцог с такой горячностью, какую сам от себя не ожидал. — Я хочу быть с ней! Она нужна мне!

— Нужна? — дядюшка Ясень задумчиво сунул в рот кончик бороды и пожевал. — А зачем?

— Зачем? — теперь Язон и сам задумался. Эти слова вырвались из него машинально, но он еще не успел их осознать.

— Да, зачем она тебе? Подумай, ты вернешься домой, в свое время, к своей прежней жизни. Разве там не ждут тебя светские прелестницы и роскошные куртизанки? Зачем тебе девушка из другого мира? Она может никогда не прижиться, да и... разве она красива? — и эльф хитро прищурился.

Язон на минуту задумался, осторожно опустил девушку на землю и сел рядом, не сводя с ее застывшего лица пристального взгляда. Она была худой, взбалмошной, невоспитанной, совершенно невозможной особой, такая точно не впишется в жизнь Его Светлости Язона Валентина Марка Филиппа графа де Верней герцога д'Арвентиль. Но когда он смотрел на нее, его сердце билось быстрее, а в груди разливалось тепло.

Не отдавая себе отчета в собственных действиях, мужчина протянул руку и мягко убрал яркую прядь волос, упавшую на бледную щеку девушки. Да, цвет волос у нее был просто невероятным! Хотя это лишь подчеркивало ее необычность и то, что она была единственной не только в этом заколдованном мире, но и в том, который Язон считал своим. От сомкнутых ресниц на скулы падали длинные тени, влажные губы были слегка приоткрыты, девушка будто спала и казалось, что нет такой силы, которая могла бы ее разбудить.

На пальце герцога что-то блеснуло. Его Светлость поднес руку к глазам и с изумлением уставился на тоненький золотой ободок, которого еще вчера там не было.

— Что это? — пробормотал, недоуменно разглядывая неожиданное украшение.

— Это твой билет в обратный путь. Подарок Вечного леса лично для тебя. Поверни колечко — и через мгновение окажешься дома.

— Вот так просто? — Язон нахмурился.

— Магия не любит усложнений. В нашем деле все должно быть предельно просто.

Молодой мужчина несколько секунд рассматривал эльфийский подарок. Потом спокойно снял его и решительным броском отправил куда-то в кусты.

— Если она должна остаться в этом мире, то я хочу остаться вместе с ней, — произнес Язон севшим голосом.

— Почему? — удивился эльф. — У тебя есть возможность вернуться к прежней жизни. Зачем ты хочешь остаться здесь?

— Я хочу остаться с Катрин, и мне все равно, здесь или там. Пусть мои люди возвращаются, а я остаюсь.

— Почему? — повторил настырный эльф, заставляя герцога почувствовать раздражение.

— Неужели это не ясно? — Его Светлость погладил девушку по щеке, и в его взгляде появилось новое выражение — точно такое же, с каким на Катрин смотрел ее монстрик. — Я люблю ее.

— Любовь, любовь, — проворчал недовольно эльф, — вечно вы, люди, выдумываете разные сложности! Ну коли решил ты остаться с ней навсегда, то давай, подари ей поцелуй вечной любви, — и дядюшка Ясень взмахнул руками.

Из его раскрытых ладонек вырвался яркий столб света, распался на семь лучей, по одному на каждый цвет радуги, и эти лучи сомкнулись вокруг Язона и бесчувственной Катрин, образуя радужную завесу.

— Не медли, целуй ее! Целуй, если хочешь остаться с ней! — услышал Язон тот самый раскатистый голос, когда маленький эльф скрылся с его глаз.

Тело Катрин засветилось странным мерцающим светом, будто покрылось сверкающей пылью, и молодой человек увидел, как девушка начинает медленно таять, превращаясь в призрак прямо у него на глазах. Он понял, что время уходит, что некто уже запустил обратный процесс и скоро он, Язон, окажется у себя дома.

Три дня назад герцог д'Арвентиль выбрал бы возвращение. И даже еще вчера хорошо подумал бы, прежде чем делать выбор. Но сегодня его рассудок молчал, вместо него говорило сердце!

Медленно, будто во сне, он склонился над девушкой и обхватил ладонями ее прохладные щеки. Скользнул большим пальцем по контуру губ, чуть надавливая, заставляя их раскрыться, и не выдержал — приник с глухим стоном, вкладывая в этот поцелуй все свое смятение, все свои чувства и всю свою боль.

***

На поляне, за плотной стеной яркого света маленький бородатый эльф довольно потирал пухлые ручки. Его окружила толпа соплеменников, восхищенно взирающая на два мерцающих силуэта, слившихся в поцелуе. В воздухе носились феечки, радостно щебеча и рассыпая сверкающие конфетти из розовых лепестков. Лес вокруг расцветал, наполняясь птичьими трелями и ароматом весенних трав, а над всем этим великолепием мерцала и переливалась волшебная радуга, соединившая два любящих сердца.

— Дядюшка Ясень, — робко спросил Лапушок, дергая довольного старика за рукав, — что же будет теперь с герцогом и Катрин? И всеми его людьми?

— Я дал им выбор, — ответил эльф, погладив малыша по рыжим вихрам. — Я каждому из них дал выбор: уйти в свой мир или остаться здесь. Люди герцога могли бы вернуться к

прежней жизни и оставить его здесь, бродить в образе чудовища. Но вместо этого решили пожертвовать собой, превратиться навечно в диких зверей, лишь бы их господин смог вернуться домой. Его Светлость мог уйти вместе с ними и бросить здесь девушку, которую знал всего несколько дней. Но остался, пожертвовав своей свободой ради нее. Да и Катрин не захотела воспользоваться возможностью вернуться к себе и забыть это все, как ночной кошмар. Она посчитала, что счастье Язона стоит дороже, чем та жизнь, которая ее ждет в родном мире. Все они поступили так, как велело им сердце. Это единственное, что ни эльфам, ни феям никогда не понять: только люди умеют жертвовать собой ради других.

— Наверное, это оттого, что они смертны и не умеют ценить свою жизнь?

— Нет, я думаю это оттого, что они умеют беззаветно любить. Не все, но многие.

— Это значит, что проклятие пало?

— Оглянись вокруг. Что ты видишь? Все вокруг возвращается к жизни. Думаю, что и нам пора.

Дядюшка Ясень шумно вздохнул, погладил бороду и вдруг засветился весь, засверкал, увеличиваясь в размерах, превращаясь в старый могучий дуб, в пышной кроне которого тут же скрылись веселые феечки.

— Дух Леса! Дух Леса! — радостно пищали они, ныряя в густую листву.

— А что же дальше? — пробормотал Лапушок, глядя на своих соплеменников, которые схватились за руки и немедля пустились в пляс вокруг древнего дуба.

Стена света исчезла, открывая молодого герцога, который шел, неся на руках девушку, с довольной улыбкой прижимавшуюся к его груди. Эти двое не видели ни танцующих эльфов, ни цветочных фей, разбрасывавших конфетти. Они видели только старый могучий дуб с раскидистой кроной, стайки разноцветных бабочек, порхавших над поляной, слышали щебет птиц и веселый стрекот кузнечиков в траве.

***

Широкая тропа, извиваясь, вела к прекрасному замку, на шпилях которого трепетали флаги и вымпелы. Солнце золотило черепицу, сверкало в стеклах окон, отражалось в прозрачной воде, наполнявшей глубокий ров. Во дворе бегали слуги, подгоняемые старым Жако и мэтром Жераром, заканчивая последние приготовления. В уголке степенно рассаживался оркестр. За стенами замка раскинулись вспаханные поля, зеленевшие озимыми всходами, и в пяти деревнях накрывали столы, готовясь славить герцога и герцогиню.

— Помнишь, я обещал тебе праздничный бал сегодня вечером? — произнес Его Светлость, вступая на подъемный мост со своей драгоценной ношей. — Но сначала я хочу знать одно: ты выйдешь за меня замуж?

— Разве я не сказала "да", когда решила остаться здесь вместе с тобой?

— Сказала, но не мне, а тому чудовищу, которым я был. Сможешь ли повторить человеку?

Девушка засмеялась, радостно и легко. Обхватила ладонями его лицо, заглянула в глаза и воскликнула:

— Да! Да! И еще раз да!

— Навсегда, пока смерть не разлучит нас?

— Навсегда!

КОНЕЦ!

Больше книг на сайте - Knigolub.net